

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

4/2006

Документы саммита ШОС

●
К пятилетию Договора
о добрососедстве, дружбе
и сотрудничестве
между Россией и Китаем

●
Реформа системы
госуправления в КНР

●
Региональный форум АСЕАН

●
Внешняя торговля
Дальнего Востока России

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4 / 2006

Июль - Август

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

- Совместное коммюнике об итогах заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества.....6
Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества.....9

К 5-Й ГОДОВЩИНЕ ДОГОВОРА О ДОБРОСОСЕДСТВЕ, ДРУЖБЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ

- Лю Гучан. Воздавая должное Договору Века, достичь новых высот в китайско-российских отношениях.....13

ПОЛИТИКА

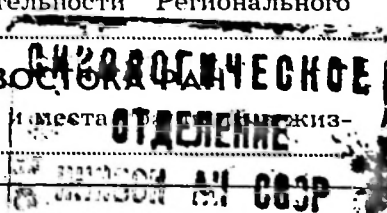
- А.Клименко. Перспективы взаимодействия между Россией и Индией в двустороннем формате и в рамках ШОС: военно-политические аспекты.....20
Л.Гудошников. Реформирование системы государственного управления в КНР.....36
Л.Васильев. Основные аспекты деятельности Регионального форума АСЕАН.....45

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

- Л.Переломов, В.Кожин. Изучение роли и места жизни ни китайского общества в ИДВ РАН.....57

© Российская академия наук, 2006 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2006 г.

3 6 0 3

З. Муромцева. Экономические проблемы Китая в исследованиях ИДВ РАН (1997-2006 гг.)..... 62

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Е. Деваева. Структура внешнеторговых потоков Дальнего Востока России..... 71

ЭКОНОМИКА

Я. Бергер. Итоги 10-й пятилетки и становление новой модели экономического роста в КНР (окончание)..... 81

О. Борох. Выступления Лан Сяньпина и дискуссия о реформе государственных предприятий в КНР (2004-2005 гг.)..... 96

А. Бондаренко. Внешнеэкономические связи СУАР КНР..... 110

ИСТОРИЯ

Н. Кулинич. Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока России в 1920-1930-е годы..... 120

Н. Мартыненко. Палеография и проблемы истории древнего Китая..... 130

О. Шинин. Проведение органами государственной безопасности активных мероприятий в 1922-1941 годах (на материалах Дальневосточного региона)..... 144

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

А. Картунова. Нейман-Никольский — участник I съезда КПК..... 158

ОБЩЕСТВО

О. Почагина. Защита интересов социально уязвимых групп населения в мегаполисе: опыт Гонконга..... 163

КУЛЬТУРА

Гао Синь. Национально-культурная специфика русской фразеологии с позиции носителя китайского языка..... 169

РЕЦЕНЗИИ

Ю. Песков. Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы..... 175

А. Желозовцев. Спешнев Н.А. Пекин — страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика..... 180

А. Семин. М.В. Шарко. Философия японской дипломатии..... 181

Ф. Хамраев. ШОС: становление и перспективы развития. Материалы международной конференции..... 184

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Вячеславу Петровичу Зимонину — 60 лет..... 187

Главный редактор *В.Я. Портяков*

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

Лю Гучан. Воздавая должное Договору Века, достичь новых высот в китайско-российских отношениях

Журнал публикует выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Лю Гучана на торжественном собрании в Москве, посвященном 5-й годовщине подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя странами.

А.Клименко. Перспективы взаимодействия между Россией и Индией в двустороннем формате и в рамках ШОС: военно-политические аспекты

В статье рассматриваются основные этапы российско-индийского сотрудничества в военно-политической сфере, прогнозируются перспективы его дальнейшего развития и совершенствования. Особое внимание автор уделяет налаживанию возможного взаимодействия России и Индии в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Л.Гудошников. Реформирование системы государственного управления в КНР

Автор акцентирует внимание на двух аспектах современного этапа административной реформы в КНР — реорганизации государственного аппарата и совершенствовании системы государственной службы. Они и определяют главное ее направление — создание эффективного и квалифицированного аппарата, способного обеспечить выполнение грандиозной задачи модернизации страны. Анализируется проводящееся в КНР более четверти века реформирование госаппарата в соответствии с условиями и требованиями рыночной экономики с китайской спецификой.

Л.Васильев. Основные аспекты деятельности Регионального форума АСЕАН

В статье излагаются основные предпосылки, определяющие необходимость укрепления системы региональной безопасности в ЮВА, подробно рассматривается деятельность Регионального форума АСЕАН, оценивается влияние внешних факторов на региональную безопасность в ЮВА, в частности, России — крупного партнера АСЕАН не только в АТР, но и на международной арене в целом. Углубление сотрудничества с АСЕАН, поддержание стабильности в регионе является одним из приоритетов политики России в Азии.

Л.Переломов, П.Кожин. Изучение роли и места традиций в жизни китайского общества в ИДВ РАН

В статье рассмотрено изучение китайских традиций в ИДВ РАН с 70-х годов XX в. по настоящее время. Проанализированы характер и содержание феномена традиции: его высшим проявлением авторы считают политическую культуру, в рамках которой передаются стратегия и методы разрешения общественных и межгосударственных конфликтов. Освещаются основные научные достижения Института в указанной области, даются примеры их высокой оценки в академических и политических кругах.

З.Муромцева. Экономические проблемы Китая в исследованиях ИДВ РАН (1997-2006 гг.)

В обзоре, публикуемом в рубрике "К 50-летию ИДВ РАН", показаны основные направления изучения экономических проблем современного Китая учеными института в последнее десятилетие.

Е.Девасва. Структура внешнеторговых потоков Дальнего Востока России

В статье рассмотрены товарная и географическая структура экспорта и импорта Дальнего Востока России в 2002-2005 гг., перспективы развития внешней торговли региона на 2006-2010 гг.

Оценки автора свидетельствуют, что динамика внешней торговли российского Дальнего Востока и впредь в значительной степени будет определяться объемами экспорта продукции ТЭК. Основными импортерами будут Япония, Китай и Республика Корея.

О.Борох. Выступления Лан Сяньпина и дискуссия о реформе государственных предприятий в КНР (2004-2005 гг.)

В статье анализируется дискуссия о реформе госпредприятий, инициированная в 2004 г. гонконгским экономистом Лан Сяньпином. На нескольких примерах он продемонстрировал, какими путями собственность государства переходит в частные руки. Рассматривается реакция экспертного сообщества на критические выступления Лан Сяньпина, исследуется воздействие дискуссии на ход дальнейших рыночных преобразований.

А.Бондаренко. Внешнеэкономические связи СУАР КНР

Статья посвящена внешнеэкономическому сотрудничеству Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая с основными торговыми партнерами, прежде всего со странами Центральной Азии, за период с 1999 г. по настоящее время. Исследованы структура и объемы экспортно-импортных операций по группам и видам товаров, рассмотрены новые моменты в экономическом развитии автономного района.

Н.Кулинич. Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока России в 1920-1930-е годы

В статье рассматривается динамика численности и специфика размещения китайских иммигрантов в составе населения городов Дальнего Востока России. Согласно переписи 1926 г., в многонациональном городском населении региона они составляли вторую по численности этническую группу (12,2% общего числа горожан), уступая, хотя и значительно, только русским (68,6%). Некоторая часть китайских иммигрантов относилась к категории "хозяев" и была вовлечена в мелкое частное и кустарное производство. Абсолютное большинство вливалось в состав дальневосточного отряда рабочего класса, являясь, особенно в 1920-е годы, важным источником его пополнения. Социальная значимость китайских иммигрантов рассматривалась в тот период властью, прежде всего, с политических и классовых позиций, и только во вторую очередь — с точки зрения экономической целесообразности их пребывания в регионе.

Н.Мартыненко. Палеография и проблемы истории древнего Китая

Автор на примере исследований гадательных надписей II тыс. до н.э., расшифровка которых опровергла мнение о легендарности древней династии Шан-Инь и доказала достоверность сведений о ней в китайской классике, показывает значимость палеографических изысканий для изучения китайской истории, масштабы их развития в современном Китае, оценивает перспективы, которые они открывают перед исторической наукой.

О.Шинин. Проведение органами государственной безопасности активных мероприятий в 1922-1941 годах (на материалах Дальневосточного региона)

На основе ранее не публиковавшихся архивных данных автор подробно описывает операции органов ОГПУ-НКВД в Маньчжурии и Северной Корее на протяжении двух десятилетий, позволявшие ограничивать и пресекать подрывную деятельность внешних сил против СССР на Дальнем Востоке.

А.Картунова. Нейман-Никольский — участник I съезда КПК.

По скудным данным, главным образом воспоминаниям китайских делегатов, съехавшихся в 1921 г. в Шанхай на I съезд КПК, на нем присутствовали представитель Коминтерна Г.Маринг и представитель Профинтерна Никольский (последний выполнял задание Дальневосточного секретариата Коминтерна и Международного совета профсоюзов). Если о деятельности Г.Маринга известно практически все, то о личности Никольского и его деятельности до поездки в Китай, а также — куда он уехал из Шанхая, выполнив возложенные на него обязанности, и чем занимался все последующее время, — до сих пор известно не было. В публикуемой статье на новых архивных документах впервые представлены довольно полные сведения о личности и деятельности В.А.Неймана-Никольского.

О. Почагина. Защита интересов социально уязвимых групп населения в мегаполисе: опыт Гонконга

В статье рассматривается деятельность благотворительного фонда Po Leung Kuk в сфере социальных, образовательных и рекреационных услуг, оказываемых социально уязвимым группам населения Гонконга. Анализируются возможности применения опыта фонда в поддержке престарелых, детей-сирот, инвалидов, малообеспеченных семей в Российской Федерации.

Гао Синь. Национально-культурная специфика русской фразеологии с позиций носителя китайского языка

На многих примерах устойчивых словосочетаний русского и китайского языков автор показывает, что их лингвистическая специфика тесно связана с особенностями национальных культур, истории и быта русского и китайского народов.

Документы

Совместное коммюнике об итогах заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества

15 июня 2006 года в Шанхае прошло заседание Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества /ШОС/. Участвовали президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев, председатель Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао, президент Кыргызской Республики К.С.Бакиев, президент Российской Федерации В. В.Путин, президент Республики Таджикистан Э.Ш.Рахмонов и президент Республики Узбекистан И.А.Каримов.

В заседании приняли участие Исполнительный секретарь ШОС Чжан Дэгуан и директор Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС В.Т.Касымов.

На заседании присутствовали и выступили высокие представители государств-наблюдателей при ШОС — министр нефти и природного газа Республики Индия М.Деора, президент Исламской Республики Иран М. Ахмадинежад, президент Монголии Н.Энхбаяр, президент Исламской Республики Пакистан П.Мушарраф, а также в качестве гостей председательствующего — президент Исламской Республики Афганистан Х.Карзай, председатель Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств В.Рушайло, заместитель Генерального секретаря Ассоциации государств Юго-Восточной Азии У.Виллакорта.

Главы государств подписали Декларацию пятилетия ШОС и Заявление о международной информационной безопасности. Были утверждены новая редакция Положения о Секретариате ШОС и Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007—2009 годы. Приняты решения по ряду кадровых и организационных вопросов ШОС. Генеральным секретарем ШОС на период 2007—2009 гг. утвержден Б.К.Нургалиев /Республика Казахстан/.

Уполномоченными представителями государств-членов Организации были также подписаны Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств-членов Шанхайской организации сотрудничества лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности, Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования, Решение Делового совета Шанхайской организации сотрудничества, Программа действий в поддерж-

ку регионального экономического сотрудничества между банками-членами Межбанковского объединения в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Главы государств встретились с участниками Учредительной сессии Делового совета ШОС и присутствовали на открытии Фестиваля искусств государств-членов ШОС.

На заседании Совета глав государств в конструктивной, дружественной атмосфере были обобщены опыт и результаты развития Организации, рассмотрены актуальные вопросы и задачи деятельности ШОС. Состоялся также углубленный обмен мнениями по широкому кругу внешнеполитических проблем, представляющих общий интерес.

Главы государств отмечают, что в рамках Организации была проделана результативная работа по выполнению договоренностей, достигнутых на саммите ШОС в Астане летом 2005 года. Это создает хорошие предпосылки для еще более энергичного продвижения вперед многостороннего сотрудничества в рамках ШОС по всем направлениям.

Принятие на нынешнем заседании Совета глав государств решений о повышении роли Секретариата в системе органов ШОС и о преобразовании должности его руководителя в Генерального секретаря ШОС должно придать новый качественный импульс работе Организации, повысить эффективность деятельности ее постоянно действующих органов перед лицом все более ответственных задач, которые ставятся перед ШОС. Руководствуясь этими установками, Совет национальных координаторов должен до конца 2006 года согласовать вопросы, касающиеся модернизации структуры Секретариата и проведения ротации штатных работников постоянно действующих органов ШОС на основе сбалансированности и соблюдения преемственности в работе.

Принимая во внимание достигнутое взаимопонимание о принципиальных подходах к созданию системы мер совместного реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, стабильность и безопасность в регионе, главы государств считают целесообразным, чтобы Секретариат ШОС в ближайшее время организовал подготовку соответствующего соглашения, требующегося для юридического оформления необходимых элементов этой системы.

Приоритетное значение для ШОС по-прежнему имеет противодействие угрозе терроризма, сепаратизма, экстремизма, незаконному обороту наркотиков, масштабности и острота которых не уменьшаются. Полезным для повышения эффективности совместных антитеррористических действий государств-членов будет продолжение практики проведения в различных формах совместных контртеррористических учений на территориях государств-членов, в том числе по линии оборонных ведомств. В целом позитивно оценивая деятельность Региональной антитеррористической структуры ШОС, главы государств считают, что у нее имеются резервы для еще более четкого выполнения возложенных функций и поручений.

Главы государств отмечают, что к настоящему времени уже сложились основы правового фундамента и организационные механизмы для развертывания экономического сотрудничества и началась работа по реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и Плана мероприятий по ее выполнению. Развитие экономической составляющей ШОС получает серьезный импульс с учреждением Делового совета и Межбанковского объединения. Реализация предоставленного китайской стороной кредита в 900 млн долларов США будет способствовать расширению сотрудничества в регионе. В качестве приоритетных сфер рассматриваются энергетика, информационные технологии и транспорт, взаимодействие в которых выходит на этап реализации ряда конкретных "пилотных" проектов. Все это приобретает особое значение для укрепления экономического сотрудничества в рамках ШОС.

С удовлетворением отмечая полезные шаги по развитию многостороннего взаимодействия в таких сферах, как охрана природы, культура, образо-

вание, спорт, и начало работы научно-экспертного Форума ШОС, главы государств подчеркивают, что эти направления имеют растущее значение для расширения фундаментальных знаний друг о друге, налаживания в рамках Организации общественной дипломатии.

Главы государств выражают полную поддержку соответствующим договоренностям, достигнутым руководителями парламентов шести стран на их первой встрече, состоявшейся 30 мая 2006 года в Москве /"Парламентская инициатива ШОС"/, и считают это полезным начинанием в деле укрепления Организации и развития парламентских связей между ее государствами-членами.

Главы государств считают, что развитие ситуации в мире и повышение активности ШОС делают необходимым усиление информационно-пропагандистской работы с целью формирования общественного мнения и информационной среды, благоприятствующих развитию Организации. Секретариат ШОС должен координировать подготовку соответствующих конкретных предложений.

Новым вызовом, требующим незамедлительного совместного противодействия, являются угрозы информационной безопасности военно-политического, преступного и террористического характера. Группе экспертов государств-членов поручается выработать к следующему саммиту ШОС в 2007 году план действий по обеспечению международной информационной безопасности, в котором были бы определены пути и средства решения в рамках ШОС данной проблемы.

Исходя из высоких целей и перспективных интересов Организации и в соответствии с Декларацией пятилетия ШОС главы государств поручают Совету национальных координаторов провести согласование вопроса о заключении в рамках ШОС многостороннего правового документа о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

ШОС будет активно использовать различные формы и методы для расширения взаимодействия государств-членов на международной арене, а также для проведения консультаций на регулярной основе с государствами-наблюдателями при ШОС и с заинтересованными международными структурами. Это в полной мере относится к созданной и начавшей свою деятельность Контактной группе ШОС-Афганистан.

С удовлетворением констатируя широкий позитивный отклик на выдвинутую Советом глав государств в Ташкенте в 2004 году инициативу о том, чтобы международные организации, действующие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, установили между собой отношения сотрудничества, главы государств приветствуют подписание соответствующих документов ШОС с АСЕАН, СНГ, ЕврАзЭС и подтверждают готовность ШОС развивать подобного рода связи с другими международными организациями и международными финансовыми структурами на равноправной и взаимоуважительной основе.

Секретариату ШОС вместе с Исполнительным комитетом Региональной антитеррористической структуры необходимо уделять постоянное внимание практическим шагам по реализации документов о сотрудничестве с другими объединениями, всячески способствовать развитию активного предметного взаимодействия с государствами-наблюдателями при ШОС.

Главы государств поручают Совету национальных координаторов приступить к разработке предложений о порядке расширения нынешнего состава членов Организации при том понимании, что такой порядок должен полностью отвечать целям и задачам, зафиксированным в Хартии ШОС, обеспечивать действенность договорных документов, составляющих правовую основу ШОС, служить интересам укрепления консолидирующих начал в Организации, гарантировать бесперебойное функционирование правила консенсуса при согласовании любых вопросов на всех уровнях в ШОС.

Очередное заседание Совета глав государств-членов ШОС состоится в 2007 году в Бишкеке, соответственно председательствующей стороной в Организации на предстоящий год будет Кыргызская Республика.

Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества

Принята 15 июня 2006 года в Шанхае Президентом России Владимиром Путиным, Председателем КНР Ху Цзиньтао, Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, Президентом Узбекистана Исламом Каримовым, Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым и Президентом Киргизии Курманбеком Бакиевым.

Отмечая пятилетие создания Шанхайской организации сотрудничества, государства-члены Организации в лице Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева, Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао, Президента Кыргызской Республики К.С.Бакиева, Президента Российской Федерации В.В.Путина, Президента Республики Таджикистан Э.Ш.Рахмонова и Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова, — собравшихся в городе ее учреждения – Шанхае, заявляют о следующем.

I

Провозглашение пять лет назад в Шанхае создания ШОС явилось важным стратегическим выбором, сделанным всеми государствами-членами перед лицом вызовов и угроз XXI века ради установления прочного мира и содействия непрерывному развитию в регионе. Это способствовало вступлению регионального сотрудничества в новый исторический период, имело важное значение для создания и поддержания в регионе, на всем пространстве ШОС мира и стабильности, обстановки открытости и сотрудничества.

На фоне серьезных событий и изменений в международной и региональной обстановке, ШОС уже показывает себя важным механизмом углубления добрососедских, дружественных и партнерских отношений между государствами-членами, примером развития межцивилизационного диалога, активным фактором в глобальных усилиях по демократизации международных отношений.

II

За прошедшие годы Шанхайская организация сотрудничества заложила прочную базу для уверенного и поступательного движения вперед и получила всеобщее признание в мире.

Во-первых, успешно завершено организационное и правовое становление ШОС, что обеспечивает эффективное выполнение Организацией своих функций.

Во-вторых, развернуто тесное сотрудничество в области безопасности, центральным звеном которого является борьба с такими нетрадиционными угрозами и вызовами, как международный терроризм, сепаратизм и экстремизм, незаконный оборот наркотиков.

В-третьих, сформулированы долгосрочные планы и ориентиры регионального экономического сотрудничества. Определены цели, приоритетные на-

правления и первоочередные задачи такого сотрудничества, созданы Деловой совет и Межбанковское объединение.

В-четвертых, придерживаясь принципов открытости, ненаправленности против кого-либо и необразования союзов, ШОС активно разворачивает диалог, обмена и сотрудничество в различных форматах с государствами и международными организациями, которые, как и ШОС, готовы развивать взаимодействие на равноправной, взаимоуважительной и конструктивной основе в целях обеспечения мира, безопасности и стабильности в регионе.

Залог успешного развития ШОС состоит в том, что она неизменно руководствуется и неуклонно следует "шанхайскому духу", для которого характерны взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию. "Шанхайский дух", являясь основным целостным понятием и важнейшим принципом деятельности Шанхайской организации сотрудничества, обогатил теорию и практику современных международных отношений, претворяя в жизнь всеобщее стремление мирового сообщества к демократизации международных отношений. Все это имеет крайне важное значение для поиска мировым сообществом новой, неконфронтационной модели межгосударственных отношений, которая исключала бы мышление времен "холодной войны", стояла бы над идеологическими различиями.

ШОС будет непоколебимо придерживаться целей и принципов, заявленных при ее учреждении и получивших закрепление в принятых документах, декларациях и заявлениях.

III

В настоящее время обстановка в мире и международные отношения переживают беспрецедентные по глубине перемены. Тенденции к многополярности мира и экономической глобализации развиваются противоречиво и непрямолинейно, процессы строительства нового международного порядка XXI века проходят медленно и неравномерно. С каждым днем усиливаются взаимосвязи и взаимозависимость государств. У международного сообщества есть уникальные возможности для длительного, мирного и всеобъемлющего развития. Вместе с тем оно стоит перед лицом сложнейших переплетающихся традиционных и нетрадиционных проблем, вызовов и угроз.

ШОС последовательно выступает за укрепление стратегической стабильности, международных режимов в области нераспространения оружия массового уничтожения, за поддержание международного правопорядка и будет вносить свой растущий вклад в осуществление этих актуальных задач.

ШОС исходит из того, что наиболее представительной, авторитетной и универсальной организацией в мире была и остается Организация Объединенных Наций. Она призвана играть ведущую роль в мировых делах, стать главным центром выработки и осуществления основополагающих норм международного права. Необходимое реформирование ООН следует проводить с учетом меняющейся обстановки в мире на принципах рациональности и целесообразности, ставя в качестве ориентира повышение ее эффективности и усиление способностей реагировать на новые вызовы и угрозы. При проведении реформы Совета Безопасности важно уделять внимание соблюдению принципа справедливой географической представленности стран, придерживаться принципа достижения самого широкого согласия по рассматриваемым вопросам, не устанавливать временные лимиты для проведения реформ или навязывать проекты, по которым имеются значительные разногласия. ШОС выступает за то, чтобы следующим Генеральным секретарем ООН стал представитель Азиатской региональной группы.

Эффективно противостоять вызовам и угрозам можно только развивая широкое взаимодействие между всеми заинтересованными странами и международными организациями при том понимании, что определение конкретных форм и механизмов региональной безопасности – прерогатива и ответственность расположенных в данном регионе государств.

ШОС будет вносить конструктивный вклад в создание структуры глобальной безопасности нового типа, главными элементами которой были бы взаимное доверие, взаимная выгода, равноправие и взаимное уважение, соблюдение общепризнанных международно-правовых норм при исключении практики “двойных стандартов”, решение спорных вопросов путем переговоров на основе взаимопонимания, уважения права каждого государства обеспечивать свою целостность и защищать свои национальные интересы, независимо и самостоятельно выбирать путь своего развития и выстраивать свою внутреннюю и внешнюю политику, на равноправной основе участвовать в международных делах.

Необходимо уважать и сохранять многообразие цивилизаций в мире и многовариантность путей развития. Исторически сложившиеся различия в культуре и традициях, политической и социальной системах, в системах ценностей и определении путей развития не должны использоваться в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела других государств. Конкретные модели общественного развития не могут становиться предметом экспорта. Должно соблюдаться взаимное уважение различных цивилизаций, их равноправное общение, взаимное дополнение и гармоничное сосуществование.

IV

Ситуация в регионе Центральной Азии в целом стабильная. Государства добились успехов исторического масштаба в политических и экономических реформах, в сфере социального прогресса. Страны Центральной Азии, имеющие уникальные исторические и культурные традиции, должны пользоваться уважением и пониманием со стороны международного сообщества. Необходимо оказывать поддержку усилиям, предпринимаемым правительствами государств Центральной Азии в целях обеспечения безопасности и стабильности, социально-экономического развития и неуклонного роста благосостояния людей.

ШОС будет и дальше выявлять свой потенциал и повышать свою роль, прикладывая усилия к тому, чтобы стимулировать межгосударственное сотрудничество, вносить более активный вклад в формирование мирного, взаимодействующего, открытого, процветающего и гармоничного региона.

Государства-члены будут передавать дружбу из поколения в поколение и не станут рассматривать друг друга в качестве соперников, будут всесторонне развивать отношения добрососедства, взаимоуважения и взаимовыгодного сотрудничества. Они будут оказывать друг другу поддержку в отстаивании принципиальных позиций в деле защиты суверенитета, безопасности и территориальной целостности и предпринимаемым в этих целях усилиям. Они не будут участвовать в союзах и объединениях, которые могут нанести ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности государств-членов. Они не позволят использовать их территорию для нанесения ущерба суверенитету, безопасности и территориальной целостности других государств-членов и будут пресекать на своих территориях деятельность организаций или группировок, наносящую ущерб интересам государств-членов. С учетом этого государства-члены приступят к согласованию вопроса о заключении в рамках ШОС многостороннего правового документа о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Государства-члены будут и впредь усиливать координацию и сотрудничество в международных и региональных делах с целью формирования общих позиций по вопросам, затрагивающим интересы ШОС.

ШОС обладает потенциалом для того, чтобы играть самостоятельную роль в поддержании стабильности и безопасности в зоне своей ответственности. В случае возникновения чрезвычайных событий, ставящих под угрозу мир, стабильность и безопасность в регионе, государства – члены ШОС будут незамедлительно вступать в контакт и проводить консультации относительно оперативного совместного реагирования с тем, чтобы в максимальной степени защитить интересы Организации и государств-членов. Будет также изучен вопрос о возможности создания в рамках ШОС механизма предотвращения региональных конфликтов.

Приоритетным направлением деятельности ШОС является всемерное углубление сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков. При этом Организация будет принимать меры в целях укрепления Региональной антитеррористической структуры и развивать взаимодействие с соответствующими международными объединениями.

В целях дальнейшего расширения экономического сотрудничества важно гармонизировать усилия государств-членов, направленные на обеспечение выполнения Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества путем реализации важных региональных проектов в приоритетных сферах экономики, на создание благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного перехода к свободному передвижению товаров, капиталов, услуг и технологий.

ШОС приветствует подключение заинтересованных партнеров к конкретным проектам в таких приоритетных областях, как энергетическая, транспортная, информационно-коммуникационная, сельскохозяйственная. ШОС готова использовать свои возможности для того, чтобы активно участвовать в международных усилиях по ликвидации инфекционных заболеваний, вносить свой вклад в дело охраны окружающей среды и рационального природопользования.

Одним из важнейших факторов, гарантирующих жизнеспособность Организации, является укрепление и расширение социальной базы дружбы и взаимопонимания между государствами-членами. В этих целях ШОС будет придавать системный характер сотрудничеству, существующему на двусторонней и на многосторонней основе, в таких областях, как культура и искусство, образование, спорт, туризм, средства массовой информации. Учитывая самобытное и богатейшее творческое наследие народов стран, входящих в ШОС, Организация вполне может сыграть роль катализатора и примера для межцивилизационного общения во имя поиска решений проблем, которые препятствуют гармонизации отношений в мире.

* * *

Выступая с настоящей Декларацией в связи с пятилетием Шанхайской организации сотрудничества, мы, главы государств-членов, солидарны в уверенности в том, что эта Организация будет эффективно служить тем высоким целям и задачам, которые были провозглашены при ее создании, и тем самым вносить свой вклад в дело мира, сотрудничества и развития.

К 5-й годовщине Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве

30 июня с.г. в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное пятой годовщине Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Собрание было организовано по инициативе Института Дальнего Востока РАН и Общества российско-китайской дружбы при участии российской части Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития, российской части Российско-Китайского делового совета и Российско-Китайского центра торгово-экономического сотрудничества.

Торжественное собрание открыл Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор Института Дальнего Востока РАН, академик М.Л. Титаренко.

Перед собравшимися выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Лю Гучан.

От имени МИД РФ участников собрания приветствовал заместитель министра иностранных дел РФ А.Ю. Алексеев.

От имени Государственной Думы Федерального Собрания РФ выступил заместитель председателя ГД В.А. Купцов; от имени российской части Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития — ее председатель Л.В. Драчевский.

Все выступавшие подчеркивали историческое значение договора, являющегося правовой базой развивающихся и расширяющихся российско-китайских отношений; подчеркивали особую значимость того, что пятая годовщина российско-китайского договора отмечается в Год России в Китае, главная цель которого — познакомить китайскую общественность с экономикой, наукой, техникой, культурой и образованием в нашей стране, жизнью ее регионов.

В торжественном собрании приняли участие сотрудники Посольства КНР в РФ, представители китайского землячества, делегация Китайской академии современных международных отношений, представители общности Москвы.

Воздавая должное Договору Века, достичь новых высот в китайско-российских отношениях

© 2006

Лю Гучан

Выступление Посла КНР в России Лю Гучана 30 июня 2006 г. на торжественном собрании в Обществе российско-китайской дружбы, посвященном пятой годовщине подписания Договора между КНР и РФ о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Уважаемый Заместитель председателя Государственной Думы Валентин Купцов,

Уважаемый Заместитель министра иностранных дел России Александр Алексеев,

Уважаемый Председатель Общества российско-китайской дружбы Михаил Титаренко,

Уважаемый Председатель российской части Китайско-Российского комитета дружбы, мира и развития Леонид Драчевский,
Друзья!

Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы отметить пятую годовщину со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Хотел бы выразить благодарность Обществу российско-китайской дружбы за организацию этого мероприятия, которое позволяет нам бросить ретроспективный взгляд на процесс развития китайско-российских отношений, достойно оценить важную основополагающую роль этого Договора в отношениях наших двух стран и его глубокое историческое влияние на современные международные отношения.

Пять лет назад Председатель Цзян Цзэминь и Президент В.В. Путин подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ. Это — крупное событие и важная веха в истории развития межгосударственных отношений между Китаем и Россией. Как участник разработки Договора и переговорного процесса, я горжусь тем, что мне предоставлена возможность вместе с Вами вспомнить весь путь рождения и реализации идеи его подписания.

Весной 2000 года, готовясь к первому визиту В.В. Путина в Китай в качестве Президента России, китайская сторона провела всестороннюю оценку китайско-российских отношений в 90-е годы прошлого века. Мы увидели, что на протяжении последних десяти лет, начиная с момента плавного перехода в 1991 г. от китайско-советских к китайско-российским отношениям, КНР и РФ как две крупные державы непрерывно сближались друг с другом, их взаимо-

отношения стремительно развивались. В 1992 г. обе страны объявили, что "рассматривают друг друга как дружественные страны". В 1994 году они приняли решение об установлении отношений конструктивного партнерства, обращенного в XXI век. В 1996 году китайско-российские отношения были подняты до уровня "отношений партнерства и стратегического взаимодействия, обращенных в XXI век". Это означало, что китайско-российские отношения последовательно прошли три крупных этапа: от нормализации межгосударственных отношений к установлению отношений дружбы, а затем — отношений конструктивного партнерства, которые, в свою очередь, возвысились до уровня отношений партнерства и стратегического взаимодействия.

Однако одновременно с этим мы ощутили, что достигнутый уровень взаимоотношений Китая и России как двух мировых держав и крупных соседних стран еще очень далек от имеющихся колоссальных потенциальных возможностей и ожиданий их народов и для их развития все еще существует огромный простор. Хотя в урегулировании вопроса о границе между двумя странами был достигнут существенный прогресс, но переговоры по оставшимся участкам шли весьма трудно; двустороннее сотрудничество в конкретных областях развивалось медленно, товарооборот колебался в пределах 5-7 миллиардов долларов; отношение общественного мнения к развитию двусторонних связей оставляло желать лучшего. В России по-прежнему имела хождение так называемая теория "китайской угрозы"; в Китае предрассудки и озабоченности в отношении перспектив развития России также были распространены довольно широко. Дискуссии между двумя сторонами по некоторым крупным чувствительным вопросам не были подлинно открытыми и искренними. Китайская сторона внимательно изучила ситуацию и сделала вывод, что корень появления вышеизложенных проблем — в дефиците взаимного доверия. Тогда у нас возникла идея: согласовать и подписать правовой документ, чтобы упорядочить цели и принципы, содержащиеся более чем в десятке политических документов, совместно опубликованных двумя сторонами в 90-е годы прошлого века, и закрепить их в юридической форме в целях устранения подозрений, укрепления взаимного доверия и установления ориентиров развития отношений между двумя странами. В июле того же года, когда Президент В. В. Путин находился с визитом в Пекине, Председатель Цзян Цзэминь официально предложил ему подписать двусторонний Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Президент В. В. Путин выразил полное согласие с этим предложением и высоко оценил его. Главы двух государств условились официально подписать Договор во время визита Председателя Цзян Цзэминя в Россию в следующем году и дали указание министерствам иностранных дел двух стран незамедлительно приступить к разработке его проекта и соответствующим переговорам.

На начальной стадии вынашивания идеи о подписании Договора я в личном качестве неофициально обменялся соображениями с тогдашним Послом России в Китае И. А. Рогачевым, фактически имея в виду прозондировать подходы российской стороны. Я спросил Посла И. А. Рогачева, как бы он отнесся к идее заключения между Китаем и Россией договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в целях дальнейшего укрепления взаимного доверия и повышения уровня двусторонних отношений? Посол И. А. Рогачев сразу же отметил, что лично он считает это хорошей идеей. На следующий день он дал мне официальный ответ, что Москва одобряет предложение китайской стороны о подписании Договора. Отсюда видно, что Посол И. А. Рогачев действительно заслуженный и опытный дипломатический деятель. Это также говорит и о том, что подписание данного эпохального Договора есть проявление мудрости обеих сторон — и китайской, и российской.

Вместе с тем, следует отметить, что столь быстрое достижение двумя сторонами единства в важном вопросе о подписании Договора тесно связано не только с факторами двусторонних отношений, но и со сложными и глубинными переменами в международной ситуации на стыке веков.

Хотя международная ситуация в начале XXI века в целом оставалась стабильной, но различные противоречия и борьба по-прежнему носили сложный характер, гегемонизм и политика с позиции силы обрели новое развитие, вновь оживился менталитет времен "холодной войны". Концепция "приоритета прав человека над суверенитетом" получила широкое распространение и даже стала использоваться как предлог для осуществления так называемой "гуманитарной интервенции" против суверенных государств. Продолжал увеличиваться разрыв в уровнях развития и благосостояния между Югом и Севером, между бедными и богатыми. Постоянно происходили конфликты, вызванные национальными и религиозными проблемами. Новые угрозы и вызовы в различных формах, таких, как терроризм, экстремизм, сепаратизм и транснациональная преступность, возникали одно за другим, серьезно угрожая международному миру и стабильности. Исторической миссией руководителей всех стран современного мира стала реализация задачи построения многополярного мира и отстаивание международного мира и развития. Как Китай, так и Россия выступают за установление многополярного мира и демократизацию международных отношений, оба государства являются великими мировыми державами и постоянными членами Совета Безопасности ООН. И тот факт, что они сделали международный почин в деле подписания договора, направленного на защиту добрососедства и мира, содействие сотрудничеству и развитию и оздоровление международных отношений, имел важное показательное значение.

Из этого следует, что подписание Китаем и Россией Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве — это дальновидное стратегическое решение, которое приняли руководители обеих стран, исходя из реалий развития двусторонних и международных отношений, из коренных интересов двух стран и их народов и с учетом таких веяний времени, как мир, развитие и сотрудничество. Этот Договор — детище развития двусторонних отношений, великое порождение эпохи.

Практика пяти прошедших лет сполна доказала абсолютную правильность целей и принципов, зафиксированных в Договоре, показала, что они способны выдержать испытание временем. Договор как программный документ, ориентирующий развитие двусторонних отношений, заложил для этого надежный правовой фундамент и создал действенные гарантии. За пять лет, руководствуясь духом Договора, китайско-российские отношения получили всестороннее и быстрое развитие и достигли небывало высокого уровня.

Во-первых, заметно повысился уровень политического взаимного доверия между Китаем и Россией. Наши страны рассматривают друг друга как стратегических партнеров, которым можно доверять и на которых можно положиться. Интенсивные обмены визитами и встречи руководителей двух стран значительно углубили взаимопонимание и доверие. Созданы и совершенствуются эффективные механизмы сотрудничества и консультаций, что способствует своевременному преодолению проблем и сомнений, возникающих в двусторонних отношениях. Оказание странами друг другу действенной поддержки в ключевые моменты и в крупных чувствительных вопросах, касающихся их суверенитета и территориальной целостности, способствовало эффективной защите коренных интересов двух государств. Китай и Россия успешно урегулировали вопросы границы, оставшиеся в наследство от истории, тем самым устранив серьезный очаг скрытой опасности в двусторонних отношениях. Военное и военно-техническое сотрудничество между двумя странами непрерыв-

но поднимается на все более высокий уровень и распространяется на новые области. Весьма успешно проведены первые в истории совместные военные учения, что ознаменовало исторический прорыв в межармейских связях двух стран. Взаимное доверие на высоком политическом уровне стало важной движущей силой и надежной гарантией развития китайско-российских отношений.

Во-вторых, деловое сотрудничество между Китаем и Россией в различных областях уже реально встало на ускоренный путь всестороннего и углубленного развития, укрепляется материальная база двусторонних отношений. На протяжении пяти лет товарооборот между Китаем и Россией рос ежегодно в среднем на 30%, в прошлом году он приблизился к отметке 30 миллиардов долларов. Первые шаги сделаны в сотрудничестве по крупным проектам. Успешно развернулось строительство таких важных объектов с участием китайской стороны в качестве инвестора или подрядчика, как "Балтийская жемчужина" и "Башня Федерации". В продолжение первой очереди Тяньваньской АЭС китайская сторона готова выбрать Россию своим партнером по сотрудничеству и на второй очереди строительства. Налицо постоянный прогресс сотрудничества в таких сферах, как импорт китайской стороной из России сырой нефти по железной дороге, строительство двумя сторонами ответвления нефтепровода из Сковородино в направлении Китая, участие китайской стороны в разработке и освоении нефтегазовых месторождений России, переработка и продажа Россией нефтяных и газовых продуктов в Китае. Такое сотрудничество приносит реальные выгоды народам обеих стран и существенно стимулирует их экономическое развитие.

В-третьих, заметно активизируется взаимодействие Китая и России по целому ряду крупных международных и региональных проблем. Две страны активно обмениваются информацией и тесно сотрудничают и в магистральном курсе защиты мира и содействия развитию, и в крупных международных и региональных вопросах, таких как ситуация в Ираке, ядерное досье КНДР и Ирана, реформы ООН, и в противодействии таким новым угрозам, как терроризм, незаконный оборот наркотиков и профилактика птичьего гриппа. Практика показала, что китайско-российские отношения партнерства и стратегического взаимодействия играют важную роль в урегулировании различных международных и региональных проблем и оказывают все более существенное влияние на здоровое развитие международной ситуации. Китайско-российские отношения уже стали важным стабилизирующим фактором в современном мире, заметно повышается их международное и стратегическое значение.

В-четвертых, гуманитарные и межрегиональные обмены переживают новый подъем, на глазах улучшается социальная база и общественный фон китайско-российских отношений. Резко увеличились контакты и обмены визитами между образовательными, научно-техническими, культурными и научными кругами двух стран. В России обучаются около 15 тысяч китайских студентов. В прошлом году количество посетителей России китайскими гражданами в туристических целях приблизилось к миллиону человеко-раз, а количество посещений Китая российскими туристами достигло 2,15 миллиона человеко-раз. Растет энтузиазм различных регионов России в деле создания "Институтов Конфуция" и Центров китайской культуры. Усиливается бум в изучении китайского языка. Растущая изо дня в день активность и плодотворность межрегионального сотрудничества становится мощным стимулирующим фактором развития китайско-российских отношений. Интенсифицируются связи между средствами массовой информации двух стран, взаимное освещение жизни в наших странах носит позитивный и дружественный характер. Все это создает благоприятную социальную атмосферу и общественное мнение для успешного и устойчивого развития китайско-российских отношений.

Договор не только заметно продвинул вперед развитие китайско-российских отношений. Более того, заложенные в нем идеи и цели имеют и важное поучительное значение для развития современных международных отношений в целом. Договор установил модель межгосударственных отношений нового типа — несоюзнических, неконфронтационных и не направленных против третьих стран, что создало новый образец для развития всеми странами межгосударственных взаимосвязей. Договор направлен против оказания давления с применением силы или угрозы силой в международных отношениях, он инициировал формирование новой концепции безопасности, ядром которой являются взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и взаимодействие. Предусмотренное договором развитие двусторонних отношений на основе пяти принципов мирного сосуществования и общепризнанных принципов международного права, подчеркивание взаимного уважения путей развития друг друга, избранных в соответствии с реалиями данной страны, указали правильное направление развития международных отношений. Договор особо выделяет центральную роль ООН в обеспечении международного мира и развития, выступает против односторонних действий в обход ООН, в нем отражается неустанный стремление международного сообщества к многосторонности и демократизации международных отношений. Сегодня, пять лет спустя, мы можем с гордостью констатировать, что основные принципы и концепции Договора не только не устарели, но по-прежнему остаются жизнеспособными, важными и актуальными, содействуя обеспечению здорового развития современных международных отношений.

Друзья! Сегодня, отмечая пятую годовщину подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией, воздавая должное его важным основным принципам, пронизывающим его идею миролюбия и соответствия духу времени, мы можем сделать следующие важные выводы:

Во-первых, на китайско-российские отношения следует всегда смотреть со стратегической высоты. Подписание Договора само по себе было важным стратегическим решением, принятым руководителями обеих стран, исходя из высших стратегических соображений. Развитие между Китаем и Россией отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества тесно связано со стратегическими интересами обеих стран, а также прямо влияет на международную стратегическую обстановку в целом. Китай и Россия, непосредственно граничащие друг с другом крупные державы, в настоящее время находятся на важном историческом этапе экономического развития и национального возрождения. Единение, сотрудничество и совместное развитие являются для них единственно правильным стратегическим выбором. Однако мы должны непременно отдавать себе отчет в том, что сложная международная обстановка будет постоянно бросать новые вызовы китайско-российским отношениям. Только при неуклонном подходе к пониманию, защите и продвижению отношений двух стран с учетом их важной стратегической значимости мы сможем обеспечить непрерывное движение корабля китайско-российских отношений вперед наперекор всем волнам и ветрам.

Во-вторых, следует неизменно углублять деловое сотрудничество на основе принципа обоюдной выгоды. Одно из важных предназначений Договора состоит в том, чтобы направлять и упорядочивать деловое сотрудничество между Китаем и Россией в различных областях и тем самым обогащать материальную основу их двусторонних отношений. Хотя в последние годы сотрудничество между Китаем и Россией в конкретных областях получило быстрое развитие, его объем и уровень еще достаточно далеки от потенциальных возможностей и потребностей развития обеих стран. Задача углубления делового сотрудничества остается ответственной и нелегкой. А ключ к его расширению

и углублению — это приверженность принципу взаимной выгоды и обоюдного выигрыша. Одновременно с осуществлением и защитой собственных интересов следует в полной мере учитывать и уважать озабоченности партнера. Это важный опыт развития нашего сотрудничества в последние годы, а также залог его наращивания в будущем, заслуживающий бережного отношения с нашей стороны.

В-третьих, следует неизменно укреплять взаимопонимание с учетом непрерывно меняющейся ситуации. Сердцевиной Договора является формула "Навеки друзья", а основой дружбы — знание друг друга. Благодаря Договору, благодаря неустанным усилиям Сторон идеи долговременного добрососедства и дружбы с каждым днем все глубже укореняются в сердцах наших народов, все более мощными становятся силы, поддерживающие китайско-российскую дружбу. Однако следует признать, что пока знаний народов наших стран друг о друге, особенно о реальной ситуации, все еще далеко недостаточно, для передачи эстафеты дружбы из поколения в поколение нам нужно еще много работать. С одной стороны, необходимо мобилизовать различные слои общественности для осуществления широких обменов и контактов в целях укрепления взаимопонимания и духовного сближения. С другой стороны, следует помочь общественному мнению двух стран преодолеть устаревшие стереотипы и учиться познавать и понимать друг друга через призму развития. На этом пути мы уже добились прогресса, но должны ускорить продвижение вперед с тем, чтобы почва, на которой существуют и развиваются китайско-российские отношения, стала еще более богатой и плодородной.

В-четвертых, проблемы, возникающие в двустороннем сотрудничестве, следует неуклонно решать, придерживаясь корректного подхода. Взаимное доверие, взаимная уступчивость и взаимные компромиссы — таковы важные принцип и дух Договора. Вооружившись ими, стороны успешно решали крупные вопросы в двусторонних отношениях и преодолевали противоречия и разногласия в деловом сотрудничестве. По мере быстрого развития китайско-российских отношений и неуклонного расширения масштабов сотрудничества новая обстановка и новые проблемы могут возникать постоянно, порой будет трудно избежать возникновения различий в интересах и расхождения мнений. Однако если мы будем действовать в духе Договора, руководствоваться принципами взаимного уважения, взаимного доверия, равенства и консультаций, мы непременно сможем своевременно и надлежащим образом разрешать различные вопросы, с которыми будем сталкиваться на пути движения вперед, обеспечивая тем самым непрерывный подъем сотрудничества и дружбы между нашими странами на еще более высокий уровень.

Друзья! Договор между Китаем и Россией о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве — это великая дипломатическая инновация и практика. Дух и принципы Договора получают все более широкое признание и привлекают внимание международного сообщества. На состоявшемся недавно саммите государств-членов Шанхайской организации сотрудничества главы шести стран пришли к единому мнению о подписании Конвенции о долговременном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Убежден, что с течением времени Договор будет излучать все более яркий свет, демонстрируя все более мощные жизненные силы и внося новый вклад в дело непрерывного укрепления китайско-российских отношений добрососедства, дружбы и стратегического взаимодействия, в дело постоянного упрочения международного мира и развития!

Спасибо за внимание!

Перспективы взаимодействия между Россией и Индией в двустороннем формате и в рамках ШОС: военно-политические аспекты

© 2006

А. Клименко

Исторические основы и этапы развития российско-индийского сотрудничества

Как известно, первые контакты России и Индии относятся к давним временам "хождения за три моря" российского купца Афанасия Никитина. Однако для нашего анализа больший интерес представляют времена не столь отдаленные, когда взаимодействие наших государств начало становиться на твердую основу взаимных геополитических, экономических и военно-стратегических интересов. Именно тогда российско-индийское сотрудничество приобрело особую прочность. По критериям причинной обусловленности и содержания это сотрудничество условно можно разделить на несколько этапов. Первые три из них охватывают, соответственно, первую половину, середину и конец XX века. Развертывание последнего, современного этапа взаимодействия можно отнести к началу нынешнего столетия.

Сотрудничество двух наших государств в начале XX столетия было обусловлено, в основном, заинтересованностью политического руководства страны победившего пролетариата в продвижении идей революции, а Индии — в освобождении от колониальной зависимости. В середине того же столетия эта обусловленность приобретает более прагматичный характер, что объясняется, с одной стороны, начавшейся "холодной войной" и стремлением Советского Союза создать сферу влияния в Азии, а с другой — необходимостью для Индии усиления ее позиций по отношению к Пакистану и Китаю.

Примечательно, что на первых двух этапах российско-индийское взаимодействие базировалось в определенной степени на идейно-политической платформе. На его становление и укрепление заметное влияние оказали взаимная поддержка в политических, экономических и военных вопросах. Так, в "кашмирском вопросе" СССР поддержал Индию, а Индия, в свою очередь, поддержала СССР во время событий в Венгрии, Чехословакии и Афганистане.

Результатом этого сотрудничества стало подписание в 1971 г. двухстороннего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, который заложил твердые политические и правовые основы для дальнейшего укрепления отношений между СССР и Индией.

Исторически оба наших государства большое внимание уделяют военно-техническому сотрудничеству. К 1980-м гг. прошлого столетия Советский Союз удовлетворял до 75% потребностей Индии в закупках вооружения и военной техники (ВВТ). Одновременно были созданы технические и технологические основы для производства некоторых видов ВВТ на индийских предприятиях. В целом на долю промышленных предприятий, построенных с помощью СССР, приходилось около 80% производства металлургического оборудования, более 50% добычи и 30% переработки нефти, 30% выплавки стали и около 20% производства электроэнергии.

В начале 90-х гг. в связи с дезинтеграцией СССР и наступившим периодом внутрироссийской "смуты" произошло снижение уровня взаимодействия. Первые шаги по его восстановлению были осуществлены в 1993 г. заключением "Соглашения о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях" и "Договора о дружбе и сотрудничестве между Индией и Российской Федерацией". А в 1994 г. была подписана "Долгосрочная программа по военному и техническому сотрудничеству на период до 2000 г.", которая показала обоюдное стремление к интенсификации такого сотрудничества. По итогам 2000 г. объем экспорта российского ВВТ в Индию составил около 3,7 млрд долл. (почти 30% всех экспортных поставок из России). Как видим, отличие третьего этапа от двух первых, базировавшихся, в основном, на идеологических предпочтениях, состоит в том, что в его основе лежат, прежде всего, экономические интересы. Российское руководство искало надежных партнеров для своего оборонно-промышленного комплекса (ОПК), стремясь сохранить его в условиях практического отсутствия собственного гособоронзаказа.

К началу XXI века Республика Индия вошла в группу динамично развивающихся региональных держав, добившись внушительных успехов в развитии своего экономического, технологического и военного потенциала. В настоящее время Индия играет большую роль в формировании военно-политической обстановки на азиатском континенте и в мире в целом. Поэтому актуальность российско-индийского политического взаимодействия на международной арене и сотрудничества в экономической и военной сфере для нашей страны возрастает еще больше.

Принятие Декларации о стратегическом партнерстве между Россией и Индией 3 октября 2000 года стало важным шагом к укреплению их взаимоотношений, документально подтвердив приоритетность двухстороннего сотрудничества во внешней политике и других сферах на современном этапе и на отдаленную перспективу.

Напомним, что под стратегическим партнерством нами понимается форма совместной деятельности государств, рассчитанная на долгосрочную перспективу, основанная на юридическом признании ими взаимных интересов, равных прав, выгод, а также обязанностей и взаимной ответственности, и направленная на достижение стратегических целей. Стратегическое партнерство в военных вопросах — высший уровень сотрудничества. Это сотрудничество, в отличие от военно-блокового, не несет военной угрозы другим странам. Оно предполагает поиск альтернатив военно-силовым методам решения проблем. Одним из важнейших направлений совместной деятельности является поиск заинтересованных партнеров и совместная разработка соответствующих мер в самом широком диапазоне — от политико-дипломатических и экономических до военных. Причем все эти меры реализуются на внутреннем пространстве

стратегических партнеров, в отличие от военного союза, который рассчитан на внешнего противника. Главное в практической политике стратегического партнерства — анализ складывающейся ситуации и своевременное, упреждающее реагирование на дестабилизирующие факторы.

К основным принципам стратегического партнерства в военной сфере относятся:

- *предупредительный подход* к решению проблем безопасности, позволяющий воздействовать на ситуацию раньше, чем проявятся ее негативные последствия;

- *приоритет политических и иных мирных средств* в урегулировании возникающих проблем и конфликтных ситуаций;

- *координация политики в сфере обеспечения безопасности*, при соблюдении принципа ненападения друг на друга и остальным партнерам;

- *отказ от вступления в военно-политические союзы без согласия партнеров* и участие в любых действиях, направленных против партнера или ущемляющих интересы последнего;

- *транспарентность* деятельности в военной области;

- *благоприятствование контактам*, способствующим решению проблем безопасности на различных уровнях.

Эти принципы понятны индийцам, поскольку созвучны пяти принципам мирного сосуществования, провозглашенным Индией и Китаем в 1955 году. По нашему мнению, они могут быть положены в основу дальнейшего развития как двустороннего сотрудничества между Россией и Индией, так и укрепления взаимодействия в рамках многосторонних объединений, каким является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Принятие Декларации о стратегическом партнерстве документально закрепило все ценное, что было накоплено в отношениях между нашими странами за предшествующие десятилетия, подтвердив стратегическую значимость их сотрудничества и обоюдную заинтересованность в его развитии. Следующим важным шагом в укреплении связей, теперь уже в сфере экономики, обороны и безопасности, стал обмен визитами в 2001 году бывшего в то время премьер-министром Индии А.Б. Ваджаи и президента России В.В. Путина. Перед визитом в Россию А.Б. Ваджаи отметил новое качество сотрудничества Индии и России в военно-технической сфере. По его словам, это сотрудничество «вышло за рамки отношений между продавцом и покупателем. Оно включает совместную разработку и производство вооружения, обучение военнослужащих. В числе новых проектов — работа над созданием многоцелевого транспортно-боевого самолета. Обсуждается концепция совместной разработки истребителя пятого поколения»¹. Во время этих визитов президентом России и премьер-министром Индии были подписаны:

- «Декларация о дальнейшем упрочении стратегического партнерства»;

- «Декларация об укреплении и наращивании экономического и научно-технического сотрудничества»;

- «Меморандум о сотрудничестве в борьбе с терроризмом»;

- «Меморандум о взаимопонимании Министерства РФ по связи и информатизации и Министерства связи Республики Индии по сотрудничеству в области телекоммуникаций»;

- «Протокол об охране и использовании прав на интеллектуальную собственность».

Не следует преуменьшать значение и такой составной части военного сотрудничества, как подготовка в российских военно-учебных заведениях специалистов для вооруженных сил Индии. В целом, начало XXI в. оказалось благоприятным для развития взаимоотношений России и Индии. Наше двусторон-

нее сотрудничество на сегодняшний день многоаспектно и охватывает все сферы взаимодействия, включая политику, экономику, оборону, энергетику, космос, науку, новейшие технологии и культуру.

Конечно, следует признать, что российско-индийское сотрудничество на всех своих этапах было не лишено проблем, особенно в военно-технической сфере. Прежде всего, это касалось технического обслуживания проданного российского оружия и поставок запасных частей к нему. Кроме того, Россия была не в состоянии удовлетворять некоторые потребности Индии, поскольку по ряду позиций она утратила лидерство в передовых технологиях. Сдерживало сотрудничество в области поставок из России и совместного производства высокотехнологичной продукции отсутствие юридически оформленного соглашения о защите интеллектуальной собственности. Серьезные претензии к российской стороне выдвигаются индийскими заказчиками в сфере соблюдения временных параметров выполнения заказов, качества отдельных комплектующих и т.д. В силу этого в последнее время отдельные эксперты прогнозируют постепенный отказ Индии от ВТС с Россией в пользу развития такого сотрудничества с США и другими странами Запада. И здесь мы не можем не обратить внимание на роль американского фактора в российско-индийском сотрудничестве и его влияние на взаимоотношения наших двух стран.

Нам понятна возросшая после дезинтеграции СССР роль США как супердержавы, которая стремится к укреплению своего влияния во всем мире. Понятно, что сотрудничество с США, особенно в военно-политической области, в силу ряда причин является выгодным для Индии. Поэтому в 2002 году после 39-летнего перерыва возобновились совместные военные учения и наметилось сближение двух стран в области ВТС. Индия активно поддержала Соединенные Штаты в войне с террористами, а США признали Индию фактором стабильности в районе Индийского океана.

В свою очередь эту выгоду ощутили и в Вашингтоне. Если в годы "холодной войны" США поддерживали в Азии государства с преимущественно мусульманским населением (Турция, шахский Иран, Ирак, Пакистан, Саудовская Аравия и др.), то после упомянутых событий 11 сентября алгоритм американского геополитического мышления круто изменился. Индия стала изображаться "удобным" стратегическим партнером для Америки не только в качестве союзника в войне с терроризмом, но и по иным причинам:

- во-первых, сам факт существования Индии делает мусульманский Пакистан более покладистым в отношениях с Соединенными Штатами;
- во-вторых, для Вашингтона с его глобальными амбициями взаимодействие с Дели облегчает задачу контроля просторов Индийского океана и экономит силы и средства для действий в других регионах мира;
- в-третьих, в США рассчитывают привлечь Индию на свою сторону в деле сдерживания набирающего мощь Китая.

Этими факторами взаимного притяжения во многом обусловлены итоги состоявшегося в 2005 году визита премьер-министра Индии М. Сингха в США. Американская сторона согласилась открыть Индии доступ к ядерным технологиям гражданского назначения. Тем самым США фактически отказались от более чем 30-летней оппозиции (с 1974 года) ядерному статусу Индии. Более того, договоренности на высшем уровне между Дж. Бушем и М. Сингхом означают, что отныне Вашингтон не рассматривает ядерный потенциал Индии как угрозу национальным интересам США, а напротив, видит в ее новом статусе "положительное начало" в реализации задач собственной внешнеполитической стратегии. В результате этого, как свидетельствуют утечки информации из Пентагона, появилась возможность закупок Индией у США военного оборудования и материалов на сумму 5 млрд долл.²

Американские политологи и журналисты указывают на два вида технологий и изделий оборонного назначения, которые США предлагают продавать Индии. Во-первых, это технология “Иджис”, предназначенная для прикрытия военных кораблей и их соединений от противокорабельных ракет (ПКР). Из иностранных государств только Япония получила такие системы. Во-вторых, Индии предлагаются патрульные самолеты, предназначенные для борьбы с подводными лодками. Таким образом, если прежде США считали военное строительство в зоне Индийского океана угрозой своим национальным интересам, то теперь в Вашингтоне не возражают против контроля со стороны Индии над “региональными морскими коммуникациями”. Однако, как отмечают американские эксперты, предоставление новейших технологий Индии жестко увязывается “с далеко идущими стратегическими соглашениями”².

Вполне естественно, что здесь свою роль играет и “фактор Китая”. Быстрый экономический рост, сопровождающийся серьезным наращиванием мощи КНР все больше беспокоит Америку. В этих условиях Индии отводится роль силы, в какой то мере уравнивающей Китай в Азии. Отсюда и демонстрация со стороны США заинтересованности в развитии сотрудничества с Индией в военной сфере и, особенно, в ядерной области. Очевидно, делается расчет на то, что намечающееся взаимодействие между двумя странами уменьшит вероятность активизации деятельности Китая к западу от Южно-Китайского моря. В качестве второго направления “сдерживания” КНР в Азии рассматривается переориентация инвестиционных потоков с Китая на Индию.

Очевидно, американские эксперты считают, что, развивая отношения “стратегического партнерства” с Индией, США внесут в устройство мира серьезные изменения. Индия станет если не американским союзником, то по крайней мере дружественной США страной, поддерживающей ее политику в мире и в регионах.

Вместе с тем, подобный сценарий американо-индийского партнерства внутри самой Индии не всегда и не во всем находит понимание. Это подтверждается содержанием бесед на двусторонних семинарах экспертов военно-научных учреждений России и Индии, участником которых довелось быть и автору настоящей статьи. Состоявшийся на этих семинарах обмен мнениями дает основание утверждать, что между США и Индией имеют место серьезные разногласия в подходах к фундаментальным проблемам современности. Главные из них — направленность процессов глобализации; характер будущего мироустройства и роль ООН в формирующейся в настоящее время международно-политической системе; стремление Вашингтона навязать продвижение западных демократических ценностей на Юг и Восток и связанная с этим деятельность США на международной арене — будут препятствовать установлению полного взаимопонимания между двумя странами. У Индии по этим вопросам более близкие позиции с Россией и Китаем.

Не снят вопрос и о цене сближения Дели с Вашингтоном. В США считают, что значение американского направления внешней политики для Индии определяется тем обстоятельством, что Америка стала альтернативой бывшему СССР, который ранее гарантировал обеспечение стратегических интересов Индии, которые, по мнению политиков из Вашингтона, не сможет обеспечить современная Россия. В Индии воспринимают все это несколько иначе. Влиятельные силы в индийском политическом сообществе считают, что Индия ни в коем случае не должна идти на компромисс в отношении своего суверенитета. А это предполагает, с одной стороны, последовательное укрепление индийской экономики, а с другой — диверсификацию политического и военного сотрудничества. Индия ищет свои пути превращения в великую державу. О начавшемся преодолении ею комплекса “периферийности” свидетельствует улучшение

индийско-китайских отношений, движение на Восток через установление связей с АСЕАН и вновь образованным в Азиатско-Тихоокеанском регионе Восточно-Азиатским сообществом (ВАС), а также — в Центрально-Азиатский регион через статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества.

Таким образом, для индийского руководства укрепление отношений с США и некоторыми другими странами не означает снижения уровня российско-индийских отношений, в том числе в сфере военного сотрудничества. Это подтверждается тем, что из 14 с лишним млрд долл., выделяемых индийским правительством на закупки ВВТ до 2010 г., более 10 млрд предназначается для приобретения вооружения и военной техники в России.

Российско-индийское военное сотрудничество на современном этапе и предпосылки для его развития на многосторонней основе в формате ШОС

Сегодня вопросы обеспечения безопасности являются одной из главных опор российско-индийских отношений. Совместная оценка министерствами обороны России и Индии позитивных и негативных сторон военного сотрудничества за последние годы позволила сформулировать и своевременно реализовать принцип “не количество, а качество”. Рекомендовано при уменьшении численности мероприятий наполнять программы сотрудничества в этой сфере более перспективными и представляющими взаимный интерес предложениями.

По данным российского министерства обороны новыми актуальными направлениями сотрудничества, рассматриваемыми в настоящее время и на перспективу, являются:

- планирование и проведение совместных научно-практических семинаров, конференций и брифингов по обмену опытом в вопросах, связанных с проведением контртеррористических операций и боевых действий, направленных на уничтожение бандформирований в локальных конфликтах;

- обмен информацией между министерствами обороны по подготовке и ведению боевых действий в горных районах против бандформирований, тактики применения воинских подразделений (частей);

- направление в Индию для обмена опытом представителей видов и родов войск Вооруженных Сил Российской Федерации — непосредственных участников боевых действий в горячих точках.

Эти пункты могут быть дополнены предложением о совместной разработке исследовательских проектов по интересующим обе стороны проблемам обеспечения региональной безопасности.

Например, первый опыт взаимодействия между научными учреждениями России и Индии, занимающимися проблемами обороны и безопасности, обозначил целый ряд обоюдоострых проблем. Среди них такие, как международный терроризм, ситуация в Центрально-Азиатском регионе, перспективы сотрудничества Индии с другими странами в рамках Шанхайской организации сотрудничества, механизмы международной безопасности и роль ООН в современной международно-политической системе.

Центральная Азия была определена как важный для обеих стран регион. Значительное время было посвящено обсуждению его будущего, а также тому, как лучше защитить наши совместные интересы в этом регионе.

И Индия и Россия озабочены тем, что в Центральной Азии и в Афганистане международный терроризм, религиозный экстремизм и незаконный оборот наркотиков стали представлять собой серьезные вызовы их безопасности. И Индия и Россия кровно заинтересованы в обеспечении стабильности этого

региона. Был выявлен ряд других вопросов, представляющих взаимный интерес. В их числе — получит ли развитие политика США по расширению своего военного присутствия в Пакистане и Афганистане в связи с нежеланием ряда центрально-азиатских стран сохранять американские базы на своей территории? Насколько политика США в этом регионе обусловлена усилиями по сдерживанию Ирана? Каков характер интересов России, Индии, Китая и США относительно нефтегазовых ресурсов Центральной Азии и как соотносятся эти интересы? Какова роль ШОС в решении региональных проблем? Какую роль будут играть другие военные и экономические организации в деле стабилизации обстановки в регионе Центральной Азии? Какими конкретными способами Индия и Россия могут действовать сообща в этом регионе? — и некоторые другие. Представляется, что ответы на многие из этих вопросов могут быть найдены не только на основе двустороннего сотрудничества, но и в процессе взаимодействия наших стран с другими участниками ШОС. На совместных семинарах были определены области, в которых необходимо углубление сотрудничества между военными ведомствами и вооруженными силами двух стран. Среди них: обеспечение взаимодействия в контртеррористических и международных миротворческих операциях; совместное обучение военнослужащих и их подготовка для действий в составе миротворческих контингентов; проведение научных исследований, разработка вооружения и военной техники и совместный выход на рынки вооружения и т.д.

Например, в последнее десятилетие серьезной проблемой для Индии стала высокая аварийность в ВВС (за 10 лет в авиационных происшествиях индийцы потеряли около 200 самолетов). Минобороны Индии принимает экстренные меры, направленные на повышение уровня подготовки летчиков и улучшение организации обеспечения полетов. Поэтому широкое применение при решении проблемы безопасности полетов военной авиации Индии мог бы найти накопленный опыт работы в ВВС России по расследованию и предотвращению авиационных происшествий. По мнению соответствующих экспертов, в этом плане заслуживают внимания следующие меры:

- привлечение российских военных специалистов службы безопасности полетов к разработке программ, методик и рекомендаций по обеспечению безаварийной летной работы;

- применение современных технических средств, разработанных в России (бортовые и наземные средства объективного контроля, комплексы обработки полетной информации, тренажерные системы и т.п.);

- своевременное доведение информации, касающейся изменений в летной и технической эксплуатации самолетов и вертолетов, переданных индийским партнерам и ряд других.

Представляется, что для индийской стороны могла бы представлять интерес переподготовка летчиков с помощью российских инструкторов на российской технике. В советское время подготовка авиаторов для иностранных государств осуществлялась в киргизском городе Кант (где ныне располагается российская авиабаза). Кстати, там в свое время прошел обучение маршал авиации Индии Д. Сингх. В перспективе для этих целей может быть использован военный аэродром "Айни", находящийся в Таджикистане и, по сообщениям прессы, переговоры об этом с таджикской стороной уже ведутся⁴. Эти места удобны кроме всего прочего тем, что физико-географические и климатические условия здесь во многом похожи на индийские. В настоящее время ведется модернизация аэродрома, в том числе при содействии индийских специалистов, осуществляющих реконструкцию навигационных систем. При расширении взаимодействия Индии с партнерами по ШОС в регионе нельзя исключать и та-

кую возможность, как совместное базирование на аэродроме Айни подразделений ВВС России и Индии¹.

Сегодня все более широкое применение стали находить такие формы сотрудничества, как взаимные визиты военных кораблей, проведение совместных общевойсковых и летно-тактических учений ВВС. 2004 и 2005 годы ознаменовались целым рядом подобных мероприятий. Наибольший интерес из них представляет российско-индийское военное антитеррористическое учение "Индра-2005". Оно было ценно с точки зрения приобретения вооруженными силами двух стран опыта боевого взаимодействия. Кроме того, это учение свидетельствовало, что обе страны готовы к совместным действиям в борьбе с международным терроризмом.

Учение включало сухопутную и морскую составляющие. Маневры начались в пустыне Тар на полигоне Махаджан с высадки тактических воздушных десантов. Это были первые в истории военного сотрудничества двух государств маневры, в которых участвовали парашютно-десантные подразделения. В ходе воздушно-наземного этапа маневров индийские и российские десантники отработывали тактику совместных действий по захвату условной базы террористов и освобождению заложников.

На морском этапе учения в районе индийского порта Вишакхапатнам отработывались вопросы морского контроля региона. Ход антитеррористической операции предполагал взаимодействие кораблей при задержании и досмотре условного судна-нарушителя, а также проведение артиллерийских стрельб и бомбометания.

На учение от России привлекались военнослужащие и бронетехника ВДВ, военно-транспортные самолеты ВВС, корабли и вертолеты Тихоокеанского флота в составе крейсера "Варяг", больших противолодочных кораблей "Адмирал Пантелеев" и "Адмирал Трибуц", морского танкера и морского буксира. От Индии в "Индра-2005" участвовали около 90 человек личного состава, несколько самолетов и вертолетов, порядка десяти кораблей различного класса.

Следует отметить, что на соответствующем российско-китайском учении "Мирная миссия 2005", проведенном ранее на Шаньдунском полуострове, партнеры продвинулись несколько дальше. При аналогичной антитеррористической направленности маневров были отработаны взаимодействие сторон при высадке комбинированного (морского и воздушного) десанта на необорудованное побережье, атаке опорных пунктов противника и ряд других вопросов, в большей степени присущих общевойсковому бою. Да и масштаб учений был внушительнее. Более подробно состав привлекаемых сил на обоих маневрах представлен в таблице 1.

Таблица 1

Государства	"Мирная миссия-2005"		"Индра-2005"	
	Россия	Китай	Россия	Индия
Личный сост.	2 тыс. чел.	8 тыс. чел.	130 чел.	90 чел.
ВВС	10 верт. 18 смл.	30 верт. 16 смл.	3 смл.	3 верт. 6 смл.
ВМС	14 крбл. 2 пл	Блее 100 крбл.	5 крбл.	10 крбл.

Примечание: Таблица составлена по данным, приведенным в публикациях газет "Красная звезда" и "Независимое военное обозрение"

Российский министр обороны С. Иванов, оценивая итоги учения "Индра 2005", обратил внимание на то, что оно "дало обоим сторонам большой практический опыт". Например, индийские офицеры взяли на заметку подготовку российских десантников к ведению огня по противнику еще до приземления: у индийцев боеприпасы десантируются отдельно от личного состава вместе с

техникой. Более того, у них личное оружие закреплено на десантниках, и не может применяться для стрельбы "с воздуха". В свою очередь внимание российской стороны привлекла актуальная для нашей армии высокая роль сержантского состава в индийских вооруженных силах, на который ложится основная нагрузка в подготовке солдата, его воспитании и организации повседневной жизнедеятельности подразделения. В России эти функции возложены в основном на младшего офицера, главной задачей которого должно быть обучение солдата, привитие ему профессиональных навыков и умений.

Следует отметить, что при проведении подобных совместных учений решается не только задача обмена опытом. Здесь может быть достигнуто несколько других, не менее важных целей. Первая из них — отработка совместных антитеррористических действий сторон, что актуально и для России, и для Индии, а также для Китая. Поэтому подобные учения, с одной стороны, можно считать своего рода "точками отсчета" на пути наращивания практического взаимодействия наших стран в борьбе с международным терроризмом. С другой стороны, в более широком плане, на них, несмотря на их небольшой масштаб, отрабатывается тактика и приобретает опыт совместного планирования и применения сухопутных войск, авиации и сил флота. На более высокий уровень поднимается оперативная совместимость войск и штабов. Это создает возможность для их тесного взаимодействия в иных условиях, например, — при проведении миротворческих и других войсковых операций. Подобный опыт уже имеется у России и продолжает совершенствоваться на Западе, со странами НАТО. Российский министр обороны подтвердил этот факт. По его словам, аналогичные мероприятия проводятся и с другими государствами. Например, в 2006 году на территории России планируются учения в более широком составе. В маневрах предусматривается участие спецподразделений США, Великобритании и Франции. Индийская сторона согласилась с предложением принять в них участие. С. Иванов не исключил, также, проведения в будущем военных маневров с участием России, Индии и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества. С ним был согласен и его китайский коллега⁷.

Наконец, подобными учениями придается новый импульс военно-техническому сотрудничеству наших стран. На учениях Россия представила целый ряд достижений своего оборонно-промышленного комплекса (ОПК). И в Индии и в Китае были показаны наши авиационные системы и новые системы ПВО, продемонстрированы возможности российских боевых машин и платформ для десантирования техники, новое снаряжение. Индийские партнеры могли наблюдать возможности боевых машин десанта БМД-3, которые эффективно действовали в экстремальных условиях пустыни Тар при 50-градусной жаре. Присутствует здесь и другой положительный момент. Однотипная техника подразумевает схожие системы эксплуатации, боевого применения и обучения персонала. Обмен опытом служит также развитию и укреплению нашего сотрудничества.

Подтверждением всему сказанному может служить заметное оживление военно-технического сотрудничества между нашими странами в последнее время. Как отмечают российские военные эксперты, в рамках двусторонней программы ВТС, которая рассчитана до 2010 г. и включает порядка 200 проектов, Москвой и Дели уже реализовано контрактов на 9 млрд долл.⁸ Окончательное выполнение российско-индийской программы оценивается в сумму более 18 млрд долл. Среди наиболее крупных контрактов этой программы — лицензионное производство многофункциональных истребителей Су-30МКИ, авиадвигателей АЛ-31ФП и бортового оборудования, поставка палубной авиагруппы для тяжелого авианесущего крейсера "Адмирал Горшков". Сюда же можно отнести модернизацию самолетов морской авиации Ил-38, строительств-

во новейших фрегатов, лицензионное производство в Индии российских танков Т-90 и т.п.

Ясно, что Россия и Индия намерены сформировать новый уровень политических, военных и военно-технических отношений. В Москве нет оснований возражать против того, чтобы Индия приобрела статус полноправного члена Шанхайской организации сотрудничества. Наши страны имеют аналогичные взгляды на формы и методы борьбы с сепаратизмом и террористами, на ситуацию в Центральной Азии, на проблемы безопасности и наркотрафика из Афганистана, во многом солидарны в оценках по иранской ядерной проблеме и т.п. Москва и Дели переходят от торговли в сфере оружейного бизнеса к совместному производству вооружений. Не все здесь гладко, имеются проблемы, о которых говорилось выше, но стороны нацелены на устранение препятствий и дальнейшее развитие сотрудничества.

С удовлетворением можно отметить, что уже решается проблема сервисного обслуживания поставляемой индийским вооруженным силам как уже упоминалось выше, вооружения и военной техники. В начале декабря 2005 г. в ходе визита премьер-министра Индии в Москву подписано соглашение о защите интеллектуальной собственности, затрагивающее и вопросы обороны. Подписание этого документа обеспечит совершенствование нормативно-правовой базы российско-индийского ВТС и позволит существенно повысить уровень кооперации, а также снизить финансовые затраты и ускорить процесс создания современного оружия. Теперь существенно облегчается задача совместной разработки многоцелевого транспортного самолета, принципиальное согласие о чем уже достигнуто, а также истребителя пятого поколения. Однако, как свидетельствует ход подготовительной работы, в этом деле необходима более тесная интеграция военного производства двух стран⁶.

Сегодня развертывание лицензионного производства боевых самолетов в Китае и Индии (модернизированный истребитель Су-27) — пройденный этап. Совместное производство крылатых ракет "БраМос" в Индии также не предполагает проведения масштабных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Оно уже развернуто практически. И фактически первой попыткой организации полномасштабного сотрудничества в создании принципиально нового вооружения станут проекты истребителя пятого поколения и многоцелевого военно-транспортного самолета.

Насколько обе стороны готовы к реализации этого проекта? Какие формы и механизмы сотрудничества могут быть задействованы? Кто будет в роли ведущего и на кого ляжет основная финансовая ответственность при реализации проекта — эти и другие вопросы требуют ответа уже сегодня.

Нужно учитывать, что, с одной стороны, Россия существенно превосходит потенциальных партнеров по уровню развития научно-технического, технологического и производственного потенциала, по качеству научно-технических заделов в области разработки ВВТ. С другой — уступает некоторым из них по уровню организации военного производства и эффективности оборонных расходов. Индия, например, имеет ряд технологий мирового уровня, в т.ч. в сфере разработки специальной вычислительной техники и программного обеспечения. У нее имеется много других достижений, применение которых в российской оборонной промышленности позволило бы снизить затраты на разработку новых систем ВВТ, сократить время их разработки.

В качестве первого шага к интеграции производства ВВТ принято решение об углублении сотрудничества в области проведения совместных НИОКР¹⁰. "Программой ВТС между Россией и Индией на период до 2010 года" намечены разделы научно-технического сотрудничества и определены его основные направления. Работы должны выполняться на уровне выше мирового, в

кратчайшие сроки (не более 2-3 лет), совместными коллективами по долгосрочным согласованным планам.

Предлагается два варианта организации сотрудничества:

- при наличии готовых технических и технологических решений у России Минобороны Индии закупает технологии (заказывает НИОКР для адаптации) у российских организаций и предприятий;

- при наличии заделов, но отсутствии готовых решений, выполняются совместные исследования.

Для активизации взаимодействия с Индией в области НИОКР и вывода его на новый уровень, как полагают специалисты, необходимо произвести изменение подходов наших управленческих структур, прежде всего, в вопросах научно-технического сотрудничества в военной сфере и в области двойных и гражданских технологий. В целом очевидна необходимость заблаговременного решения массы вопросов организационного, нормативно-правового, технического и финансово-экономического характера.

Еще один важный вопрос российско-индийского сотрудничества в военной области — подготовка военных специалистов. Всего за годы нашего взаимодействия в России подготовлено около 8,5 тыс. военнослужащих Индии.

В марте 1999 г. был подписан базовый контракт на обучение индийских военнослужащих в высших военно-учебных заведениях Минобороны России. В подписанном совместно с индийскими коллегами годом позже Протоколе переговоров по военно-техническому сотрудничеству зафиксировано согласие обеих сторон улучшить систему подготовки индийских специалистов в части, касающейся эксплуатации, боевого применения вооружения и военной техники российского производства.

Индийские коллеги предлагают и дальше расширять сферу взаимодействия по подготовке военных кадров. Например, в ходе российско-индийского научного семинара, проведенного в мае 2005 года в Дели, от индийской стороны поступило предложение о подготовке российских офицеров для миротворческих сил при одном из институтов Индии. Как представляется, реализация подобного предложения способствовала бы решению нескольких задач: во-первых, обмен опытом в такой важной сегодня сфере деятельности вооруженных сил, как миротворчество; во-вторых, освоение системы подготовки индийских военнослужащих и, что также немаловажно — более тесное знакомство российских офицеров с богатым гуманитарным наследием древней Индии, постижение великой культуры этой страны. Все это способствовало бы дальнейшему сближению наших народов. Наконец, не следует забывать о новой задаче, которая уже сегодня ставится в повестку дня — развертывание взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества, перенос сотрудничества с двухстороннего на многосторонний уровень.

Перспективы многостороннего сотрудничества с участием Индии в рамках Шанхайской организации сотрудничества

Шанхайская организация сотрудничества упомянута не случайно. Говоря о методах и формате межгосударственного взаимодействия, следует заметить, что пройдет некоторое время и, скорее всего, встанет вопрос о полном членстве Индии в этой организации. Соответствует ли такой шаг ее интересам и интересам ее партнеров по ШОС?

В свое время посол Республики Индия в России К. Рагхунатх в интервью "Независимой газете" сказал, что война в Ираке затронула интересы разных стран мира и, не в последнюю очередь, такой крупной азиатской державы, как Индия. Новые угрозы глобальной стабильности, в том числе проблема

международного терроризма, усиливают ее стремление добиться больших гарантий национальной безопасности, в частности через вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества¹¹.

Индия оценивает как очень важный для нее факт то, что сотрудничество стран-участниц ШОС «не направлено против каких-либо других государств... Индия поддерживает цели ШОС в стимулировании экономического сотрудничества, обеспечении стабильности в регионе, борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом». А взаимодействие Индии, России и Китая, учитывая ту роль, которую они играют в мировом сообществе и «сходное восприятие ими многих важных вопросов», будет способствовать «построению рационального мирового порядка... Наша страна — особо подчеркнул посол, — стремится играть в ШОС конструктивную и активную роль»¹².

Как представляется, уже сегодня научному сообществу наших стран в плане подготовки Индии к полноправному членству в ШОС, можно и нужно приступить к обсуждению проблемы многостороннего сотрудничества в рамках этой Организации. На наш взгляд, здесь открываются довольно широкие перспективы.

Посол России в Индии В. Трубников в одном из своих интервью отметил¹³, что сегодня перед нашими странами стоит немало сложных задач, которые можно будет решить лишь совместными усилиями:

- во-первых, это противодействие современным угрозам и вызовам, все в большей степени затрагивающим безопасность наших государств и международного сообщества в целом по мере усиления взаимозависимости стран в процессе глобализации. Наиболее актуальная из них — международный терроризм и связанные с ним другие, так называемые нетрадиционные угрозы;

- во-вторых, взаимодействие в ООН на тех направлениях, где стороны имеют сходные или общие позиции — будь то укрепление роли ООН в нынешней архитектуре безопасности, борьба против ядерной угрозы, методы проведения миротворческих операций в «горячих точках» или реформирование ООН, в чем особенно заинтересована Индия.

- в-третьих, укрепление политического взаимодействия в формировании более справедливого многополюсного мироустройства и в развитии регионального сотрудничества в Азии.

Основываясь на сказанном в предыдущих разделах, мы можем дополнить это еще целым рядом актуальных направлений взаимодействия в военной сфере. Среди них:

- углубление военно-технического сотрудничества по линии реализации совместных проектов;

- взаимодействие в сфере профессиональной подготовки военных кадров, в первую очередь по линии миротворческих программ;

- решение проблемы оперативной совместимости штабов и войск при совместном их применении;

- взаимодействие при проведении миротворческих операций по мандату ООН и региональных международных организаций;

- совместная разработка научно-исследовательских проектов по актуальным проблемам безопасности;

- и, наконец, поэтапная подготовка к полномасштабному, всеобъемлющему и многостороннему сотрудничеству в рамках ШОС.

Нельзя не отметить, что возможность пополнения организации новыми членами вызывает заметное беспокойство на Западе. Об этом пишет американская газета «Крисчен сайенс монитор». По мнению издания, «Россия и Китай могут предпринять еще один шаг в направлении образования евразийской военной конфедерации, которая будет соперничать с НАТО»¹⁴. Действительно,

если проанализировать показатели, представленные в таблице 2, — задумать-ся есть над чем. Видимо это и вызывает особую обеспокоенность Запада.

Таблица 2

Совокупный военный потенциал России, КНР и Индии

Показатели	Россия	Китай	Индия
Население (тыс. человек)	142 600	1 255 000	1 016 242
Вооруженные силы (тыс. чел.)	1 180	2 470	1 303
СВ	322	1 730	1 100
ВВС	49,5	420	150
ВМС	150	220	53
Ядерные силы (единиц)	7 800	400	30-40
Мобилизацион. возможности	35 250	343 000	287 600

Однако американские эксперты по укоренившейся привычке замечать только конъюнктурные, выгодные для своей пропаганды факты игнорируют уставные документы ШОС, в которых сказано, что Организация не является военно-политическим блоком.

И действительно ШОС, один из первых пунктов Декларации о создании которой гласит, что целями Организации являются "... укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-участниками, обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе, построение нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка"¹⁵ — не может игнорировать вопросы обеспечения безопасности как региональной, так и каждого своего члена в отдельности.

Все члены и наблюдатели ШОС — Россия, ее центральноазиатские союзники, Индия и Китай — способны оказывать значительное влияние на происходящие в мире процессы. У всех этих государств имеется значительное совпадение оценок в отношении многих вопросов международной политики. Все они выступают за справедливое многополюсное мироустройство, против односторонних действий и диктата в международных отношениях. Общность их позиций проявляется в проблемах Ирака, Афганистана, всех видов терроризма, религиозного экстремизма и незаконного оборота наркотиков. Это создает хорошую основу для их многостороннего сотрудничества в рамках ШОС.

Например, в последние годы значительно укрепилось сотрудничество между Россией и Индией в борьбе с террористической угрозой. Основные принципы российско-индийского взаимодействия в этой области уже нашли отражение в подписанных обеими странами документах. Сегодня наши страны совместно продвигают в ООН индийский проект Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом и российский проект Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. Участники ШОС разделяют общее видение проблемы сохранения мира и стабильности в соседней Южной Азии.

В условиях дальнейшей эскалации терроризма и активной перестройки его международных структур актуальной становится более тесная координация антитеррористических усилий, информационный обмен и взаимодействие ведомств, на которые возложены непосредственные задачи по практическому противодействию угрозе терроризма и торговле наркотиками, которая подпитывает террористические организации в финансовом отношении. Уже имеются механизмы, в рамках которых идет активная работа. К ним относятся: российско-индийская рабочая группа по противодействию международному терроризму, второе заседание которой состоялось в Дели в 2004 г., рабочая группа по противодействию глобальным вызовам, рабочие группы Советов безопасности России и Индии по проблемам терроризма, международной и региональной безопасности. К перечисленным двусторонним механизмам сотрудничества

можно было бы добавить Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) ШОС, в рамках которой осуществляется мониторинг и происходит обмен информацией о деятельности международных террористических движений. Индия, располагая значительным опытом, информационными и техническими возможностями, могла бы принести немалую пользу деятельности РАТС. Присоединение Индии к работе РАТС ШОС подняло бы уровень нашего взаимодействия на многостороннюю основу и повысило бы его эффективность.

Объявленное талибами и "Аль-Каидой" создание своего государства на подконтрольных Пакистану территориях показывает, что угроза от экстремистских террористических группировок, нашедших там пристанище, не уменьшается. Поэтому актуализируется следующее направление сотрудничества в рамках ШОС, которое касается индо-пакистанских отношений. Пакистан тоже принят наблюдателем в эту организацию. Продолжение политического диалога между двумя странами в ее рамках, укрепление мер доверия, налаживание деловых, научных, культурных и других связей могут создать необходимые условия и для снижения угрозы терроризма с пакистанской территории. Представляется, что снижению этой угрозы могло бы способствовать подключение РАТС ШОС к содействию Пакистану по ликвидации террористической инфраструктуры на подконтрольной ему территории и пресечению проникновения террористов через Линию контроля в индийский штат Джамму и Кашмир. ШОС могла бы, насколько это приемлемо для обеих сторон, содействовать положительной динамике в отношениях между Дели и Исламабадом.

Следующая важная проблема — дальнейшая нормализация отношений между Индией и Китаем. Сегодня отношения Индии с КНР, как и с Россией, официально возведены в каждой из указанных стран в категорию стратегического партнерства. С 2002 г. проводятся встречи министров иностранных дел трех государств в ходе сессий Генеральной Ассамблеи ООН, регулярно встречаются представители России, Китая и Индии при ООН, активно развивается диалог между политологами и военными специалистами наших стран. Наблюдатели от Индии присутствовали на российско-китайских маневрах "Мирная миссия — 2005". Развиваются связи в торгово-экономической области. Хорошие перспективы вырисовываются в сотрудничестве в энергетической сфере.

Как известно, "ахиллесовой пятой" Индии является нехватка нефти. Ее импорт достигает, по сообщениям иностранной печати, 70%. Китай не меньше Индии нуждается в углеводородном сырье. Поэтому понятно стремление некоторых западных политиков сталкивать лбами Китай и Индию в соперничестве за поставки энергетических ресурсов.

Это понимают и в Индии и в Китае. "Нас противопоставляют друг другу и практически всегда делают это ради выгоды третьей страны", — заявил министр нефти и газа Индии М.Ш. Айяр. В противовес подобной политике, отметил он, два крупнейших азиатских государства будут стремиться к сотрудничеству в получении зарубежных энергетических ресурсов, чтобы избежать тем самым дорогостоящего соперничества. По сообщению газеты "Индиян дейли" от 4 января 2005 г., это сотрудничество получило свое начало: Индия и Китай приобрели миноритарный пакет акций ренационализированной компании "ЮКОС". К этому можно добавить, что Индия уже инвестировала 1,7 миллиарда долларов в нефтегазовый проект "Сахалин-1". Ее доля в этом проекте, по индийским источникам, равняется 20%. Россия, сообщают эти источники, предложила Индии участвовать в проекте "Сахалин-3", а также в разработках запасов углеводородов в Восточной Сибири и на Каспии. В то же время индийская Компания по нефти и газу собирается заключить соглашение о стратегическом партнерстве с "Газпромом" о прокладке транспортных путей и строительстве трубопроводов для поставки энергоресурсов из Ирана, и стран Центральной Азии в Индию¹⁶.

Таким образом, в настоящее время у Индии и у Китая появились интересы, требующие объединения их усилий для обеспечения общей энергетичес-

кой безопасности и наметились точки приложения этих усилий. Во-первых, прокладка трубопроводов в обозримой перспективе через территорию Пакистана и Афганистана по известным причинам нереальна. Альтернативой может быть только продление прокладываемых в Китай трубопроводов на территорию Индии. В Индии это понимают. Поэтому обе страны должны работать с Россией, Казахстаном, Ираном и договариваться между собой для обеспечения своих возрастающих потребностей в углеводородном сырье. Это возможно только на многосторонней основе. Очевидно, что именно это и имел в виду Председатель правительства России М. Фрадков, призывая подумать над созданием в топливно-энергетической сфере в рамках ШОС своего рода клуба потребителей и производителей энергоресурсов, а также над разработкой концепции единой газо-, нефте- и энерготранспортной системы¹⁷.

Весьма серьезные перспективы имеются у двух стран и по другим направлениям. Взаимодействие в космосе может стать столь же важным элементом российско-индийского сотрудничества, как и поставки российского оружия в Индию. Речь идет в том числе о том, чтобы восстановить и найти коммерческое применение российской глобальной спутниковой навигационной системе GLONASS, разработанной еще в СССР. Она должна стать альтернативой действующей системе GPS, находящейся под контролем Пентагона. Российское, как и индийское, руководство не устраивает, что США в периоды обострения напряженности могут по собственному усмотрению лишать определенные страны доступа к системе во имя своих стратегических интересов. В использовании системы как в мирных целях, так и в целях обороны заинтересованы и другие участники ШОС.

Наряду с этим интегрирующим фактором в рамках ШОС для заинтересованных стран (за исключением участников ОДКБ) можно отметить еще один положительный факт. 10 сентября 2005 года Президент РФ В.В. Путин подписал Указ "Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами", в котором, в частности, предусмотрен ряд мер по повышению эффективности ВТС. Устранены, например, факторы, сдерживающие оперативность и гибкость в этой работе. В результате стало меньше ступеней согласования при принятии решений по поставкам продукции военного назначения. При этом усилены координирующая и контрольная функции государства в деятельности субъектов ВТС. В итоге новые шаги в области ВТС призваны повысить авторитет отечественных экспортеров оружия, а также привлекательность для зарубежных партнеров сотрудничества по совместной разработке и производству ВВТ.

Можно говорить и об определенном улучшении работы по линии снабжения поставленных Россией ВВТ запасными частями и их технического обслуживания. Намечившиеся позитивные изменения здесь во многом связаны с выдачей новых лицензий на ведение внешнеэкономической деятельности в сфере ВТС. Сейчас предприятий, имеющих такую лицензию — 16. Их количество в дальнейшем будет увеличиваться. Бесспорным лидером в этой сфере на данном этапе является ОАО "Компания "Сухой", которое в 2004 году выполнило контракты на общую сумму 135 млн долл., а в этом году планирует самостоятельно поставить на экспорт запчастей и предоставить услуги по сервисному обслуживанию эксплуатирующихся за рубежом истребителей марки "Су" на сумму около 180 млн долл.¹⁸ Хорошие перспективы есть и у ряда других российских предприятий.

Учитывая качественные перемены в последние годы в индийско-китайских отношениях, которые произошли после "прорывного визита" премьер-министра Индии А.Б. Ваджаи в Китай в июне 2003 г., можно надеяться на взаимодействие в такой сфере, как многостороннее сотрудничество непосредственно между вооруженными силами трех стран.

В конце 2005 года в Пекине прошел форум “Международная и региональная ситуация и китайско-российское стратегическое взаимодействие”, на котором среди других обсуждались вопросы взаимодействия Москвы, Пекина и Дели с учетом обретения Индией статуса наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества.

Глава думского Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками А. Кокошин в своем выступлении отметил, что сотрудничество России, Индии и Китая не направлено против других государств, оно строится для более акцентированного обеспечения интересов каждой из трех сторон. И это взаимодействие, уверен он, будет развиваться и дальше, хотя это не всем нравится, вызывает у некоторых политиков других стран подозрение. А. Кокошин также отметил, что сотрудничество РФ, КНР и Индии не является “альянсом или жесткой структурой”. В то же время система международной безопасности станет более устойчивой, если два азиатских гиганта — Китай и Индия, а также евроазиатская Россия будут иметь отлаженную систему взаимодействия в сфере безопасности.

К сказанному можно добавить, что такая система в лице Шанхайской организации сотрудничества создана. Проведенный выше анализ дает основание прийти к выводу о том, что ее потенциал представляет государствам-участникам серьезный шанс стать влиятельной силой на международной арене.

Взаимодействие России и Индии, России и Китая на двусторонней основе достигло высокого уровня. Но здесь не может быть самоуспокоения. Впереди немало сложных задач, которые можно решить лишь совместными усилиями многих стран, имеющих общие взгляды на развитие международных отношений. Стратегическое партнерство в рамках Шанхайской организации сотрудничества на сегодня — наиболее оптимальная модель двустороннего и многостороннего взаимодействия стран-участниц, представляющая оптимальные условия для реализации национальных интересов каждому из ее участников. Взаимодействия, рассчитанного на долгосрочную перспективу.

1. Военно-промышленный курьер. 2005. 25 мая.
2. Володин А. Новая индийско-американская “антанта”: Москве есть над чем задуматься: Фонд Стратегической Культуры. 26 июля 2005 г.
3. Там же.
4. Независимое военное обозрение. № 47 (495). 2005. 9 декабря.
5. Красная Звезда. 2005. 7 декабря.
6. Красная Звезда. 2005. 27 октября.
7. Независимое военное обозрение. 2005. 18 августа.
8. Военно-промышленный курьер. 2005. 1 октября.
9. Там же. 25 мая.
10. Там же.
11. Независимая газета. 2003. 12 августа.
12. Там же.
13. Из интервью Посла России в Индии В.И. Трубникова газете “Хинду”, опубликованного 9 августа 2004 г.
14. Красная Звезда. 2005. 27 октября.
15. Официальный сайт МИД РФ, <http://www.in.mid.ru>
16. Независимая газета. 2004. 3 декабря.
17. Из выступления Председателя Правительства Российской Федерации М.Е. Фрадкова на заседании Совета глав правительств ШОС (Бишкек, 23 сентября 2004 г.)
18. Красная Звезда. 2005. 1 декабря.

Реформирование системы государственного управления в КНР

© 2006

Л. Гудошников

В китайской политико-юридической терминологии органы государственного управления именуются административными органами, и когда речь идет об их реформировании, говорят о реформировании системы административных органов или просто административной реформе. Этой терминологии будем придерживаться и мы, рассматривая реформирование системы государственного управления в КНР.

Начало современного этапа административной реформы в Китае, связано с общей программой реформирования китайского государства и общества, провозглашенной 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва, состоявшимся в конце 1978 г. С той поры система административных органов претерпела ряд организационных изменений. Этот процесс продолжает развиваться и в настоящее время с перспективой на будущее. Наиболее значимыми датами в нем обычно называют 1982, 1988, 1993 и 1998 гг. Главное направление административной реформы — создание эффективного и квалифицированного аппарата, способного обеспечить выполнение грандиозной задачи модернизации страны. Этот процесс включает и устранение в аппарате дублирующих звеньев, и общее сокращение его численности, ликвидацию практики пожизненного занятия должностей и общее его омоложение, постоянное пополнение образованными и квалифицированными работниками и т.п.

Первый этап реформы, проводившийся в 1982-1984 гг., затронул систему административных органов по всей вертикали управления, вплоть до уездного уровня. Как отмечалось в китайских СМИ, в ходе этого этапа реформы число министерств, комитетов, канцелярий и различных других органов Госсовета сократилось со 100 до 61. На провинциальном уровне число административных органов сократилось с 60 до 40. Несколько меньшим было сокращение в городах центрального подчинения. На уровне городских и уездных народных правительств произошло сокращение на 15 единиц. В результате сокращений численность сотрудников административных органов уменьшилась на 25%. В том числе численность сотрудников в структурах Госсовета сократилась со 180 тыс. до 120 тыс. человек. На этом этапе реформы было издано важное постановление ЦК КПК "О создании системы пенсионного обеспечения старых кадровых работников", а на основании его — соответствующее положение Госсовета. Это положение ликвидировало систему пожизненного пребывания в должности всех кадровых (т.е. руководящих) работников, вплоть до министров и председателей госкомитетов в системе Госсовета.

В Китае отдают должное реформе 1982-1984 гг., в ходе которой проводилась ликвидация высокой концентрации властных полномочий и чрезмерной громоздкости правительственных органов, началось омоложение аппарата, повышение уровня образованности работников. Вместе с тем отмечался ее поверхностный характер, в результате многие поставленные задачи оказались невыполненными. В частности, только что сокращенный госаппарат снова начал расти. Принципиально новый подход к проблеме реформы аппарата был выдвинут на следующем этапе реформы в 1988 г. Теоретической его базой стали решения XIII съезда КПК, состоявшегося в октябре 1987 г. и выдвинувшего идею создания плановой товарной экономики, перехода от прямого экономического управления предприятиями со стороны правительства к опосредованному экономическому управлению ими, изменения характера связей между Центром и местными народными правительствами. Стержневым направлением реформы аппарата правительства 1988 г. и ее главным отличием от реформы 1982 г. стало упорядочение связей между различными министерствами, ведомствами и учреждениями центрального правительства, перераспределение и изменение их функций. В соответствии с требованиями экономической реформы большее внимание было уделено укреплению министерств и других центральных органов, осуществляющих функции макроэкономического управления и, соответственно, разукрупнению и ликвидации органов осуществляющих специализированное экономическое управление. Функции отраслевого управления, ранее принадлежавшие комплексным экономическим министерствам и ведомствам, были переданы специализированным центральным административным органам, которые, в свою очередь, должны были передавать некоторые свои функции, связанные с прямым экономическим регулированием, отраслевым ассоциациям. Всего в ходе реформы 1988 г. общее число министерств и госкомитетов сократилось с 45 до 42, но при этом были ликвидированы 12 министерств и госкомитетов и вновь созданы 9, в том числе министерства энергетики, материальных ресурсов, строительства, авиационной и космической промышленности, автоматизации и электронной промышленности и другие. Сократилось число комитетов и учреждений при Госсовете: из 77 было сокращено 39 и вновь создано 5, в результате их стало 43. Общее число сотрудников аппарата Госсовета сократилось примерно на 10 тыс. человек.

Более радикальная по сравнению с двумя предшествующими реформа аппарата Госсовета началась в 1993 г. после принятия 1-й сессией ВСНП 8-го созыва своего рода программы перестройки Госсовета. Прежняя (даже и реформированная) модель административного управления должна была уйти в прошлое в связи с поставленной XIV съездом КПК целью построения "социалистической рыночной экономики". Задачи правительства должны были свестись главным образом к общему планированию (на макроуровне), обеспечению проведения в жизнь единых политических установок, координации, осуществлению надзора и контроля. Предстояло также отладить отношения между различными подразделениями Госсовета, рационально разграничив сферы полномочий, провести упорядочение структуры подразделений, дальнейшее сокращение их количества и численности персонала. В соответствии с руководящей идеей реформы для каждой категории подразделений Госсовета были разработаны свои модели перестройки: а) для комплексных экономических подразделений (типа Госкомитета по делам экономики и торговли, Министерства финансов) центр тяжести был перенесен на макрополитическое управление, разработку стратегии и программ народно-хозяйственного развития; б) для специализированных хозяйственных подразделений — на их преобразование в хозяйственные организации без правительственных функций (так, на базе бывшего Министерства авиационной и космической промышленности были

созданы две генеральные компании) или институты (палаты) общегосударственного значения, которые сохранили функции управления отраслью, но уже в качестве ведомств при Госсовете. Некоторые министерства и ведомства сохранили прежние наименования, но их работа была переориентирована главным образом на разработку планов, координацию, оказание услуг (например, информационных и консультативных) и контроль. Одновременно была произведена перестройка ряда учреждений при Госсовете, одни из которых были слиты с министерствами или госкомитетами, став их структурными частями, другие были сохранены, но с меньшим аппаратом и измененными функциями.

В целом в ходе административной реформы 1993 г. число министерств, ведомств и учреждений Госсовета было сокращено с 68 до 59. На провинциальном уровне число структурных единиц правительственных аппаратов было сокращено в среднем с 76 до 65, в городах центрального подчинения со 100 до 75. На всех уровнях число чиновников правительственных органов сократилось на 2 млн человек, что составило 23% общего штата административных органов.

Как и административная реформа 1988 г. реформа правительственного аппарата 1993 г. способствовала ликвидации дублирования функций ряда министерств и ведомств в структуре Госсовета, позволила сократить штат аппаратов правительств различных уровней. Вместе с тем в ходе реформы 1993 г. не произошло радикального изменения функций в структуре правительства, что объяснялось слабостью рыночных отношений и сохранением серьезной роли плановой экономической системы. Попытки правительства сдержать и ограничить разрастание аппарата сводились на нет из-за того, что оставались неизменными полномочия и функции самого правительства. В связи с этим на XV съезде КПК (1997 г.) был поставлен вопрос о *новом этапе административной реформы*. В качестве конкретных мероприятий этого этапа на съезде было названо преобразование комплексных экономических министерств и ведомств в органы, осуществляющие макроэкономическое регулирование; упорядочение специализированных комплексных экономических министерств и ведомств и сокращение их численности; укрепление министерств и ведомств, осуществляющих функции исполнения законов и надзора за их исполнением; создание и развитие посреднических организаций (*шэхуэй чжунцзе цзучжжи*), т.е. являющихся своего рода посредниками между правительством и обществом и способных брать на себя проблемы общественных отношений, не входящих в функции правительства. Это, например, акционерные и фондовые биржи, биржи труда, отраслевые ассоциации предприятий одной отрасли, юридические и бухгалтерские конторы, организации оценки имущества, контроля за качеством продукции и т.п.

Концепция изменения функций правительства, ставшая главной особенностью проведения реформы аппарата правительства в 1998 г., реализовалась в соответствии с выдвинутой еще Дэн Сяопином идеей о передаче партийно-правительственными органами другим органам и общественным организациям тех своих полномочий и функций, которые им не следует выполнять вообще, либо тех, которые они выполнить не в состоянии или не могут выполнить качественно.

Наглядным итогом изменения функций правительства в ходе реформы 1998 г. стало сокращение числа министерств и госкомитетов Госсовета с 49 до 29. Число же управлений в структуре самих министерств сократилось более чем на 200, или на четверть. На этом этапе реформы структурные подразделения Госсовета не только перераспределяли функции между собой, но и передавали их местным народным правительствам и другим структурам на местах. В общей сложности учреждения Госсовета передали местным правительствам,

а также предприятиям и общественным организациям на местах более 200 своих функций.

Частичной реорганизации аппарат Госсовета был подвергнут на основе решений 1-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2003 г.), в соответствии с которыми был создан *Комитет Госсовета по контролю и управлению государственной собственностью* (Комитет госсобственности). К комитету отошли функции ранее разделенные между девятью органами. В их числе функции упраздненного Госкомитета по экономике и торговле, ведавшего реформированием и реорганизацией государственных предприятий; Министерства финансов в части регистрации госсобственности, Комиссии по работе с предприятиями ЦК КПК, которая не только отвечала за партийную работу на госпредприятиях центрального подчинения, но назначала и увольняла их руководителей.¹

Под контролем комитета, обладающего большим кругом полномочий, 180 тыс. государственных предприятий, функционирующих в различных сферах экономики. В число основных функций комитета входят: направление реформирования и реорганизации предприятий государственной собственности; осуществление надзора за сохранением и приумножением стоимости государственных активов подконтрольных государственных предприятий; усиление работы по управлению государственным имуществом; утверждение на производстве режима современных предприятий; стратегическое упорядочение структуры и размещения экономики сектора, основанного на государственной собственности.²

Государственный комитет по развитию и реформам заменил собой наследника Госплана, переименованного в 1998 г. в Государственный комитет планирования развития. В задачи нового комитета входит прежде всего координация проводимых в различных отраслях реформ с тем, чтобы они оптимально соответствовали развитию страны. За ним оставлены функции по разработке стратегии народно-хозяйственного и социального развития, разработке промышленной и ценовой политики и т.п. По поручению Госсовета комитет, как и его предшественники, должен докладывать ВСНП о планах экономического и социального развития.

В качестве органа министерского уровня, непосредственно подчиненного Госсовету, создан *Комитет по контролю и регулированию банковской деятельности*. К нему отошли функции комиссии по работе с финансовыми учреждениями ЦК КПК наряду с ранее находившимися в ведении Народного Банка Китая функциями по контролю и регулированию деятельности *всех видов банков*, а также компаний, управляющих собственностью, трастовых и инвестиционных компаний и иных депозитарных финансовых учреждений. Комитет должен выявлять противозаконные финансовые операции, включая отмывание денег. Народный банк Китая, освобожденный от контрольных функций, усиливает свою роль на других направлениях объема своих полномочий (определение и проведение монетарной политики, макрорегулирование в финансовой сфере и т.п.). Банк и комитет должны работать в тесном взаимодействии. В комитет перешло около 200 человек из контрольных подразделений Народного банка Китая и 120 человек из Комиссии по работе с финансовыми учреждениями ЦК КПК. Комитет создает свои местные органы на уровне единиц провинциального уровня и городов провинциального подчинения. В дальнейшем не исключается создание органов комитета на уездном уровне.

Еще одним результатом реорганизации Госсовета в 2003 г. явилось создание *Министерства коммерции* в качестве единого органа, ведающего торговой деятельностью как на внутреннем, так и на внешнем рынке, что отвечает тенденции формирования единой, открытой, конкурентной и упорядоченной современной рыночной системы.

Наконец, на базе специального органа Госсовета, ведавшего безопасностью фармацевтических средств, было создано *Государственное управление по контролю за пищевыми продуктами и лекарствами*.³

Реорганизация Госсовета 2003 г. продолжила проводящуюся уже более двух десятилетий политику, направленную на реформирование госаппарата в соответствии с условиями и требованиями рыночной экономики с китайской спецификой.

Параллельно с реформированием организационных структур идет процесс усиления кадрового состава государственных органов.

Это проявилось прежде всего в том, что в период реформ в КНР была создана *регулярная система государственной службы*, пришедшая на смену административно-директивной системе зачисления на работу в государственные учреждения путем "всеобщего централизованного распределения кадров". Вопрос о создании регулярной системы госслужбы встал вскоре после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г), с которого, как мы знаем, начинается отсчет эпохи реформ в Китае. Уже в 1980 г. архитектор китайских реформ Дэн Сяопин отметил как недостаток отсутствие в стране в течении длительного времени административных правил, регулирующих всю деятельность госаппарата сверху до низу. Тогда же он обрисовал и общие контуры новой системы государственной службы, выделив такие моменты, как набор служащих по результатам экзаменов, четкое определение порядка назначения на должность и смещения с должности, аттестацию, отвод от должности (например, из-за родственных связей с сослуживцами), ротацию кадров.

В 1980-е гг. началась и разработка системы регулярной государственной службы, порученная Министерству кадров Госсовета. Первый вариант проекта Временного положения о государственных служащих был выработан в 1987 г. В 1988-1989 гг. он прошел широкое обсуждение в центре и на местах, а затем результаты обсуждения были одобрены постоянными органами Госсовета КНР и Политбюро ЦК КПК. В 1989 г. началось внедрение предусмотренной проектом положения системы государственной службы в опытным порядке в отдельных подразделениях Госсовета и на местах. Кроме того, по распоряжению Госсовета стали практиковаться предусмотренные проектом методы комплектования госаппарата. Так, по статистике ряда ведомств, только в 1988 г. более миллиона человек участвовали в экзаменах на штатные должности в правительствах различных ступеней.

Временное положение о государственных служащих вступило в силу с 1 октября 1993 г.⁴ Таким образом принятию этого акта предшествовала восьмилетняя подготовительная работа, в том числе четыре года экспериментов в центре и на местах.

К государственным служащим, в соответствии с этим положением, были отнесены работники административных органов всех ступеней за исключением рабочих и обслуживающего персонала. Государственные служащие были выделены из общей категории "кадры" ("*ганьбу*"), а к ним отнесены только лица, занимающие должности в административном аппарате. Была установлена ранжированная иерархия сотрудников государственных административных органов, причем ранги увязывались с занятием определенных должностей. 1-й ранг — у Премьера Госсовета, 2-3 — у его заместителей и членов Госсовета, 3-4 — у министров и глав администраций провинциального уровня и т.д. Табель о рангах замыкали делопроизводители (10-15-й ранги). Должности госслужащих делились на руководящие и неруководящие, последние были перечислены во Временном положении. Это, например, делопроизводители, референты, сотрудники отделов (секторов), инспекторы и т.п. Вместе с тем предусмотрено составление отдельной таблицы о рангах для работников, не занимающих

руководящие посты, с тем чтобы те из них, кто отлично проявил себя, могли быть повышены в ранге с увеличением зарплаты без назначения на руководящий пост.

Согласно Временному положению, экзаменационная система при наборе на работу государственных служащих распространялась только на замещение неруководящих должностей. Экзамены проводились открыто, с обязательным опубликованием в СМИ сообщений о предстоящем наборе на штатные должности в административном аппарате. В экзаменах мог принять участие любой гражданин КНР, отвечающий условиям, предъявляемым к кандидатам на должности. При этом исключаются как привилегии, так и дискриминации по таким признакам, как происхождение, социальное положение, пол, национальность, имущественное положение и т.п. Вместе с тем устанавливалось, что «местные правительства районов национальной автономии и ведомства по делам национальностей народных правительств всех ступеней при зачислении государственных служащих должны отдавать приоритет претендентам на замещение вакантных должностей из числа представителей национальных меньшинств» (ст. 13, ч II). Впервые зачисляемые на должности государственные служащие проходят годичный испытательный срок, в течение которого они также проходят курс обучения практической работе. По истечении испытательного срока происходит официальное назначение на должность, либо испытуемый лишается статуса зачисленного на должность. Государственные служащие, не имеющие опыта низовой работы (т.е. уездного и нижестоящего уровней), сначала должны быть определены на такую работу на срок от года до двух лет.

Система экзаменов не распространялась на должности госслужащих высших и средних рангов. Должности высших рангов замещались в порядке, установленном конституцией и органическими законами КНР (посты Премьера Госсовета, его заместителей и членов Госсовета, министров, губернаторов провинций и т.п.). Что касается должностей средних рангов (это, например, главные должностные лица управлений и департаментов), то их замещение производилось в основном путем повышения в должности или перевода из других административных подразделений. Следует отметить, что, согласно Временному положению, повышение в должности государственного служащего сопровождалось его обучением и подготовкой к соответствующей работе.

Новая система государственной службы предусматривала регулярные аттестации государственных служащих. Предусмотрены текущие и итоговые аттестации по результатам года. Текущие аттестации служили основанием для годичных, а последние — для поощрений или взысканий, направления работника на переподготовку, для вынесения решений об увольнении, переводе на другую работу, присвоении ранга и назначении зарплаты. Система аттестаций, как считают в КНР, способствует преодолению существовавшей в прошлом практики, когда не делалось различий в отношении работников в зависимости от качества их работы.

Особое значение имели установления Временного положения, имеющие антикоррупционный характер. В положении содержалось прямое запрещение государственным служащим заниматься торговлей, предпринимательством и участвовать в другой хозяйственной деятельности, приносящей прибыль. Кроме того, было установлено, что лица, связанные супружескими узами, отношениями прямого кровного родства или непрямыми родственными связями в пределах трех поколений, а также родственными связями по линии жены или мужа, не могут занимать должности в одном и том же административном подразделении, подчиняясь одному и тому же руководителю, не могут находиться в прямом подчинении друг другу. Таким госслужащим нельзя было заниматься контрольной, ревизионной, кадровой, финансовой деятельностью в учреждении, где указанные выше родственники занимают руководящие посты (ст. 61

Временного положения). Предусматривается также, что нельзя, как правило, назначать местных уроженцев на руководящие должности в местных народных правительствах (однако при этом делалось исключение для госслужащих народных правительств районов национальной автономии). Указанные ограничения, как считают в Китае, помогут избежать образования сети круговой поруки лиц, связанных родственными и земляческими узами.

Временное положение ввело и четкую регламентацию порядка понижения в ранге, отстранения от должности, ухода на пенсию, отчисления из штатов государственных служащих на основании собственного желаяния или увольнения. Отдельными его главами регулировалась ротация государственных служащих, вопросы оплаты их труда, обучения и подготовки кадров госслужащих. Временное положение о государственных служащих было детализировано в целом ряде административных актов, изданных в 1994-1996 гг. Министерством кадров КНР. Первым из таких актов было Временное постановление об аттестации (и зависимость от нее результатов карьеры служащего). За ним последовало Временное постановление о зачислении на службу государственных служащих (07.06.94), которым устанавливались правила отбора кандидатов для замещения неруководящих должностей в государственных административных органах, и ряд других актов.

Что касается руководящих должностей, то порядок их замещения был определен партийными документами: сначала Временным положением о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников от 9 февраля 1995 г., которое в 2002 г. было заменено аналогичным документом уже не временного характера (принято ЦК КПК 9 июля 2002 г.). Оба эти документа примечательны открытостью: в прошлом какие-либо акты, регулирующие формирование партийно-государственной номенклатуры открыто не публиковались. Положение определило перечни органов, руководство которых относится к номенклатурным работникам. Характерно, что в первом перечне наряду с партийными и государственными органами значится Всекитайский комитет НПКСК (ВК НПКСК). Во втором перечне действие положения распространено также на руководящие кадры профсоюзов, комсомольских, женских и других общественных организаций.

Положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов распространяло и на руководящих работников требования, предъявляемые к рядовым госслужащим. В частности, оно содержит требование наличия определенного стажа работы на низовых и нижестоящих должностях, наличия высшего или специального образования, обязательной подготовки в кадровых учебных заведениях (партийных, административных академиях и институтах и т.п.). Одновременно установлена многоступенчатая система рекомендаций и отбора для назначения и избрания на руководящие должности. На руководящих работников распространяется положение о ротации, предусмотренное для госслужащих, согласно которому ротации подлежат члены руководства местных (территориальных) партийных комитетов и местных народных правительств, проработавшие на одной должности более 10 лет. Ротация осуществляется между различными территориями, органами и учреждениями различных уровней, а также между общественными организациями. Главная цель введенной этим положением ротации — создание корпуса руководящих работников свободного от местных и клановых влияний.

В 1995 г. была продолжена публикация нормативных актов Министерства кадров КНР, детализирующих Временное положение о государственных служащих 1993 г. Так в июле 1995 г. было издано временное постановление об уходе в отставку и увольнении государственных служащих, а в августе того

же года — Временное постановление о поощрении государственных служащих. Первым актом Министерства по вопросам госслужбы в 1996 г. явилось Временное постановление о повышении и понижении в должности государственных служащих (февраль), за которым последовали Временные правила отвода при назначении на должность государственных служащих и отводе с занимаемой должности (июнь) и Временное постановление об обучении и подготовке кадров государственных служащих (июль).

Созданная в 90-х гг. XX века нормативная база госслужбы в КНР сформировала более рациональные условия использования персонала, его комплектования в соответствии с интересами дела, более полного выявления личных способностей людей. Вместе с тем необходимо отметить, что формирование этой базы еще находилось на начальном этапе и она до недавнего времени основывалась на актах временного характера, которые в дальнейшем заменялись более совершенными. Это свидетельствовало о серьезном подходе лидеров КНР к проблемам модернизации кадровой политики государства.

С января 2006 г. Временное положение о государственных служащих, которое в свое время было принято Постоянным бюро Госсовета КНР (24.04.93), было заменено Законом КНР о государственных служащих от 27.04.2005 г. (принят ПК ВСНП)⁵. Закон имеет определенные отличия от Временного положения. Так, глава I “Общие положения” дополнена новыми партийными установками о теории Дэн Сяопина и “трех представительств”, основном курсе на осуществление начального социализма, которым все должны руководствоваться. Особо подчеркивается, что система государственных служащих решительно отстаивает принцип партийного руководства кадрами. Закон вводит понятие государственного служащего, которое во Временном положении фактически отсутствовало, а именно: “государственные служащие, о которых говорится в настоящем законе, представляют собой сотрудников, исполняющих по закону государственные должностные обязанности, входящих в штат государственного аппарата, получающих заработную плату и другие материальные блага из государственных средств” (ст. 2 Закона). Бывшая глава II Временного положения “Обязанности и права” дополнена нормами о требованиях к государственным служащим, практически содержащими критерии зачисления на госслужбу (гражданство КНР, 18-летний возраст, поддержка Конституции КНР, хорошее поведение, физическая годность, культурный уровень и способности, соответствующие должностным требованиям и др.). В число обязанностей госслужащих входят образцовое исполнение конституции и законов, добросовестное исполнение служебных обязанностей; беззаветное служение народу и восприятие контроля с его стороны; защита безопасности чести и интересов государства, преданность служебному долгу, хранение государственной и служебной тайны, соблюдение дисциплины и морально-нравственных норм. Закон в то же время обеспечивает госслужащим правовые и иные условия выполнения ими своих обязанностей, среди которых соблюдение закона и наличие определенных процедур при всяком наказании, свободное высказывание практических замечаний, материальное обеспечение и т.д. Далее закон, вслед за Временным положением регулирует систему должностей и рангов государственных служащих, однако не дает подробного перечня рангов, оставляя этот вопрос для текущего законодательства. Глава о зачислении на госслужбу (IV) практически законодательных новелл не содержит. В главе “Аттестации”⁶ (V) нет принципиально новых положений. В дальнейшем при сохранении общего числа глав (18) некоторые из них переставлены (например глава “Поощрения” перенесена с VI на VIII позицию) другие разделены на отдельные (например, главы о ротациях и отводах). Кроме того, введены новые главы (“Должности для назначения по приглашению” — глава XVI по новой нумерации). В этой

главе имеется ввиду приглашение с санкции компетентных органов служащих с последующим назначением на наиболее важные специальные должности и должности вспомогательного характера. Таких лиц могут отбирать из сотрудников, отвечающих нужным условиям.

Назначения по приглашению не распространяются на должности, связанные с государственными тайнами, и ограничиваются сроками от одного года до пяти лет.

Закон предусматривает учреждение государством системы арбитража по регулированию разногласий в кадровых вопросах (положение об арбитраже относится к служащим, приглашенным для назначения на должность). Арбитражные комиссии (комитеты) формируются из представителей компетентных органов по вопросам государственной службы, представителей приглашавшего госслужащих органа и специалистов по законодательству. Если заинтересованные лица не согласны с решением арбитража, они могут в течении 15 дней после получения решения арбитража в письменном виде направить в народный суд заявление о возбуждении дела. Если арбитражное решение не исполняется, заинтересованные лица могут вновь обратиться в суд для принудительного исполнения.

Закон отличается от Временного положения и присутствием в нем главы "Правовая ответственность" (XVII). В ст. 101 Закона перечисляются случаи, за которые нарушившие его положения работники подвергаются критике и наказаниям вплоть до уголовных. К таким случаям, например, относятся кадровые решения при отсутствии квоты штатного состава, числа должностей или соответствующей компетенции работника. Другой пример: разглашение экзаменационных тем при зачислении на должности, нарушения дисциплины на экзаменах и т.п.

В целом закон не внес коренных изменений во Временное положение 1993 г., однако существенно его усовершенствовал. Главное же его значение в том, что он вывел правовые нормы о государственных служащих на законодательный уровень, т.е. на уровень важного нормативного акта, выше которого только Конституция КНР.

Главная цель современной правовой регламентации государственной службы в КНР — создание корпуса руководящих работников и иного управленческого персонала, обладающего высокой профессиональной квалификацией, преданного КПК и в то же время свободного от клановых, местных и иных влияний.

1. Бергер Я. М. Политика реформ и структурно — функциональная реорганизация правительства КНР (к итогам первой сессии ВСНП 10-го созыва) // ПДВ, 2003. № 3. С. 13.
2. Наумов И.Н. О создании и структуре Комитета по контролю и управлению государственным имуществом // Китай: новые горизонты реформ. Часть I. М. ИДВ РАН, 2005. С. 94.
3. Бергер Я.М. Указ. соч. С. 16 — 17.
4. Временное положение опубликовано в переводе на русский язык в сборнике "Современное законодательство Китайской Народной Республики". М., 2004. С. 106 — 125.
5. Текст Закона КНР о государственных служащих опубликован в "Жэньминь жибао" 11 мая 2005 г.
6. В дословном переводе "проверки".

Основные аспекты деятельности Регионального форума АСЕАН

© 2006

Л. Васильев

1. Особенности построения системы региональной безопасности в Юго-Восточной Азии

Характерной особенностью современной обстановки в Юго-Восточной Азии является высокая динамика политических и экономических процессов, формирующих устойчивую тенденцию к преобразованию региона в важнейший центр мировой политики и экономики. При этом доминантой, определяющей характер ситуации, является ориентированность большинства государств на широкомасштабные экономические реформы при наличии реальных предпосылок для их осуществления и на взаимодействие. Кроме того, страны АСЕАН твердо выразили стремление всемерно способствовать миру, стабильности и устойчивому развитию региона.

Такая установка предполагает наличие в регионе достаточно эффективной системы коллективной безопасности, а поэтому ее построением государства Ассоциации активно занимаются в настоящее время. С 1994 г. работает Региональный форум АСЕАН (АРФ) по безопасности, в декабре 1995 г. подписан договор о создании в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия, успешно (особенно в последние годы) решается ряд межгосударственных проблем внутри АСЕАН. Здесь же следует отметить, что кроме перечисленных проблем безопасности в ЮВА к основным предпосылкам, определяющим необходимость укрепления системы региональной безопасности, можно отнести и те условия, в которых она создается.

Во-первых, до недавнего времени АСЕАН как организация ставила перед собой исключительно задачи содействия взаимному экономическому развитию и лишь в последнее десятилетие начала брать на себя решение и политических проблем. Это вызвано, прежде всего, повышением роли стран ЮВА в решении международных проблем, базирующимся на росте их экономической мощи и, как следствие, расширяющихся возможностях по наращиванию военного потенциала.

Во-вторых, потребность обеспечения благоприятных условий для экономического развития обуславливает необходимость для стран ЮВА более эффективно отстаивать свои экономические интересы, предусматривая при этом при необходимости, способность их защиты с помощью военной силы. В настоящее время практически все государства АСЕАН в целях военной модернизации стали активно пополнять свои арсеналы современным оружием.

В-третьих, прекращение глобального противостояния США и СССР радикально изменило стратегическую ситуацию в ЮВА. Сейчас для нее ха-

ктерно возрастание экспансии Китая, Японии, Южной Кореи и даже Индии, что существенно влияет на перспективы создания системы коллективной безопасности в регионе.

На 10-й сессии АРФ были определены основные направления деятельности государств АСЕАН по созданию такой системы. К ним относятся:

- продолжение работы над расширением мер доверия в ЮВА как основы всего процесса создания системы региональной безопасности;
- практическая реализация "Концепции и принципов превентивной дипломатии", принятой на 9-й сессии АРФ;
- соблюдение всеми государствами региона принципов мирного урегулирования конфликтов между ними через диалог и переговоры;
- возведение в ранг приоритетных задач Ассоциации решение проблемы создания единого фронта борьбы с международным терроризмом и международной преступностью в регионе;
- всемерное содействие режиму нераспространения ядерного оружия и контролю за вооружениями;
- расширение взаимодействия АРФ с другими региональными и международными организациями;
- поощрение более широкого участия в мероприятиях под эгидой АРФ экспертов, особенно военных должностных лиц¹.

Таким образом, задача построения эффективной структуры региональной безопасности в Юго-Восточной Азии в последнее время стала занимать все более значимое место в системе международных отношений в регионе. И хотя до построения структуры, подобной системе коллективной безопасности в Европе с ее разработанными и реализованными правовыми механизмами ограничения военного строительства, расширением и обеспечением мер доверия между странами, а также обеспечением прав человека еще далеко, государства АСЕАН существенно активизировали свою деятельность по ее созданию.

2. Основные аспекты деятельности АРФ

К основным принципам, на которых строится сессионная работа Регионального форума АСЕАН можно отнести:

- проведение многосторонних и двусторонних обсуждений проблем в рамках АРФ на основе невмешательства во внутренние дела государств-участников;
- принятие решений на форуме на базе консенсуса всех его участников;
- готовность участников форума обсуждать проблемы безопасности на многосторонней основе;
- принцип взаимного доверия;
- культивирование среди участников форума диалога и консультаций при разрешении конфликтных ситуаций между ними;
- открытость информации, касающейся решения проблем безопасности;
- привлечение к обсуждению проблем региональной безопасности национальных военных экспертов государств-участников.

Начиная с 1999 г., весь спектр рассматриваемых на сессиях форума проблем можно условно разделить на две основные составляющие: это проблемы, связанные с внутрирегиональной безопасностью в ЮВА и проблемы международной безопасности. Причем, первым из них отводится несоизмеримо больше времени для обсуждения, по ним принимаются более конкретные решения, чем по второй группе обсуждаемых проблем.

К основным проблемам *внутрирегиональной* безопасности, которые обсуждались на сессиях форума и по большинству которых были приняты конкретные решения, можно отнести следующие:

- разработка мер доверия и принципов превентивной дипломатии в системе региональной безопасности;
- борьба с международным терроризмом и международной преступностью в регионе;
- последствия глобализации для национальных экономик государств-участников и проблемы их экономической безопасности;
- создание в ЮВА зоны свободной от ядерного оружия;
- проблемы островов Спратли и выработка "Кодекса поведения в Южно-Китайском море".

Разработка мер доверия между участниками и использование их в работе АРФ с последующей разработкой принципов превентивной дипломатии были изначально заложены в основные направления деятельности Ассоциации по созданию системы региональной безопасности в ЮВА. В рамках создания такой системы на 8-й сессии АРФ (2001 г.) был утвержден "Реестр экспертов и видных деятелей", принят документ "Об усилении роли Председателя АРФ", а на 9-й сессии (2002 г.) была принята "Концепция и принципы превентивной дипломатии". На 11-й сессии (2004 г.) была подчеркнута важность разработки своеобразного "кодекса поведения" в Юго-Восточной Азии, развития правовых основ сотрудничества государств АСЕАН с их партнерами по АРФ².

После событий 11 сентября 2001 г. и предпринятых в этой связи действий США страны АСЕАН существенно усилили свое внимание к проблемам борьбы с международным терроризмом в регионе. Фактически, начиная с 2002 г., эти проблемы стали приоритетными на сессиях АРФ. Кроме того, был принят ряд конкретных документов, в том числе "Декларация по финансовым мерам противодействия терроризму" (9-я сессия, 2002 г.), "Заявление о контртеррористическом сотрудничестве в области безопасности границ" (10-я сессия, 2003 г.), подписаны совместные документы с США, Китаем, Индией и Россией о сотрудничестве в области безопасности и борьбы с терроризмом. По инициативе Индонезии, Малайзии и Филиппин в Куала-Лумпуре был создан Региональный антитеррористический центр.

На 11-й сессии (2004 г.) было принято решение о создании нового механизма Форума — Конференции по политике в сфере безопасности, которая призвана стать ключевой в плане повышения роли и эффективности военного компонента АРФ. Конференции по данной проблематике с участием высокопоставленных представителей военных ведомств состоялись в ноябре 2004 и мае 2005 гг.³ На 12-й сессии Форума (2005 г.) было принято Заявление АРФ по вопросам обмена оперативной и разведывательной информацией, а также усиления защиты документов, удостоверяющих личность, которое должно способствовать повышению эффективности антитеррористической деятельности спецслужб.

Приоритетность проблем, связанных с проявлениями международного терроризма в регионе, обусловлена, в первую очередь, глобализацией мировой экономики, которая сопровождается возрастанием имущественной дифференциации и социального расслоения общества в государствах АСЕАН. При этом сложность борьбы с подобными проявлениями на национальном уровне, а также недостаточность межгосударственного сотрудничества и взаимодействия в этой области между странами ЮВА, как это наблюдалось ранее, способствовала интернационализации этого вида преступлений, их выходу на региональную арену и установлению тесных связей с единомышленниками, действующими в других регионах мира.

Если говорить об особенностях международного терроризма в ЮВА, то следует отметить, что там вынашиваются самые широкие замыслы и используются крайние радикальные способы их реализации. Так, ряд крупных террористических организаций, действующих в регионе, в качестве главной цели

избрали создание панисламистского государства на территориях современной Индонезии, Малайзии и Филиппин. К основным террористическим организациям, преследующим указанную цель, в первую очередь следует отнести “Джамаа аль Исламию” (Индонезия) и Группу “Абу Саяфа” (Филиппины). Данные организации ведут активную террористическую деятельность, выражающуюся в проведении неоднократных, практически ежегодных взрывов, наиболее крупными из которых за последнее время стали взрывы на острове Бали (Индонезия) в 2002 и 2005 гг., в Джакарте в 2003 г., в различных районах Филиппин в 2002 г., а также в убийствах и похищениях людей, в основном иностранцев.

По данным американских источников, с начала 1990-х гг. до 1500 индонезийцев ежегодно отправлялись на обучение в Египет, Сирию и Иран, при этом следы до 40% из них теряются. Именно эти люди пополняют отряды международных террористов. Молодые люди из Малайзии, Филиппин, Индонезии на протяжении последних десятилетий регулярно отправляются на обучение в религиозные школы Пакистана. По возвращению на родину они вливаются в ряды приверженцев наиболее реакционного крыла консервативного ислама. Как считает малайзийский аналитик Фариш Нур, каждый год в Малайзию возвращается около 300 выпускников религиозных школ, и именно они оказывают давление на малайскую общину и правительства ряда штатов с целью установления шариатского правления. Создание шариатских штатов входит в программу основной оппозиционной партии страны — Малайской исламской партии (ПАС), активно наращивающей число своих сторонников.

На юге Таиланда действуют отряды мусульманских сепаратистов, входящих в Объединенную организацию освобождения Паттани. Эти отряды добиваются независимости четырех провинций, населенных преимущественно малайцами-мусульманами, требуя введения во все сферы жизни шариатских норм с конечной целью создания независимого исламского государства⁴.

Вместе с тем, следует отметить, что при рассмотрении проблем борьбы с международным терроризмом в регионе, государства АСЕАН тесно увязывают их с решением проблем борьбы с международной преступностью, в частности с проблемами пиратства, отмыванием денег, контрабанды оружия, торговли наркотиками и людьми. Тем самым, как бы несколько “размывается” важность борьбы с терроризмом в той постановке вопроса, в которой она озвучена на Западе. Это объясняется тем, что во многих странах АСЕАН процент исламского населения достаточно высок, и они болезненно реагируют на попытки некоторых западных экспертов и политологов напрямую связать международный терроризм с исламом. Так, на 12-й сессии АРФ в июле 2005 г. было однозначно заявлено, что не допустимо идентифицировать корни терроризма с любой из мировых религий, этнической группой или национальностью⁵.

Кроме того, налицо попытки правящих элит в некоторых государствах Юго-Восточной Азии под видом борьбы с терроризмом полностью уничтожить или существенно ослабить противостоящую им оппозицию. В то же время, исламской оппозицией в некоторых странах умело используется тезис некоторых западных политиков “мусульманин — значит потенциальный террорист” для запугивания населения новым крестовым походом Запада против мусульманского мира в целях реализации своих собственных интересов, не редко далеких от идей ислама.

Однако следует отметить, что процессы, связанные с глобализацией мировой экономики, оказывают свое влияние не только и не столько на деятельность международных террористических организаций в ЮВА, в какой-то степени они воздействуют на развитие национальных экономик стран АСЕАН, и, как следствие, на решение проблем обеспечения экономической безопасности. Первоначальная восторженность, вызванная резким увеличением потоков иностранных инвестиций в регион, и теми преимуществами, которые давало

странам Ассоциации подключение к процессам глобализации, сменилась холодным душем финансового кризиса 1997 г., а также осознанием того факта, что такое развитие событий в долговременной перспективе сулит им все меньше и меньше дивидендов, в то время как транснациональным корпорациям, действующим на их рынках, наоборот — все больше и больше. Поэтому проблемы, связанные с глобализацией и обеспечением собственной экономической безопасности, занимают важное место в работе АРФ и обсуждаются практически на каждой его сессии.

Основные выводы, к которым пришли государства АСЕАН в ходе дискуссий по этим проблемам, можно суммировать следующим образом:

- процессы глобализации имеют объективный характер и их не остановить;
- глобализация выгодна прежде всего транснациональным корпорациям;
- государства ЮВА не должны оставаться в стороне от глобализации и с максимальной эффективностью использовать те преимущества, которые она им предоставляет;
- в целях обеспечения экономической безопасности национальных экономик государства региона должны ускорить процессы экономической интеграции в рамках Ассоциации.

15 декабря 1995 г. в Бангкоке руководители государств АСЕАН подписали Договор о зоне, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО) в Юго-Восточной Азии, известный как Бангкокский договор, который встретил понимание и одобрение мирового сообщества. В марте 1997 г. Договор вступил в силу. Он представляет собой крупную инициативу Ассоциации в ее стремлении к созданию нового порядка в регионе. Договор обладает двумя особенностями, которые выделяют его среди других попыток создать ЗСЯО. Во-первых, он включает территорию, территориальные воды, 200-мильную специальную экономическую зону и континентальный шельф каждой страны-участницы Договора. И, во-вторых, это первый договор подобного типа, в Протоколе к которому пять ядерных держав обязуются воздерживаться от применения или угрозы применения ядерного оружия не только против стран-участниц Договора, но и внутри зоны в целом.

Однако ни одно из этих пяти ядерных государств не подписало Протокол от 1 января 1998 г., несмотря на предложение АСЕАН внести добавления или поправки к Договору до того, как он был открыт для подписания. Причинами отказа стали расхождения в формулировках и содержании ряда его положений. Они касаются морского пространства зоны, где на ядерные государства накладываются ограничения. Последние, особенно в США, считаются слишком широкими и жесткими.

Тем не менее, в последнее время актуальность данного вопроса становится все более очевидной. Это вызвано, прежде всего, тем, что Индия и Пакистан официально объявили о том, что они стали ядерными державами, в связи с чем, естественно, обостряется интерес к проблемам ядерной безопасности в регионе. Кроме того, в данном вопросе активную поддержку государствам ЮВА оказывает Россия, что обусловлено реализацией здесь ее национальных интересов. Выступая на 10-й сессии АРФ в Пномпене, министр иностранных дел России заявил: "Поддерживаем создание зон, свободных от ядерного оружия, в различных районах мира, в том числе и в Юго-Восточной Азии. Рассматриваем их как реальный вклад в укрепление режима нераспространения ядерного оружия, упрочение региональной безопасности. Рассчитываем, что будут найдены взаимоприемлемые развязки, позволяющие нам и остальным ядерным государствам подписать Протокол к Договору о ЗСЯО в ЮВА. В принципе поддерживаем идею продолжения прямых консультаций между "пятеркой" и АСЕАН".

Пекин также поддерживает идею безъядерной зоны в ЮВА, о чем неоднократно высказывались его представители. Поэтому, не исключено, что в скором времени процесс реализации данной проблемы получит новый импульс. По крайней мере, на 11-й сессии АРФ была вновь подчеркнута важность скорейшего решения данного вопроса⁷.

Одной из “застарелых” проблем региона, которая также активно обсуждается в рамках АРФ, является проблема островов Спратли. Понятие “острова Спратли” включает несколько сотен островов, островков, атоллов, рифов и мелководных банок, расположенных на акватории около 250 тыс. кв. км. Большинство из них до последнего времени, а часть и сегодня — необитаемы. При максимальной величине исключительной экономической зоны в 200 морских миль больше половины этих островов, атоллов и рифов архипелага Спратли попадают в экономические зоны Филиппин, Малайзии и Брунея. Остальные находятся в открытой части Южно-Китайского моря, в его так называемой “голубой зоне”.

Бесспорно, в основе столкновения вовлеченных в спор за острова Спратли стран, лежат, прежде всего, экономические интересы. В этом районе предполагаются большие залежи нефти и природного газа. По различным оценкам, запасы нефти здесь могут составить от 2 до 225 млрд баррелей, газа — 280 млрд куб. м⁸. Здесь проходят также морские пути, по которым реализуется до 50% грузооборота мировых морских перевозок. Поэтому данные острова могут иметь и военно-стратегическое значение. В споре за острова Спратли принимают участие Бруней, Вьетнам, Китай, Малайзия и Филиппины. Свою заинтересованность в островах высказывает и Тайвань.

На 6-й сессии АРФ в августе 1999 г. после обострения обстановки в районе Южно-Китайского моря с последующим замораживанием конфликта государства-члены АСЕАН признали целесообразным принять некий кодекс поведения в регионе. С этой целью Филиппины от имени АСЕАН представили проект такого документа, а в октябре того же года Китай вышел с собственной его версией. Оба проекта были вынесены для рассмотрения на встрече АСЕАН — КНР, прошедшей в Маниле в ноябре 1999 г., однако ни один из них не был принят. Его обсуждение продолжалось на всех без исключения последующих форумах, однако результатов не принесло, хотя стороны постоянно заявляли о своем стремлении разрешить проблему. Более того, такое состояние “беспомощности” фиксируется в общерегиональных документах последнее время. Так, в Заявлении о сотрудничестве в борьбе с пиратством и другими угрозами безопасности на море, принятом государствами ЮВА на 10-й сессии АРФ в 2003 г., в пункте 11 говорится: “Ничто в данном заявлении, никакое действие или деятельность, осуществляемая в соответствии с ним, не должны наносить ущерба позиции стран АРФ в отношении неурегулированных споров по вопросам суверенитета и других прав на территорию”⁹.

Впрочем, в настоящее время в решении данной проблемы наметились положительные тенденции. Так, в заявлении 12-й сессии АРФ отмечено, что государства АСЕАН приветствуют появление прогресса в переговорах между АСЕАН и Китаем по островам Спратли, а также в выработке совместной Декларации поведения в Южно-Китайском море¹⁰.

На сессиях АРФ, особенно в последнее время, наряду с внутрирегиональными проблемами все чаще стали озвучиваться вопросы, связанные с решением проблем *международной* безопасности. Это вызвано в первую очередь возросшей экономической мощью АСЕАН, а также активизацией участия в форумах таких государств как США, Китай, Россия и других. Так, если на 6-й, 7-й и 8-й сессиях АРФ наряду с проблемами Восточного Тимора, Мьянмы, островов Фиджи обсуждалась, в основном, корейская проблема, то уже на последних сессиях 2002-2005 гг. — проблемы, связанные с индо-пакистанским конфликтом, событиями в Афганистане и Ираке, обстановкой на Ближнем Восто-

ке и в Иране. Здесь следует отметить две особенности обсуждения международных событий на форумах.

Первое. При рассмотрении любых проблем международной безопасности постоянно подчеркивается необходимость обеспечения главенствующей роли ООН при их разрешении, а также готовность государств АСЕАН всемерно этому содействовать.

Второе. Если при обсуждении внутрирегиональных проблем страны Ассоциации находят приемлемые для всех конкретные решения, то при рассмотрении международных аспектов безопасности из-за различий во взглядах и подходах государств-участников практически не было найдено ни одного общего для АСЕАН решения.

Государства Ассоциации, в частности, не смогли сформулировать внятной коллективной позиции в связи с событиями вокруг Ирака. Они ограничились лишь заявлениями общего порядка, из которых трудно сделать однозначный вывод о реальных настроениях в правящих кругах этих стран. "Невнятность" позиции АСЕАН по этому вопросу позволила Вашингтону не только интерпретировать в свою пользу данный факт, но и зачислить некоторые страны ассоциации, в первую очередь Филиппины и Сингапур, в число членов "антисаддамовской коалиции".

В то же время бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад в резкой форме заявил, что будущее всего мира оказалось перед серьезной тройной угрозой. Во-первых, по его словам, односторонняя военная акция подорвала установившуюся в послевоенный период систему поддержания безопасности и урегулирования конфликтов. Во-вторых, никто не может чувствовать себя в безопасности, когда США сделали выбор не в пользу политического урегулирования, а предпочли "политику убийств". В-третьих, создан опасный прецедент силового устранения неугодного правительства суверенной страны¹⁴.

Однако при всех различиях в подходах и разногласиях во взглядах на решение конкретных проблем международной безопасности в ближайшем будущем следует ожидать роста политического влияния АСЕАН на международную арене. Это обусловлено следующими причинами:

- успешное преодоление последствий финансового кризиса 1997 г. и продолжающаяся экономическая интеграция усиливают экономическую мощь не только отдельных государств, но и Ассоциации в целом;

- это неизбежно приведет АСЕАН к осознанию своей значимости и в решении проблем международной политики;

- необходимость экономической интеграции государств ЮВА в условиях глобализации потребует единства решений и в сфере политики как необходимого условия обеспечения экономического выживания;

- стремление США создать единый блок борьбы с международным терроризмом в ЮВА заставит страны АСЕАН стремиться к их политическому объединению;

- реализация концепции многополюсного мира руководством Индии, Китая, России и большинства стран Евросоюза несомненно будет направлена на содействие возрастанию веса Ассоциации при решении международных проблем;

- явное и скрытое противостояние Китая и США в регионе неизбежно заставит обе стороны содействовать политическому единству АСЕАН, в целях последующего привлечения ее на свою сторону.

3. Влияние внешних факторов на региональную безопасность в ЮВА

Стратегическая значимость Юго-Восточной Азии, естественно, не может не оказывать влияния и на политику крупных мировых держав.

В настоящее время наибольшее влияние в ЮВА имеют только США и Китай. Япония, несмотря на свои огромные финансовые возможности, не способна противостоять этим державам и в целом вынуждена блокироваться с США. Россия, вследствие внутренних проблем, значительно утратила те позиции, которые занимал в этом регионе СССР.

США являются для стран АСЕАН крупнейшим торгово-экономическим партнером и стратегическим гарантом стабильности в регионе. Традиционный набор обсуждаемых между ними тем включает проблемы экономические, социальные, связанные с охраной окружающей среды и, естественно, вопросы региональной и международной безопасности.

Несмотря на отсутствие кризисных ситуаций в отношениях США и стран АСЕАН, до полного единодушия в их взаимоотношениях далеко. Так, государства АСЕАН не склонны ставить во главу угла, как это делают США, вопрос о соблюдении прав человека в Мьянме, практически не реагировали в свое время на проблемы, связанные с гибелью людей в Восточном Тиморе, и т.д.

Особый предмет озабоченности для стран АСЕАН — это возможное обострение напряженности в отношениях между Китаем и США. Ассоциация хочет избежать дискомфортной ситуации, когда придется делать выбор — кого именно поддерживать в споре Вашингтона и Пекина. Игра на противоречиях между крупнейшими державами теряет свою привлекательность, когда возникает угроза серьезного ухудшения политического и делового климата во всем АТР, следствием которого было бы падение рейтингов региона и новая поляризация в ЮВА.

Проблемы между США и Китаем носят долговременный характер. При этом они затрагивают неурегулированность территориальных споров в ЮВА, и прежде всего принадлежность островов Спратли. Официальная американская оценка ситуации в Южно-Китайском море состоит в том, что данный район является “зоной потенциального конфликта” и что США приветствуют усилия по мирному разрешению разногласий и стабилизации ситуации в нем. Страны АСЕАН, со своей стороны, отдают предпочтение выработке совместно с Китаем некоего “Регионального кодекса поведения в Южно-Китайском море” и мерам доверия путем проведения серии рабочих конференций. Эксперты полагают, что США не будут вмешиваться в конфликт до тех пор, “пока нет стрельбы” и ничто не угрожает свободе судоходства в спорных акваториях. Маловероятно и то, что участники спора станут обострять ситуацию. Однако щекотливая ситуация может создаться, если те или иные американские корпорации примут участие в разведочном бурении в спорном районе¹².

Для Соединенных Штатов по-прежнему остается актуальной задача повышения ответственности стран региона за свою безопасность, побуждение их вкладывать средства в совершенствование региональной оборонной инфраструктуры. В самой ЮВА для Вашингтона уже не требуются постоянные военные базы — вполне достаточно пунктов захода, которые позволяют американским вооруженным силам находиться в движении, обозначать присутствие, быть “где-то поблизости”. Последнее отвечает одновременно и политическим интересам стран региона, и стремлению Вашингтона к экономии средств.

Поддерживая в целом борьбу с глобальным терроризмом, влиятельные круги ряда стран ЮВА считали нежелательным непосредственное участие Соединенных Штатов в военных действиях; для многих это была война с му-

сульманами-единоверцами. Другие предпочли бы, чтобы Вашингтон ограничился предоставлением военной и финансовой помощи.

События 11 сентября 2001 г. заставили вашингтонских стратегов уделить более пристальное внимание асеановской зоне, чего там давно добивались. Вместе с тем в столицах стран — членов Ассоциации сразу стали высказываться претензии относительно того, что внимание это носит “непросвещенный, внезапный, конъюнктурный и даже милитаристский оттенок”. Президент Индонезии Мегавати Сукарнопутри призвала США перевести войну против терроризма в русло войны против бедности. Президент Филиппин одно время заявляла, что АСЕАН сама должна локализовывать очаги напряженности и проводить антиповстанческие операции в приграничных зонах. Позднее, однако, Манила согласилась с участием боевого контингента США в акциях по обезвреживанию исламских сепаратистов непосредственно на филиппинской территории.

Тем не менее, несмотря на некоторые шероховатости и взаимные претензии, едва ли можно сомневаться в том, что диалог и партнерство США и АСЕАН переживут временные трудности, особенно если они будут органично вписываться в контекст широкого и конструктивного регионализма и глобализма.

После финансово-экономического кризиса 1997 г. страны ЮВА взирают на *Китай* со смешанным чувством тревог и надежд. Надежды основываются на том, что быстрый экономический рост соседнего гиганта с населением 1,3 млрд человек, с его постоянно растущим потенциалом потребительского спроса способен стимулировать производство и экспорт стран региона. Тревоги же вытекают из того, что КНР с ее дешевой рабочей силой, к тому же являясь членом ВТО, будет еще больше, чем в предшествующие годы, привлекать к себе иностранные инвестиции в ущерб АСЕАН.

Эти опасения во многом оправдываются. В 1990 г. на долю КНР приходилось менее 20% всех инвестиций, поступавших в развивающиеся страны Азии, на страны ЮВА — 60%. В настоящее время ситуация прямо противоположная: 60% приходится на Китай и 20% — на регион ЮВА¹³.

Меняется и география внешних инвестиций. Хотя Китай пока не превратился в крупнейшего инвестора в ЮВА, эксперты считают, что он идет по пути, проложенном сначала Японией, а затем Южной Кореей. Но если Япония и Южная Корея вкладывали капиталы в обрабатывающую промышленность региона, то стратегическая линия Китая состоит в том, чтобы посредством инвестирования обеспечить себе гарантированные поставки оттуда природных ресурсов.

На саммите в ноябре 2002 г. в Камбодже Китай и страны-участницы АСЕАН подписали рамочное соглашение о создании к 2010 году в тихоокеанском регионе крупнейшей зоны свободной торговли. План грандиозный, уже сейчас совокупный валовой национальный доход Китая и стран АСЕАН достигает практически около двух триллионов долларов, а граждане этих стран составляют треть населения Земли. Новое экономическое соглашение в регионе, безусловно, отвечает интересам стран АСЕАН. В быстро развивающейся торговле с Китаем страны Ассоциации пока имеют положительное сальдо. Кроме того, ожидается уменьшение зависимости развития их национальных экономик от экспорта в США, Западную Европу и Японию, а перспективы беспопыльной торговли могут побудить иностранных инвесторов возвратиться на рынки ЮВА.

Однако производителям промышленной продукции стран Ассоциации предстоит противостоять растущей конкуренции со стороны Китая, который стремится к захвату рынков ЮВА. Так, во Вьетнаме мотоциклы, импортированные из Китая, составляют 70%. Китайская компания Suchuan Electric Group стала ведущей на рынке кондиционеров в Индонезии уже через два года после начала их поставок. В преддверии отмены в 2005 г. квот на экспорт китайского текстиля ряд государств ЮВА опасался полного исчезновения собственной текстильной промышленности.

Таким образом, страны ЮВА как в борьбе за иностранные инвестиции, так и за рынки сбыта проигрывают Китаю, в том числе и на собственных территориях. Они поставлены перед необходимостью выработки оптимального варианта сотрудничества с КНР. По мнению секретариата Ассоциации, следует относиться к Китаю не как к конкуренту, а как к перспективному рынку, и ориентироваться на активное участие в развитии китайской экономики. В то же время член китайской Академии социальных исследований Чжи Юлин откровенно заявил, что превращение Китая в экономического гиганта — неоспоримый факт и в связи с этим для стран АСЕАН остается только один выход — использовать вытекающие из этого возможности.

Россия — крупный партнер АСЕАН не только в АТР, но и на международной арене в целом. Их объединяет совпадение или близость позиций по большинству актуальных региональных и международных проблем, общее стремление к поиску коллегиальных решений, учитывающих подходы всех сторон. Российская политика в отношениях со странами АСЕАН строится на принципах развития и всемерного укрепления двусторонних связей в сочетании с активным участием в многосторонних политических и экономических структурах.

Углубление сотрудничества с АСЕАН неизменно остается в числе приоритетных направлений азиатской политики России. Как заявил официальный представитель МИД РФ А. Яковенко, Россия «видит в Ассоциации один из основных полюсов влияния в АТР, «ядро» региональных интеграционных процессов, своеобразное поле притяжения как для азиатских, так и для внерегиональных государств»¹⁴. Цель российской политики — поддержание стабильной, предсказуемой ситуации в данном регионе, продолжение его динамичного экономического развития.

Исторически сложилось так, что наиболее продвинутой сферой российско-асеановских связей является политическая. На регулярной основе осуществляются контакты на различных уровнях, включая министерский. Россия и АСЕАН разделяют подходы к большинству глобальных и региональных проблем, активно взаимодействуют в рамках крупных международных объединений, прежде всего в ООН, а также в Региональном форуме АСЕАН по безопасности, форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и других. В 2003 году в Пномпене подписана политическая декларация, а год спустя в Джакарте — антитеррористическая декларация. Эти документы определили ключевые параметры взаимодействия, официально закрепили статус основных диалоговых институтов и заложили основу для создания новых механизмов. В конце 2004 г. Россия присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор), что дополнительно укрепило фундамент связей с Ассоциацией.

Новым, можно сказать историческим этапом в развитии отношений России с государствами АСЕАН стал проведенный в Малайзии в декабре 2005 г. первый саммит «Россия — АСЕАН». На нем были приняты основополагающие документы, определяющие конкретику этих отношений на ближайшую и долгосрочную перспективу: Совместная декларация глав государств России и АСЕАН о развитии и всеобъемлющем партнерстве, Комплексная программа действий по развитию сотрудничества России и АСЕАН на 2005-2015 гг., Соглашение между правительствами России и стран АСЕАН о сотрудничестве в области экономики и развития. Как заявил министр иностранных дел РФ С. Лавров «значение саммита для будущего наших связей трудно переоценить. Саммит дает нашим лидерам уникальную возможность впервые встретиться в многостороннем формате, закрепить имеющийся в российско-асеановских отношениях позитив, наметить приоритеты сотрудничества и пути его дальнейшего продвижения»¹⁵.

Кроме того, немаловажен и тот факт, что Россия является также активным участником другой, молодой, но весьма перспективной структуры многостороннего диалога в Азии — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В деятельности ШОС участвуют государства, представляющие свыше половины населения земного шара. С подписанием меморандума о сотрудничестве между секретариями АСЕАН и ШОС положено начало реализации инициативы Шанхайской организации сотрудничества по формированию партнерской сети многосторонних объединений в АТР. Россия выступает также за установление механизма взаимодействия между АРФ и Шанхайской организацией сотрудничества в сфере укрепления безопасности и усиления борьбы с терроризмом как в Центральной, так и в Юго-Восточной Азии.

Одновременно с этим Россия прилагает энергичные усилия, чтобы расширить экономическую составляющую связей с АСЕАН. На этом направлении уже есть определенный прогресс. Совокупный товарооборот между Россией и АСЕАН в 2004 году достиг 4,5 млрд долларов, почти на 1 миллиард превысив аналогичный показатель 2003 года. По заявлению министра иностранных дел РФ С. Лаврова Россия рассчитывает выработать совместные меры по обеспечению дальнейшего прироста торговли на основе Соглашения о сотрудничестве в области экономики и развития, а также положительно оценивает инициативу Ассоциации об учреждении института регулярных консультаций старших должностных лиц России и АСЕАН по экономическим вопросам¹⁶.

Серьезные перспективы открываются также в сфере взаимодействия по предотвращению и преодолению последствий стихийных бедствий. Во время последнего цунами в Азии российские спасатели активно участвовали в оказании помощи пострадавшим людям. Было оказано содействие в той или иной форме на сумму 36 млн долларов США¹⁷. Эта помощь была высоко оценена. Со стороны АСЕАН ощущается большой интерес, чтобы на этом направлении наладить постоянное взаимодействие и в перспективе создать механизм, который позволил бы на регулярной основе поддерживать контакты между соответствующими службами России и стран Юго-Восточной Азии.

Россия поддерживает укрепление АРФ, исходя из того, что на сегодняшний день АРФ — единственный и уникальный в своем роде механизм, позволяющий в полном объеме, заинтересованно и конструктивно обсуждать насущные вопросы безопасности в мире и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В основе общих для России и АСЕАН подходов — приоритет принципов многополярности, ведущей роли ООН в системе международных отношений, примат международного права и урегулирование спорных и чувствительных проблем исключительно политическими средствами. Причем обе стороны намерены отстаивать такие позиции, содействовать нахождению точек соприкосновения, взвешенных и справедливых решений, отвечающих устремлениям всех без исключения участников Форума.

Кроме того, Россия активно участвует в улаживании и двусторонних конфликтов в регионе. Так, на 9-й сессии АРФ всеми участниками был признан тот факт, что именно Россия внесла существенный вклад в наметившееся снижение напряженности на Корейском полуострове. Российские пограничники находятся на передовом рубеже противодействия распространению наркотиков с территории Афганистана через Таджикистан в страны Западной Европы. При этом министр иностранных дел РФ предложил создать и второй «пояс безопасности» в борьбе с этим злом — на российско-казахстанской границе. Достойна уважения и четкая позиция России по проблеме Тайваня. Заявление российских представителей о том, что тайваньская проблема — это внутреннее дело Китая и что Россия рассматривает Тайвань в качестве его неотъемлемой части, а правительство КНР — как единственное законное правительство страны, получило должную оценку среди участников Форума.

Вместе с тем следует отметить, что поглощенная неотложными внутренними проблемами Россия пока не построила системы развитых и разветвленных связей с большинством стран ЮВА, поэтому в настоящее время она не воспринимается АСЕАН в качестве партнера такого же уровня, как скажем США или Китай. Однако наметившиеся в последнее время положительные тенденции в этом вопросе говорят о том, что в обозримом будущем у России появляется реальный шанс если не полностью вернуть утраченные со времен Советского Союза позиции, то хотя бы существенно усилить свое присутствие в данном регионе. Для этого России не потребуются ни подыгрывать во всем американцам, ни противостоять им.

Подводя итоги, можно отметить, что роль и значение Регионального форума АСЕАН для сохранения мира и стабильности в Юго-Восточной Азии трудно переоценить. Перспективы повышения его значимости и расширение спектра принимаемых решений в системе международных отношений в целом соответствуют стратегическим интересам России в данном регионе. Кроме того, деятельность АРФ в будущем может стать основой для создания эффективной системы региональной безопасности, в которой Россия также заинтересована.

1. Chairman's Statement Tenth Meeting of the ASEAN Regional Forum. Phnom Penh, 18 June 1903, http://www.dfat.gov.au/arf/statements/10_chair.html
2. Chairman's Statement Eleventh Meeting of the ASEAN Regional Forum. Jakarta, 02 July 2004, <http://www.dfat.gov.au/arf/statements/arf11.pdf>.
3. Статья представителя МИД РФ А. Яковенко по вопросам 12-й министерской сессии АРФ // Российская газета. 2005. 27 июля.
4. Гусев. М Юго-Восточная Азия. Синдром экстремистского фундаментализма и борьба с ним // Азия и Африка сегодня. 2002. № 10.
5. Chairman's Statement Twelfth Meeting of the ASEAN Regional Forum, Vientiane, 29 July 2005. <http://www.aseansec.org/17642.htm>
6. Материалы МИД РФ № 1421. 1903. 18 июня.
7. Chairman's Statement Eleventh Meeting of the ASEAN Regional Forum, Jakarta. 02 July 2004. <http://www.dfat.gov.au/arf/statements/arf11.pdf>.
8. Марчуков В. Острова Спратли и проблемы обеспечения безопасности в Юго-Восточной Азии. М.: ИДВ РАН, 2002.
9. Заявление Регионального форума АСЕАН (АРФ) о сотрудничестве в борьбе с пиратством и другими угрозами на море // Материалы МИД РФ № 1418. 1903. 17 июня.
10. Chairman's Statement Twelfth Meeting of the ASEAN Regional Forum. Vientiane, 29 July 2005. <http://www.aseansec.org/17642.htm>.
11. Михайлов М. Правильный выбор политической позиции дорогого стоит // Азия и Африка сегодня. 2003. № 8.
12. Гребенщиков Э. США — АСЕАН: Новые испытания и грани сотрудничества // США — КАНАДА: экономика, политика, культура. 2002. № 4.
13. Гусев М. АСЕАН — КНР: новые экономические перспективы // Азия и Африка сегодня. 2003. № 10.
14. Ответы официального представителя МИД РФ А. Яковенко на вопросы российских СМИ в связи с предстоящими в Джакарте мероприятиями по линии АСЕАН // Материалы МИД № 1496. 2004. 30 июня.
15. Вступительное слово С. Лаврова на встрече министров иностранных дел России и АСЕАН 10.12.2005 г. // Материалы МИД РФ № 2645. 2005. 10 декабря.
16. Там же.
17. Стенограмма выступления министра иностранных дел РФ С. Лаврова по итогам министерской встречи "АСЕАН+10" // Материалы МИД № 1654. 2005. 28 июля.

К 50-летию Института Дальнего Востока РАН

Изучение роли и места традиций в жизни китайского общества в ИДВ РАН

© 2006

Л. Переломов, П. Кожин

С проблемами влияния традиционных представлений, идей и институтов на социальную, культурную и политическую жизнь современного Китая сталкивается едва ли не каждый занимающийся его изучением синолог. Отсюда необходимость осмысления как самого феномена традиции, общих механизмов его функционирования, так и выявления их специфики в китайских условиях.

Для решения такого рода научных задач в начале 70-х годов в ИДВ был образован сектор изучения традиций в КНР. Его возглавил д.и.н. Л.С. Переломов. В 1976 г. в сектор пришел работать П.М. Кожин, в 1977 г. — М.А. Асланова и Г.Ф. Салтыков. В дальнейшем в работе сектора принимали участие А.С. Мугрузин, С.Н. Гончаров, Е.М. Фоминых, Е.В. Киричатая, А.Б. Краснов, К.М. Тертицкий, А.А. Маслов, Э.В. Никогосов и другие. Проблематика исследований, проводившихся в секторе, отличалась чрезвычайной широтой.

Эта широта во многом обуславливалась многозначностью понятия "традиция". В конкретно-научном смысле значение этого термина тоже имеет несколько аспектов. Под ним подразумевается как передача опыта, так и сам опыт, передаваемый в конденсированном и очищенном виде. Это также систематизация опыта для его трансляции и в процессе трансляции. И наконец, — сами виды передачи: вербальная — устная или письменная, невербальная — визуально-образная и т.п. Специфика китайской цивилизации с ее огромным книжным наследием заставляет особое внимание уделять передаче письменной. Именно она реально объединяет наследие древнейших культур на территории Китая с огромным богатством и разнообразием последующего опыта.

По масштабам и степени влияния на жизнь общества в целом, на существование цивилизаций и культур различают традиции "большие" и "малые". К "большим" относят, например, философские концепции, связанные с мировоззренческой и этико-политической проблематикой, теми учениями и воззрениями мыслителей древности, которые воплощаются в исторически сложившиеся канонические тексты, служащие объектами комментирования и толкования на протяжении целых эпох, определенные формы государственных ритуалов, крупные религиозные учения, основанные на них формы культа и т.д. К

Переломов Леонард Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

Кожин Павел Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра информации ИДВ РАН.

“малым” традициям причисляют исторические формы хозяйственной деятельности, определенные виды производственных занятий в городе и деревне, традиционные пищевые рационы, нормы социальной коммуникации — взаимоотношения родственников, соседей, односельчан и т.д.

Уделяя определенное внимание “малым” традициям, которые активно приспособляются к меняющимся внешним условиям и во многом определяют “лицо” современного китайского общества, руководство сектора, тем не менее, главный упор в исследовательской работе подразделения делало на те стороны традиционного опыта, которые в первую очередь определяют особенности политической культуры страны. Основания для такого рода акцента дает сам механизм формирования и транслирования традиции.

В ее передаче участвует огромный и чрезвычайно многообразный контингент индивидуумов и коллективов. Специфика традиции во многом зависит от функциональной направленности передаваемого опыта, но ее общий вектор задается не отдельными видами сообщений, а всей их наличной суммой, которая и составляет целостный объем духовной культуры общества. Если говорить об организующей роли традиций в его жизни, то можно выделить такие уровни традиционного опыта, как бытовой, собственно социальный, включающий традиции религиозные, управленческие и т.д.; и, наконец, венчают эту иерархическую пирамиду традиции политические, т.е. опыт управления массой разнородных коллективов, связанных территориальной, временной и социально-бытовой общностью. Именно этот опыт лежит в основании политической культуры, одна из принципиальных функций которой — выработка стратегии управления.

Понятие “политической культуры”, если не принимать во внимание предысторию термина, восходящего к трудам Дж. Локка, стало формироваться в современной науке, начиная с известной монографии Олманда и Пауэла “Гражданское общество” (1956). Среди факторов формирования и функционирования политической культуры цивилизованного общества главными являются следующие: 1) единое политическое пространство; 2) наличие общих принципов, определяющих достаточно всесторонние сферы жизнедеятельности каждой из групп населения, объединенного этим пространством (крестьяне, городские жители, солдаты, торговцы, чиновники и т.п.); 3) документальное закрепление запретительных и разрешающих норм, определяющих социально значимые действия индивидуума или группы в пределах юрисдикции как местных администраций, так и общегосударственной власти; 4) аналогичным образом закрепленные регламентации относительно поощрений и наказаний, применяемых административным аппаратом. Создание политической культуры — длительный процесс, который связан с постоянным взаимодействием народных масс и политической элиты, объединенных общим государственным пространством. При этом необходимо принимать во внимание как указанные внутренние факторы политической культуры, так и внешние, связанные с взаимоотношениями данного политического пространства с окружающими его государственными образованиями. Политическая культура фактически оказывается высшим уровнем реализации установок общественного сознания, нацеленных на разрешение конфликтов, противоречий, недоразумений, возникающих во взаимоотношениях индивидуума и коллектива, семейной группы и социума, общества, объединенного групповыми интересами, и государства, этнического образования и государственной администрации и, наконец, в межгосударственных отношениях.

Следует отметить, что в 70-е годы, когда разворачивалась деятельность сектора, изучение традиций как особых институтов передачи культурного опыта в мировой науке переживало определенный застой. Не только в социалистических странах, но и на Западе господствовало представление о традициях как о формах консервации старого, отжившего, помехах для социального и культурного прогресса. Такое отношение не могло не сказаться негативно на методиках исследования и подходах к изучаемому материалу. Поэтому одним из важнейших направлений работы сектора, помимо освоения существующих теорий и методов, стала выработка собственных научных подходов и принци-

пов исследовательской деятельности. Другое направление исследований было подсказано политической и культурной практикой современного Китая, где историческим образам, прецедентам социального и политического действия постоянно придавалось злободневное звучание. Такого рода проблематику можно кратко обозначить как "древнее на службе современности". Указанные два направления исследовательской работы коллектива сектора довольно подробно рассматриваются в монографии П.М. Кожина "Проблемы изучения традиций КНР" (М.: ИДВ АН СССР, 1982).

Третье направление научной деятельности сектора начало складываться в начале 80-х годов XX в. и полностью оформилось в 90-х. Оно связано с изучением трансформированных традиций, которые специально переосмысливаются для новых условий существования общества и фактически, пусть в старых терминах и похожих на прежние формы, становятся для этого общества новациями. Главные принципы и исследовательские подходы, присущие данному направлению, представлены уже в монографии Л.С. Переломова "Конфуцианство и легизм в политической истории Китая" (М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1981). Дальнейшие разработки в этой сфере во многом опирались на усилия сектора изучения традиций в КНР.

Для успешной исследовательской работы в области общественных и политических традиций Китая было необходимо определить этапы в истории КНР, которые характеризовались отчетливо выраженным отношением власти к культурным традициям вообще. Так, 1949-1955 гг. представляются в этом плане нейтральными: обилие и сложность задач по созданию нового законодательства, перестройке управления народным хозяйством и обществом не оставляли времени для четкого формулирования позиций новой власти в данной сфере. Краткий период проведения политики "ста цветов" (1956-1957 гг.) многими в Китае был расценен как шаг в сторону плюрализма культурных и политических позиций. Но начавшиеся вскоре крупномасштабные коренные преобразования в политической, хозяйственной и духовной жизни продемонстрировали курс властей на слом тех культурных и духовных ценностей, которые шли в разрез с установками новой политики и морали. Примечательно, что именно попытки обращения некоторых представителей художественной интеллигенции к традиционному этическому опыту становились поводами для развертывания массовых идеологических кампаний, нацеленных против такого опыта и ассоциировавшихся с ним моральных и социальных ценностей.

Вместе с тем традиции политической культуры, закрепленные в менталитете руководителей страны, продолжали проявлять себя и в политико-идеологической области. Особенно активно традиции давали о себе знать на последнем этапе периода "культурной революции", когда была развернута крупномасштабная политическая кампания "критики Линь Бяо и Конфуция" (1972-1976 гг.). Общественные и идейные реалии периода Чжаньго ("Сражающихся царств", V-III вв. до н.э.) были спроецированы на политическую арену КНР. "Левацки" настроенные руководители страны официально объявили себя идейными наследниками легизма, а своих политических оппонентов занесли в разряд "современных конфуцианцев", ставящих препону социальному прогрессу.

Период политических спекуляций на традициях завершился с началом эпохи "четырёх модернизаций" в 1978 г. Изменения в отношении к традициям в тот период и в 80-е годы отразили широкую колебательную амплитуду самой политики модернизации. Временами с их "идеологически чуждыми" проявлениями начинали довольно активно бороться, но в целом в духовной жизни, общественной и политической культуре стало все отчетливее вырисовываться понимание их необходимости и всеохватывающего значения. Противоречивые тенденции в сфере отношения к традициям за длительный период существования КНР, вплоть до перехода к рыночной экономике после 1982 г., были отражены в созданных специалистами сектора коллективных работах (см. напр.: Политические традиции в КНР. М., 1980 / Информационный бюллетень ИДВ АН СССР № 20; Проблемы изучения традиций КНР. М., 1982 / Информационный бюллетень ИДВ АН СССР № 32). Своеобразным подведением итогов научной деятельности в данной области стала крупная коллективная монография

“Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР” (Под ред. М.Л. Титаренко и Л.С. Переломова М.: Наука, 1994). Основными авторами стали Л.С. Переломов, Г.Ф. Салтыков, П.М. Кожин, А.С. Мугрузин, В.М. Майоров, М.А. Асланова, Е.М. Зиновьева, А.А. Маслов, К.М. Тертицкий. Существенную помощь в подготовке рукописи к печати оказала Е.М. Фоминых. Это издание ознаменовало переход от изучения традиций прошлого и их действия в современности к исследованию проявлений и особенностей трансформированных традиций, значение которых постепенно усиливается.

Говоря об изучении традиций в жизни КНР в 1970-1980-е годы, нельзя обойти молчанием деятельность сотрудника сектора, талантливого ученого, безвременно ушедшего из жизни в январе 1989 г., — Г.Ф. Салтыкова. Геннадий Федорович внес большой вклад в разработку нового научного направления в отечественном китаеведении. Он являлся автором пионерских работ по психологии рабочего класса и крестьянства КНР, а также исследований о роли традиций в политической культуре Китая. Итоги его научных изысканий получили высокую оценку ведущих отечественных специалистов.

Книга Г.Ф. Салтыкова “Традиции в современной китайской деревне (социально-психологические аспекты)” (Ч. 1. М., 1990. Информационный бюллетень ИДВ АН СССР № 11; Ч. 2. М., 1991. Информационный бюллетень ИДВ АН СССР № 3) представляет собой уникальное явление в отечественной синологии, ибо автор был не только китаистом, но и высокопрофессиональным психологом. Данная работа является плодом многолетних исследований. Внезапная смерть помешала Г.Ф. Салтыкову завершить задуманное. В подготовке рукописи к печати приняли участие его коллеги и друзья — А.С. Мугрузин, Л.С. Переломов, Е.М. Зиновьева. Бесценной оказалась помощь вдовы, Валентины Афанасьевны Салтыковой.

Крестьянство — древнейший из ныне существующих общественно-экономических классов Китая, бывший на протяжении всей истории страны олицетворением земледельческой культуры. Этот класс имел свою политическую традицию, сохраняющуюся вплоть до наших дней. Однако вычлнить ее из всей совокупности традиций китайского общества не так-то просто. Китайские исследователи, как и их зарубежные коллеги, обычно концентрировали свое внимание на идеологии крестьянских восстаний. Однако Г.Ф. Салтыков четко отчленил обыденное политическое сознание китайского крестьянства от понятия “идеология крестьянства”, вопрос о самостоятельности которой остается пока открытым и по-прежнему служит темой дискуссий.

Г.Ф. Салтыков обращал внимание читателя на то, что крестьянские политические традиции в современном Китае стали итогом трансформации обыденного политического сознания предшествующих поколений крестьянства. В то же время автор учитывал, что в содержание “обыденного сознания” входят не только чувства, эмоции, настроения той или иной социальной общности (класса), но и идеи, мысли, суждения, выработанные самой общностью, ставшие ее реакцией на окружающую действительность. В рассматриваемой работе исследуется широкий спектр социально-психологических проявлений традиций китайского крестьянства: бытовых, трудовых, семейно-брачных, политических, а также проблема социализации личности в китайской деревне, рассматриваются различные традиционные институты и социальные образования, влияющие на процесс функционирования традиций (семьи, клан, школа и т.д.). Исследование традиционных ценностей соотнесено с процессом модернизации китайской деревни.

Существенной потерей для сектора в 80-е годы стал уход из него молодого талантливого китаеведа С.И. Гончарова, исследователя традиций китайской внешней политики и дипломатии. Но, несмотря на занятость в аппарате МИД РФ, он продолжал свои научные изыскания, свидетельством чему стала недавно завершенная им рукопись монографии “О Китае средневековом и современном. Записи разных лет”.

В 80-90-е годы XX столетия и в начале нового века изменения в направленности изучения традиций Китая в Институте Дальнего Востока диктова-

лись прежде всего переменами в социальной жизни КНР, трансформацией ее роли на мировой арене. Последние полтора десятилетия показали не только живучесть традиций в Китае, но и возможность их преобразования в инструменты реформ. Особую мобильность и пластичность проявили те фракции традиционной политической культуры, которые были связаны с конфуцианским учением, его моралью, этикой и утопическими конструкциями. Мудрость и величие “архитектора китайской реформы” Дэн Сяопина не в последнюю очередь проявились в том, что, вернувшись к власти из ссылки в 1976 г., когда китайские СМИ призывали народ “бить Конфуция как крысу, перебегающую улицу”, он смог вернуть страну в конфуцианский культурный регион, провозгласив символом своих реформ первую социальную утопию Конфуция — сяо кан (“малого процветания”). Остальное доделали современные “книжники” — возглавляемая лидерами КПК интеллектуальная элита, которая разработала стратегическую программу строительства “социализма с китайской спецификой”, предусматривающую создание “общества сяо кан” и принятую на XVI съезде КПК в 2002 г. Конфуцианское учение оказалось мощным средством духовного объединения КНР со всем регионом Восточной и Юго-Восточной Азии. Общие для населяющих его народов традиционные духовные и политические установки позволяют правомерно называть его “конфуцианским”.

В последние десятилетия экономический рост в странах данного региона сопровождался и своего рода духовным подъемом, возрождением конфуцианской идеологии. Так, в Китае и за его пределами активно действуют “Общество Конфуция”, Фонд Конфуция, которые опираются на содействие государственных и общественных структур, заинтересованных лиц в разных районах планеты. В нашей стране появился Русский конфуцианский фонд. Конфуцианская идеология оказалась не только чрезвычайно жизнеспособной, но и, будучи основанной на рациональных принципах взаимоотношений, доказала свою общегуманитарную ценность. Конфуций учит понимать себя и других, что особенно важно на фоне непрекращающихся попыток навязывания миру, в том числе с помощью силы, собственных идеологий и ценностей: религиозных, “либеральных” и иных.

В 90-е годы в результате реорганизации научных структур Института работа по исследованию традиций в современном Китае стала осуществляться в рамках Центра сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии, возглавляемого проф. А.Е. Лукьяновым. Сотрудники центра активно исследуют, в частности, происхождение, социальные и политические функции целого ряда официальных китайских идеологем, имеющих конфуцианские корни. Зримым свидетельством научных достижений Центра в области изучения традиций конфуцианства стал впервые вышедший на русском языке сборник переводов и комментариев “Конфуцианское Четверокнижие” (“Сы шу”) (Пер с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова. Вступ. ст. Л.С. Переломова. Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2004). Все участники данной работы являются штатными сотрудниками Центра или работают в нем по совместительству (А.И. Кобзев и В.М. Майоров). С полным перечнем научных работ сотрудников ИДВ в области изучения традиций в современном Китае до 1996 г. можно ознакомиться в изданиях “Научные труды сотрудников Института Дальнего Востока РАН, 1966-1991 гг. Библиографический указатель” (М.: ИДВ АН СССР, 1992) и “Институт Дальнего Востока — 30 лет. Справочник” (М.: ИДВ РАН, 1996).

Достижения специалистов Института нашли официальное признание. Достаточно сказать о присуждении Президиумом РАН премии имени С.Ф. Ольденбурга 2000 г. д.и.н. Л.С. Переломову за его труд “Конфуций. Лунь юй” (Исслед., пер. с кит., коммент. М.: Вост. лит., 1998). А в октябре 2004 г., во время визита Президента России В.В. Путина в КНР, он вручил Президенту КНР Ху Цзиньтао в качестве “государственного дара России” упомянутый выше перевод “Четверокнижия”, основного конфуцианского канона.

Экономические проблемы Китая в исследованиях ИДВ РАН (1997—2006 гг.)

© 2006

З. Муромцева

Изучение экономических проблем в Институте Дальнего Востока в рассматриваемое десятилетие — продолжение многолетних исследований научного коллектива китаеведов-экономистов, начатых полвека назад в секторе экономики Института китаеведения АН СССР. Первоначально эти исследования были сосредоточены лишь по трем направлениям: промышленность, сельское хозяйство, внешняя торговля. С 1966 г. они были расширены в Отделе социально-экономических исследований Института Дальнего Востока*. Всестороннее и углубленное изучение экономики Китая с 1997 г. сосредоточено в Центре, который сначала назывался Центром социальных и экономических исследований Китая (ЦСЭИК), затем к нему было добавлено ЦСЭИК и СВА (стран Северо-Восточной Азии). В 2003 г. он именовался как Центр экономической интеграции в Восточной Азии и, наконец, в 2005 г. установлено название — Центр экономических и социальных исследований Китая (ЦЭСИК). Базовые исследования Центра оставались при этом неизменными и имели в своей основе комплексное изучение экономических проблем Китая, варианты названия Центра отражали глобализационные процессы, усилившиеся в мире в последнее десятилетие.

Реформа экономической системы КНР, вступившая в новый этап своего развития, теоретическое и практическое осмысление задач экономического и социального строительства, расширяющееся влияние экономики знаний и глобализации на социально-экономические процессы, китайский опыт перехода к рыночной экономике стали в последнее десятилетие в ИДВ РАН ядром экономических исследований Китая. В этот период были изданы крупные коллективные и авторские монографии, обобщающие китайский опыт реформирования экономической системы, в которых показаны его плюсы и минусы и пути дальнейшего развития. Научные работы экономистов Института раскрывали широкий круг проблем развития экономики Китая: экономический рост, модернизация, прогнозы развития Китая до 2020 и 2050 гг., развитие экономической мысли, ее практическое использование в реформах, преобразование государственного сектора, оптимизация экономической структуры, меры по распространению экономики знаний, инновационные процессы, внедрение в производство новых и высоких технологий, инфраструктурные проекты, развитие базовых отраслей экономики, оборонного строительства, состояние и перспективы реформ инвестиционной и внешнеэкономической деятельности, финансово-банковской и на-

Муромцева Зоя Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

* Об изучении экономики КНР в 1966–1996 гг. см. статью «Исследование социально-экономических проблем КНР в ИДВ РАН» // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 4. С. 104–116.

логовой систем, ценообразование, проблемы демографии, социальная жизнь в городе и деревне, урбанизация, развитие сельского хозяйства, аграрной экономики¹, частного предпринимательства и др. В последние годы серьезное внимание было обращено на стратегию регионального развития Китая и экологические проблемы, которые изучаются не только в ЦЭСИК, но и в других подразделениях ИДВ РАН. На протяжении последнего десятилетия в перечисленных направлениях успешно работали Е.С. Баженова, Л.Д. Бони, О.Н. Борох, Е.В. Бубенцов, Л.А. Волкова, Г.А. Ганшин, В.В. Жигулева, П.Б. Каменнов, В.В. Карлузов, Л.А. Кондрашова, И.Н. Коркунов, Н.Н. Коледенкова, Е.И. Кранина, Н.Н. Мандрыко, В.В. Михеев, З.А. Муромцева, И.Н. Наумов, Л.В. Новоселова, А.В. Островский, Л.М. Охотникова, И.А. Петухов, Э.П. Пивоварова, В.Я. Портяков, М.А. Потапов, Е.Ф. Селиванова, Т.Г. Терентьева, И.Б. Шевель, В.В. Чуванкова, В.Б. Якубовский и др.

Большое внимание работе ЦЭСИК уделяет директор ИДВ РАН, академик М.Л. Титаренко, выступающий в качестве автора и ответственного редактора целого ряда работ по экономической проблематике. Комплексные исследования экономических проблем КНР проводили такие авторитетные ученые—китаеведы, как д.э.н. Я.М. Бергер, д.э.н. Л.А. Кондрашова, д.э.н. И.Н. Наумов, д.э.н. А.В. Островский, д.э.н. Э.П. Пивоварова, д.э.н. В.Я. Портяков и др.

В книге “Китай на пути модернизации и реформ” (М.: Вост. лит. РАН, 1999) в статье “Генезис теории социализма с китайской спецификой”, написанной д.э.н. Пивоваровой Э.П. и акад. Титаренко М.Л., рассматриваются теоретические и практические аспекты формирования представлений о социализме с китайской спецификой, которые не совпадают с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма. Пытаясь охарактеризовать модель социализма с китайской спецификой, авторы отмечают “не только значительную эволюцию идей социализма в китайской концепции, но и существенное приближение ее к выросшим на эволюционной почве теориям “конвергенции”, “смешанной экономики”, “институционализма”, которые объединяет при всех различиях идея сближения двух общественных систем и необходимости “социального контроля” над производством”². Изучая труды китайских ученых, исследователи ИДВ РАН обращают внимание на повышенный интерес к ним не только в Китае, но и в мире. О.Н. Борох в статье “Развитие экономической мысли” в вышеупомянутом издании подчеркивает, что “осознание невозможности механического применения в Китае западных теорий строится уже не на идеологических запретах, а на значительно углубившемся по сравнению с уровнем конца 70-х годов понимании проблем экономической теории и практики рыночных реформ”³.

В ИДВ РАН ведется поиск методологии изучения социально-экономических процессов КНР на основе нового теоретического подхода, который содержится в научной китайской экономической литературе последних лет, рассматриваются теоретические новации китайских экономистов. Хотя специфика китайского опыта, накопленного за период реформирования, затрудняет его использование в других странах, однако его анализ, избирательное усвоение решения отдельных проблем могут быть полезны для научного сообщества стран с переходной экономикой, если имеются попытки и желание разработать эффективную стратегию общественной трансформации.

В коллективной монографии “Экономика Китая вступает в XXI век” (общая редакция и предисловие академика М.Л. Титаренко, научный руководитель — д.э.н. И.Н. Наумов, авторский коллектив — к.полит. наук П.Б. Каменнов, к.э.н. Н.Н. Коледенкова, Н.Н. Мандрыко, к.э.н. З.А. Муромцева, Л.М. Охотникова, к.э.н. И.А. Петухов. ИДВ РАН. М., 2004) проанализированы современное

состояние и перспективы экономического роста (прежде всего промышленно-сти) до 2050 г.

В главе “Стратегия и этапы создания в КНР индустриально-информатизированной экономики” (И.Н. Наумов)⁴ рассмотрены этапы индустриализации после образования КНР в 1949 г., прогнозы структурных преобразований экономики, изменение занятости и повышение народного благосостояния, рост экономической мощи Китая, первые итоги реализации долгосрочной программы и трудности в ее осуществлении. В главе “Преобразование госсектора промышленности и “новая экономика” в XXI в.” (З.А. Муромцева) показаны ход реформ госсектора, главные аспекты реформирования государственных предприятий, а также ростки “новой экономики”. Вектор развития на перспективу базовых отраслей проанализированы в главе “Основные направления развития топливно-энергетического комплекса Китая” (Л.М. Охотникова), в главах “Металлургический комплекс и вопросы обеспечения страны металлом” и “Машиностроительный комплекс КНР и проблемы его развития” (Н.Н. Коледенкова). В главе “Космическая программа Китая” (П.Б. Каменнов) подчеркивается, что перспективы ее осуществления увязываются с созданием контингента молодых высококвалифицированных ученых и инженеров, популяризацией знаний о космосе и созданием в обществе побудительных мотивов в пользу развития космических исследований и самой космической отрасли. Глава “Состояние и перспективы развития транспортной инфраструктуры и системы связи” (Н.Н. Мандрыко) раскрывает интенсивное освоение новых для Китая современных видов инфраструктуры и одновременно показывает процесс приведения традиционных видов транспорта и связи в соответствие с международными стандартами. В главе “Тенденции и перспективы развития промышленности новых и высоких технологий”, написанной И.А. Петуховым, изложены государственные программы развития науки и техники в Китае, развитие новых и высоких технологий в регионах страны и зонах освоения, а также российско-китайское сотрудничество в области науки и техники. Завершает монографию глава П.Б. Каменнова “Развитие военно-промышленного комплекса”, в которой автор отмечает, что “перевод китайского ВПК на корпоративную структуру, принятую в большинстве развитых стран мира, в соединении с мерами по освоению современных информационных технологий и подготовке нового поколения ученых и специалистов направлен на создание мощного научно-исследовательского и производственного потенциала, позволяющего обеспечить совершенствование качественных параметров национальной обороны, а также выпуск высокотехнологичной продукции для гражданского сектора, в первую очередь — эффективных ресурсосберегающих технологий, необходимых для развития экономики страны в XXI в.”⁵

Если коллективная монография “Экономика Китая вступает в XXI век”, отмечая сложности и противоречия движения страны в XXI веке, все же концентрирует внимание на превращении Китая к середине XXI в.⁶ в “богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, социалистическое, современное государство”, то другая коллективная монография — “Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002 гг.)”, (ИДВ РАН. М., 2004, отв. редактор д.э.н. Э.П. Пивоварова, коллектив авторов: к.э.н. Волкова Л.А., к.э.н. Муромцева З.А., к.э.н. Чуванкова В.В., к.э.н. Селиванова Е.Ф., к.э.н. Борох О.Н.) — исследует последствия реформирования китайской экономики в социальной сфере. На большом фактическом материале из китайских первоисточников в книге исследуются социальное положение крестьян и городского населения, развитие индивидуального и частного предпринимательства, демографическая ситуация и предпринимаемые меры по социальной защите населения, которые свидетельствуют о необходимости неотложных решений в этой области.

В главе “Социальная стратегия китайского руководства в период реформ: цели, эволюция, результаты” (Э.П. Пивоварова) подчеркивается, что общие параметры восхождения Китая до середины XXI в. постепенно расширяют круг социальных задач — от первоначальных “преодолеть голод, накормить и одеть народ по самым скромным меркам” — до задач улучшить качество жизни, осуществляя борьбу с растущим в ходе рыночных преобразований нравственным разложением в обществе и государственном аппарате⁷.

В главе “Деревня в условиях формирования рыночной системы хозяйства” (Л.А. Волкова) отмечено, что рост различий в уровне и качестве жизни городского и сельского населения, развитие средств телекоммуникации и информации, способствующих формированию у сельских жителей повышенных требований к уровню доходов и потребления, несовершенство земельного законодательства, позволяющее в связи с широким экономическим строительством нарушать земельные права крестьян, рост рыночных структур при слабой социальной защищенности огромного сельского населения — все это таит в себе угрозу социальной стабильности не только в деревне, но и в стране в целом. Аналогичные выводы заключены в главе “Влияние экономических реформ на социальное положение городского населения и на процесс урбанизации” (З.А. Муромцева), где заостряется внимание на решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (2003) о необходимости социальной ориентации экономической политики, борьбе с коррупцией и повышении жизненного уровня населения при избрании рыночного пути развития с китайской спецификой.

В главе “Социальные аспекты индивидуального и частного предпринимательства в условиях развития рыночной экономики” (В.В. Чуванкова) констатируется, что индивидуальный и частный секторы стали неотъемлемой частью китайской экономики и наряду с другими необщественными секторами играют важную роль в ускорении развития производительных сил и модернизации страны. Демографическая ситуация и реформа системы социальной защиты населения рассмотрены в главе “Изменение жизненного уровня и система социальной защиты населения” (Е.Ф. Селиванова). В ней подчеркивается, что дальнейший рост трудовых ресурсов и в значительной степени неполная занятость представляет для будущего развития Китая серьезную, если не самую важную, проблему экономической политики. В главе “Изучение в КНР проблем социальной структуры современного китайского общества, имущественной дифференциации и стабильности” О.Н. Борох анализирует труды китайских ученых по этим вопросам. Ведущие китайские ученые, пишет автор, отлично понимают, что в гипернаселенной стране, где для решения проблемы занятости исторически использовался метод искусственного деления одного рабочего места (и соответственно — зарплаты) на несколько человек, и сегодня невозможно добиться увеличения занятости и доходов, опираясь исключительно на техноемкие производства, без развития трудоемких отраслей.

Много сил изучению социальных и общеэкономических проблем отдает Я.М. Бергер. Так, в коллективной монографии “Глобализация экономики Китая”, вышедшей под ред. чл.-корр. РАН В.В. Михеева, (М.: Памятники исторической мысли, 2003; коллектив авторов — чл.-корр. РАН В.В. Михеев, д.э.н. М.А. Потапов, к.э.н. О.Н. Борох, к.э.н. И.Б. Якубовский, д.э.н. Л.И. Кондрашова, Н.В. Андреева, к.э.н. Г.В. Белокурова, к.э.н. А.С. Белов, к.э.н. М.А. Маковская, к.п.н. П.Б. Каменнов, д.э.н. Я.М. Бергер, д.э.н. В.В. Карлусов, А.П. Кудин, М.С. Карасева), Я.М. Бергер является автором глав “Китай и США: перспективы социальной интеграции” и “Китай и проблема создания среднего класса (к итогам XVI съезда КПК)”, подчеркивается, что “модернизации социальной структуры, опирающейся на сильный средний класс, как и решению сложных социальных проблем в Китае призваны способствовать не только “невидимая

рука” рынка, но и “видимая рука” государства, воздействующая на эти процессы целенаправленной социальной политикой, с использованием такого рычага, как перераспределение доходов”⁸.

Коллективная монография “Глобализация экономики Китая” анализирует перспективы экономической, социальной и финансовой интеграции Китая в Северо-Восточной Азии. Интересными главами этой работы являются главы “Китай и общая ситуация в Центрально-Азиатском регионе” Л.И. Кондрашовой, “Перспективы финансовой интеграции в СВА и роль Китая” Г.В. Белокуровой, “Конверсия военно-промышленного комплекса в свете глобализации китайской экономики” П.Б. Каменнова и др. Комплексной оценке факторов, способных повлиять на будущее развитие Китая посвящена коллективная монография сотрудников ИДВ РАН “Китай: угрозы, риски, вызовы развитию”⁹. Взаимоотношения КНР и ВТО рассматривает коллективная работа “Ловушки либерализации: Китай и ВТО”¹⁰.

Вышеуказанные коллективные монографии, изданные высокой печатью, а также различные экономические аспекты развития Китая в работах сотрудников, выпускаемых в Экспресс-информации ИДВ, информационных бюллетенях ИДВ РАН, ежегодниках “КНР: политика, экономика, культура”, представляют экономическую панораму Китая, основанную на проверенных китайских данных, позволяющих углубить исследования по отдельным актуальным проблемам развития страны. Они служат добротной научной базой индивидуальных авторских исследований, научно-аналитических материалов и справок как в самом ИДВ РАН, так и в других научных, учебных и практических учреждениях.

В 1998—1999 гг. были изданы монографии О.Н. Борох “Китайская экономическая мысль”¹¹ и Э.П. Пивоваровой “Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска”¹², которые систематизируют знания о теоретических трудах китайских ученых и их практическом применении. В книге О.Н. Борох прослеживаются новые направления в китайской экономической науке с конца 1970-х до середины 1990-х годов. На примере изучения в Китае работ Я. Корнаи об экономике дефицита, теории прав собственности Р. Коуза, теории институциональных изменений Д. Норта и др. О.Н. Борох проанализировала процесс усвоения в КНР восточно-европейской и западной экономической концепций. Глубокое осмысление китайскими учеными проблем перехода от административно-командной системы к рыночным отношениям, влияние китайской культурной традиции представляют, как подчеркивает автор, вклад китайской экономической мысли в мировое экономическое наследие. В монографии Э.П. Пивоваровой, пионера изучения социализма с китайской спецификой, показан путь эволюции традиционных представлений в Китае о социализме к социализму с китайской спецификой.

Теме экономической реформы посвящены монография Г.А. Ганшина “Экономическая реформа в Китае: эволюция и реальные плоды”¹³ и две монографии В.Я. Портякова “Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина”¹⁴ и “Экономическая реформа в Китае. 1979—1999 гг.”¹⁵. В этих работах подводится итог двадцатилетнему опыту реформирования китайской экономики от разработки концепции социалистического товарного хозяйства до создания новой системы макроэкономического регулирования, дан сопоставительный анализ экономических реформ в России и Китае. Благодаря исследованиям В.Я. Портякова, А.В. Островского и других ученых ИДВ РАН китайские реформы вошли в контекст общих наиболее фундаментальных исследований перехода к рынку в России и странах Восточной Европы не по принципу противопоставления “шоковой терапии” и “градуализма”, а по аналитическому подходу к главным направлениям реформирования на макро- и микроэкономичес-

ком уровнях. Стратегия, тактика и результаты реформы исследуются в готовящейся к выходу из печати книге Л.И. Кондрашовой "Китай ищет свой путь".

Проблемы экономического роста, прогнозирования, жизненного уровня, построения общества среднего достатка ("сяокан") анализируются в многочисленных работах д.э.н. И.Н. Наумова. Трудом этого видного ученого—китаеведа, участника Великой Отечественной войны, посвящена статья в специальном юбилейном сборнике ИДВ РАН.

Монография д.э.н. А.В. Островского "Формирование рынка рабочей силы в КНР"¹⁶ представляет комплексное исследование проблем спроса и предложения на трудовые ресурсы в ходе реформы экономической системы. Формирование рынка рабочей силы в Китае показано на фоне динамики общественного производства, уровня занятости в различных секторах, изменений в социальном положении в зависимости от сферы производства, отраслевой и региональной принадлежности, квалификации, образования и т.д. Большое внимание в книге уделено проблемам миграции и урбанизации как факторам активного влияния на развитие рынка рабочей силы. Переход на рыночные отношения в сельском хозяйстве рассмотрен д.э.н. Л.Д. Бони в монографии "Китайская деревня на пути к рынку"¹⁷.

Инвестиционная сфера и перспективы ее развития анализируются в работах д.э.н. Новоселовой Л.В.¹⁸ Инвестиции исследуются как многоуровневое явление, затрагивающее практически все стороны хозяйственной жизни. Основное внимание автор уделяет изучению современных форм и методов стимулирования инвестиционного процесса, развитию иностранного предпринимательства в финансовом секторе, особенностям иностранных портфельных инвестиций, а также тенденции включения сектора иностранного предпринимательства в общенациональный рынок капитала с установлением в перспективе единых правил и условий конкуренции для всех участников инвестиционного процесса вне зависимости от формы собственности и страновой принадлежности. Стратегия инвестиционного выхода Китая за рубеж ("цзоу чуцзюй") исследуется также в работах Т.Г. Терентьевой¹⁹. Зарубежные инвестиции Китая, связанные с добычей и переработкой сырья, открытием для китайского капитала доступа к новым рынкам и приобретению передовых технологий, характеризуют его как международного инвестора, вступающего на самостоятельный путь.

Значительное внимание проблемам внешнеэкономического сотрудничества и внешнеэкономических связей КНР, присоединения Китая к ВТО было уделено в работах д.э.н. М.А. Потапова. Внешнеэкономическая открытость Китая рассматривается в его работах как процесс, имеющий этапность, селективность и управляемость, не перерастающую в разрушительный протекционализм или монополизацию внутреннего рынка. В 1990-е годы Китай постепенно отходил от внутриориентированной стратегии импортозамещения, разумно сочетая ее с экспортной ориентацией в отраслях легкой промышленности и в производстве электротехнической техники. Экспортно-ориентированная модель развития Китая, по мнению М.А. Потапова, должна дополняться стратегией современного новоиндустриализма, которая подразумевает использование интенсивных факторов роста, формирование "новой экономики", базирующейся на знаниях и информационных технологиях, устойчивых инвестициях и повышении качества людских ресурсов²⁰.

Проблемы модернизации экономики Китая, переход на новый тип индустриализации с низкими затратами ресурсов, развитие отраслей "новой экономики", высокотехнологичных производств и формирование инновационной системы рассматривались в работах Л.И. Кондрашовой, В.В. Михеева, З.А. Муромцевой, И.Н. Наумова, А.В. Островского, И.А. Петухова, В.Я. Портякова, М.Л. Ти-

таренко, П.Б. Каменнова и др.²¹. Реформирование валютно-финансовой сферы, банковского сектора, налогово-финансовой системы анализировались в статьях Г.В. Белокуровой и И.Б. Шевеля²². Профессиональный подход к изучению демографических проблем КНР характеризует работы Е.С. Баженовой и Е.Ф. Селивановой²³. Различные аспекты экологических проблем рассматриваются в работах Е.И. Крапиной²⁴.

Российско-китайские отношения, развитие экономического сотрудничества между Россией и Китаем представляет одну из важных проблем, изучаемых в ИДВ РАН. В 2005 г. ИДВ РАН издана монография “Россия и Китай: строительство в условиях глобализации” (руководитель проекта и авторского коллектива академик М.Л. Титаренко)²⁵. В ЦЭСИК российско-китайское экономическое сотрудничество, роль государства в экономическом развитии анализировались в работах А.В. Островского, В.В. Карлусова, И.Н. Коркунова и др.

Новый пласт изучения экономических преобразований в КНР затрагивают работы к.э.н. В.В. Жигулевой, в которых ценовая политика рассматривается как инструмент перехода к рыночной экономике. К выходу из печати готовится ее монография “От плана к рынку — опыт КНР в области реформы системы ценообразования (1978—2005 гг.)”. Реферативные сборники “Экономика КНР на переломе веков”, “Китай: фундамент успехов XXI века”, сданный в печать сборник “Регионы Китая”, подготовленные В.В. Жигулевой, представляют весомую лепту в понимание экономических задач и проблем, которые исследуются китайскими учеными.

Хотелось бы подчеркнуть, что знание китайских первоисточников составляет одно из главных достоинств экономических исследований ИДВ РАН.

Аналитические материалы внутриинститутских, российских и международных научных конференций, статьи, монографии, справочные издания, подготовленные в ИДВ РАН по экономическим вопросам, способствовали более взвешенному восприятию китайского опыта реформ, помогая преодолению как распространившемуся нигилизму в отношении китайских преобразований по принципу “мы — не китайцы”, так и его безмерному восхвалению.

В ИДВ РАН с марта 1997 г. работает Диссертационный совет (Д 002.54.02), рассматривающий докторские и кандидатские диссертации по специальности 08.00.14 — Мировое хозяйство и международные экономические отношения. Возглавляет совет д.э.н., профессор Э.П. Пивоварова, ученый секретарь — к.э.н. В.В. Чуванкова. С 1997 г. на этом совете защищено 27 диссертация, в том числе 6 докторских и 21 кандидатская диссертация. Сотрудниками ИДВ РАН за этот период защищено 4 докторских и 7 кандидатских диссертаций.

Перспективы исследований экономики Китая предусматривают изучение “научной концепции рационального развития”, разрабатываемой под руководством лидера КПК Ху Цзиньтао, основных направлений модернизации, дальнейшего реформирования госсектора, инвестиционной и финансово-банковской системы, создания и укрепления корпораций, групп предприятий, ТНК с китайским капиталом, формирования инновационной системы, процесса гармонизации развития экономической, социальной сфер и окружающей среды.

1. Подробнее см.: Изучение аграрных проблем в ИДВ РАН // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 4. С. 88—94.
2. Китай на пути модернизации и реформ. М.: Вост. лит. РАН, 1999. С. 95.
3. Там же. С. 185.
4. См. также: Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996—2020 гг. и проблемы ее реализации. М.: ИДВ РАН, 2001; его же. Перспективы экономического развития Китая // Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 г.). М., 2001. С. 443—528; его же. Экономический рост в КНР: темпы и

- источники // Обучение рынку. М.: Экономика. 2004. С. 251—325; его же. Понятие “сяокан” и проблемы подъема уровня жизни населения КНР // ПДВ. М., 1997. № 6. С. 83—92; 1998. № 1. С. 69—81; его же. // Глобализация и регионализация как источники научно-технической реконструкции в КНР // ПДВ. М., 2000. № 4. С. 76—87; его же. Всестороннее строительство общества “сяокан” в Китае и пять направлений единого планирования. М., 2005. С. 4—60 // Экспресс-информация. № 8) и др.
5. Экономика Китая вступает в XXI в. М.: ИДВ РАН, 2004. С. 297.
 6. См. также: Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996—2050 гг.). М.: Памятники исторической мысли, 2002.
 7. Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002 гг.). М.: ИДВ РАН, 2004. С. 19.
 8. Глобализация экономики Китая. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 378. См. также: Бергер Я.М. Проблемы устойчивого развития Китая // Китай в диалоге цивилизаций. ПИМ, 2004. С. 31—42. “Синие книги как источник для изучения социальных процессов в Китае” // ПДВ. 2005. № 4.
 9. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под редакцией Василия Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
 10. Ловушки либерализации/Общая ред.: В.В.Михеев. Отв. ред. М.А.Потапов. М.: ИДВ РАН. 2001. См. также: КНР—ВТО. Итоги первых лет. М., 2005 // Экспресс-информ./ИДВ РАН. № 2.
 11. Борох О.Н. Китайская экономическая мысль. М.: Вост. лит. РАН, 1998; ее же. Проблемы отношений собственности в контексте политических решений китайского руководства // Китай и Россия. Общее и особенное в социально-экономическом развитии. М.: Наука. 2005.
 12. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.: Химия и бизнес, 1999; ее же. Современная социально-экономическая ситуация в КНР // Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии. М.: Наука, 2005.
 13. Ганшин Г.А. Экономическая реформа в Китае: эволюция и реальные плоды. М.: Восточная литература”. 1997.
 14. Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Вост. лит., РАН 1998.
 15. Портяков В.Я. Экономическая реформа в Китае. 1979—1999 гг. М.: ИДВ РАН, 2002.
 16. Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: ИДВ РАН, 2003; его же. Сравнительный анализ экономической реформы в РФ и КНР // ПДВ. М., 2003. № 4; его же. Перспективы и возможности в энергетическом сотрудничестве в Северо-Восточной Азии // Перспективы энергетики, 2003. т. 6. № 1; его же. Новые горизонты китайской экономики в XXI в. // Эко (Новосибирск СО РАН). 2003. № 2; его же. Социально-экономическое развитие Китая в XX веке // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004; его же. Тайвань на пороге XXI века. М.: Вост. лит., РАН, 1999. 14 п.л.; его же. Урбанизация в Китае // ПДВ. М., 2000. № 3—4, 1 п.л. Соавт. Кондрашова Л.И.; его же. Китай, Гонконг (Сянган), Макао (Аомынь), Тайвань // Энциклопедия стран мира. М.: Экономика, 2004. 2,5 п.л.; его же. Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая в рамках интеграционных процессов в АТР // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. М.: ИДВ РАН, 2005.
 17. Л.Д. Бони. Китайская деревня на пути к рынку (1978—2002). М., ИДВ РАН. 2005. Подробнее об этой работе: ПДВ. 2005. № 4. С. 93—94.
 18. Л.В. Новоселова. Инвестиционная стратегия. С. 269—281// Китай на пути модернизации и реформ; ее же. Развитие иностранного предпринимательства в КНР // ПДВ, 2005. № 3. С. 93—105; ее же. Политика привлечения иностранного капитала в Китае // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 2. С. 71—80.
 19. Новоселова Л.В., Терентьева Т.Г. Ввоз и вывоз капитала Китайская Народная Республика в 2004—2005 гг. Политика, экономика, культура. М. 2005. С. 351—363.
 20. М.А. Потапов. Внешнеэкономическая модель развития Восточной Азии и ее значение для российской экономики” //Китай в диалоге цивилизаций. С. 109; см. также: его же. Китай и Всемирная торговая организация: последствия вступления КНР в ВТО для самого Китая, региональной и глобальной экономики// Глобализация экономики Китая. С. 61—94; его же. Внешнеэкономический курс” // Китай на пути мо-

- дернизации и реформ. 1949—1999; его же. О теоретических аспектах современного азиатского новоиндустриализма // ПДВ. 2003. № 6.
21. См.: Л.И.Кондрашова. Госсектор КНР: приватизация или модернизация? // ПДВ. 1998. № 4. С. 47—55, № 5. С. 79—86; ее же. Индустриализация" // Китай на пути модернизации и реформ. 1949—1999. М. 1999. С. 189—210; ее же. К вопросу о характере экономических реформ в России и КНР // Региональное развитие и региональная экономическая политика РФ и КНР. М. 2000. С. 81—108; ее же. Модернизация с китайской спецификой: проблема экономического измерения // ПДВ. 2002. № 4. С. 74—94; ее же. Приватизация с китайской спецификой (проблема классификации форм собственности) // Китай в диалоге цивилизаций. М. 2004. С. 112—124; ее же. Китай: Новые подходы к управлению государственным имуществом // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 1. С. 18—26. Совм. с Ли Чуаньтуном. В.В.Михеев. Эволюция социально-экономической модели развития Китая // Глобализация экономики Китая. С. 36—60; его же. Страны Восточной Азии и степень освоения ими "новой экономики" // ПДВ. 2004. № 3. С. 138—147; З.А.Муромцева. Развитие новых и высоких технологий в КНР // ПДВ. 2001. № 6. С. 78—85; ее же. Интеллектуальная экономика. Информационно-инновационные технологии в китайской стратегии наращивания государственной мощи // Обозреватель—Observer. 2003. № 3. С. 94—98; ее же. Инновационные процессы в стратегии индустриального развития Китая // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 3. С. 54—62; И.Н.Наумов. Форсированная индустриализация как главное условие модернизации Китая и наращивания совокупной экономической мощи // Информ. бюлл. Экономика КНР в преддверии XXI века (1996—2010). ИДВ РАН. 1997. С. 73—78; А.В.Островский, И.А.Петухов. Эйнштейн отдыхает (о науке в Китае)" // Российская экономическая газета. 14.05.2003. 0,5 п.л.; В.Я.Портяков. О перспективах развития Китая // ПДВ. 2005. № 5. С. 44—61; М.Л.Титаренко. О международном значении китайского опыта модернизации // ПДВ. 2004. № 5. С. 12—20; П.Б.Каменнов. КНР: военно-технические аспекты модернизации обороны // ИДВ РАН. Информ. материалы. М. 2001. 4,1 п.л.
 22. И.Б.Шевель. Государственный бюджет // Китай на пути модернизации и реформ. С. 244—251; его же. Реформа банковской системы в Китае // ПДВ. 2003. № 6. С. 75—81; его же. Новые шаги по реформированию налоговой системы Китая // Китай в диалоге цивилизаций. С. 125—133.
 23. См.: Е.С.Баженова. Региональные проблемы народонаселения России и Китая: сравнительный анализ // Китай в диалоге цивилизаций. С. 152—163; Е.Ф.Селиванова. Демографическая ситуация // Китай на пути модернизации и реформ. 1949—1999. С. 282—290.
 24. См., напр.: Е.И.Кранина. Проблемы охраны окружающей среды и природных ресурсов КНР // ПДВ. 2003. № 4. С. 109—120; Бирюлин Е.В., Кранина Е.И. Экологические проблемы КНР. ИДВ РАН. Изд-во "Огни". М. 2005.
 25. См. также: Александрова М.В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. ИДВ РАН. Изд-во "Огни". М. 2005.

Российский Дальний Восток

Структура внешнеторговых потоков Дальнего Востока России

© 2006

Е. Деваева

Российский Дальний Восток относится к числу регионов страны, экономическое развитие которых во многом определяется масштабами и структурой их внешнеэкономических связей. На современном этапе базовой формой внешнеэкономического сотрудничества региона является внешняя торговля.

В последние годы прирост экспорта в значительной степени обеспечивал положительную динамику объемов промышленного производства региона, а оперативное переключение экономики Дальнего Востока России на импорт товаров потребительского спроса способствовало оптимальному наполнению внутрорегионального рынка.

Неизменно высокой остается доля экспорта в объеме промышленного производства региона (по данным за 2004 г. — 44,5%).¹ При этом в отдельных отраслях промышленности экспортная квота гораздо выше: в нефтеперерабатывающей — 55%, рыбной — 66%, лесозаготовительной — около 90%.

Не менее значима роль импорта. В настоящее время доля импорта товаров потребительского спроса в розничном товарообороте региона находится на уровне 40%.

В 2005 г. объем внешней торговли российского Дальнего Востока (по данным таможенной статистики)² достиг 12,4 млрд долл. (рис.1).

Рост товарооборота в 2005 г. обеспечивался как за счет наращивания объемов экспорта, так и импорта. При этом темпы роста импорта существенно превышали темпы роста экспорта. В результате структура товарооборота региона стала более сбалансированной: коэффициент внешнеторговой ориентации (соотношение объемов экспорта и импорта) составил — 1,1.

Деваева Елена Ибрагимовна, кандидат экономических наук, зав. отделом Международной интеграции ИЭ ДВО РАН, г. Хабаровск.

Статья подготовлена при поддержке интеграционного проекта ДВО РАН и СО РАН (№ 06-11-СО-10-039 "Системный анализ условий развития Азиатской части России: опыт истории, методология прогнозирования и управления в новых геополитических условиях и институциональной среде"), а также гранта РГНФ, поддержанного Региональным экономическим советом (05-09-88202 а/т Исследование экономических эффектов реализации энергетических проектов международного сотрудничества на Дальнем Востоке России).

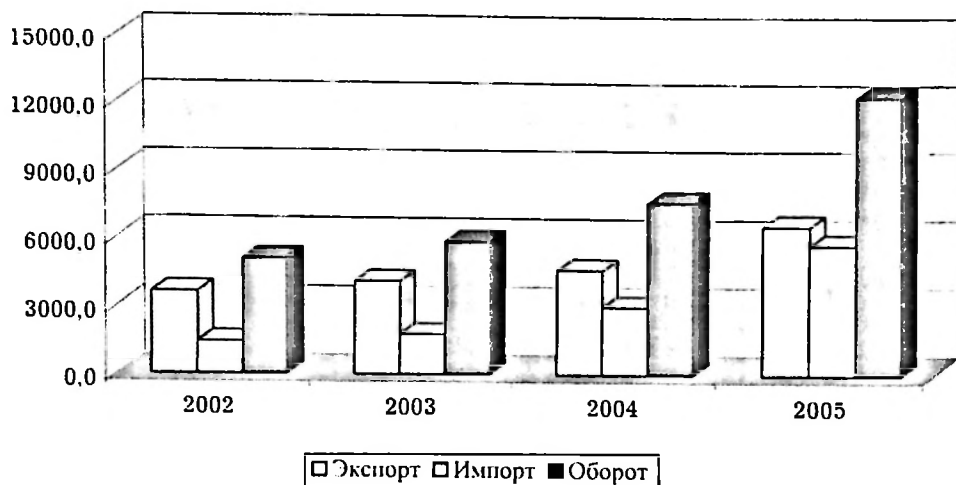

Рисунок 1. Динамика внешней торговли российского Дальнего Востока млн долл.

Товарная структура внешней торговли Дальнего Востока России

В современной структуре дальневосточного экспорта традиционно доминирует продукция природно-ресурсного сектора экономики. Совокупный объем сырьевых ресурсов в общем объеме регионального экспорта составляет около 60%.

Из числа наиболее крупных статей дальневосточного экспорта выделяется рыба (18,4%). В товарной структуре экспорта рыбопродукции региона, по данным официальной статистики, преобладает рыба свежая и мороженая (свыше 60%), а также морепродукты (15,3%). Большая часть экспорта рыбы и морепродуктов осуществляется за пределами 12-мильной зоны, в частности рыбы свежей и мороженой — около 65%, морепродуктов — свыше 80%.

Наряду с продукцией рыбопромышленного комплекса существенную часть (14,5%) в экспорте региона составляет продукция лесной отрасли. В структуре дальневосточного лесного экспорта почти 90% занимает деловая древесина, в то время как доля продукции деревообрабатывающей промышленности крайне незначительна (табл. 1).

Таблица 1

Товарная структура дальневосточного лесного экспорта, 2005 г.

Товарная позиция	Кол-во	Стоимость, млн долл.	%
Древесина и изделия из нее, всего, в т.ч:		952,8	100,0
Деловая древесина, тыс. куб.м, в т.ч.:	12 295,0	852,9	89,5
- хвойных пород, тыс. куб.м	9 889,5	652,8	68,5
- лиственных пород, тыс. куб.м	2 405,5	200,1	21,0
Технологическая щепка, тыс. тонн	103,1	3,6	0,4
Пиломатериалы, тонн	258	0,3	0,0
ДВП, тыс. кв. м	3 287,3	1,3	0,1
Прочие товарные позиции		94,7	10,0

Источник: рассчитано на основе данных дальневосточного таможенного управления ФТС РФ.

Важной статьёй регионального экспорта является продукция топливно-энергетического комплекса (якутский уголь, сахалинская нефть сырая, нефтепродукты, производимые на НПЗ Хабаровского края). Удельный вес этой продукции в товарной структуре экспорта региона составляет 46,2%, в том числе нефтепродуктов — 28,6%. Существенный рост стоимостных объемов экспорта продукции ТЭК в последние годы обусловлен высоким уровнем мировых цен на нефть сырую, а также постоянно растущим внешним спросом на нефтепродукты. Экспорт нефтеперерабатывающей отрасли региона представлен такими товарными позициями, как мазут, дизельное топливо и легкие дистилляты, суммарный объем поставок которых в 2005 г. составил свыше 1,8 млрд долл. (табл. 2)

Таблица 2

Товарная структура дальневосточного экспорта продукции ТЭК, 2005г.

Товарная позиция	Кол-во, тыс. тонн.	Стоимость, млн. долл.	%
Продукция ТЭКа, всего, в т.ч. :	13 362,4	3 048,1	100,0
Уголь	5 859,9	450,3	14,8
Нефть сырая	1 599,5	712,4	23,4
Нефтепродукты, в т.ч.:	5 770,7	1 881,2	61,7
- мазут	3 514,3	899,8	29,5
- дизельное топливо	1 137,5	500,1	16,4
- легкие дистилляты	1 083,5	465,6	15,3
- прочие товарные позиции	35,4	15,7	0,5
Прочие		4,2	0,1

Источник: рассчитано на основе данных дальневосточного таможенного управления ФТС РФ

Благоприятная конъюнктура на мировом рынке черных металлов обеспечила в 2005 г. высокие темпы роста стоимостных объемов экспорта металлопроката и лома черных металлов.

Динамика экспорта машинотехнической продукции региона в последние годы отличается нестабильностью, что обусловлено политикой размещения экспортных заказов на дальневосточных предприятиях ОПК.

Что касается других экспортных позиций, то их объемы крайне незначительны.

Таким образом, в настоящее время на долю всего лишь четырех товарных групп (продукция ТЭК, черные металлы, рыбопродукция и лесотовары) приходится практически 90% экспорта Дальнего Востока.

В отличие от экспорта, который носит в значительной степени сырьевой характер, в структуре импорта региона преобладает продукция с высокой долей добавленной стоимости. Так, в 2005 г. на долю машинотехнической продукции инвестиционного назначения приходилось 23,1%, транспортных средств — 29,1%, в т.ч. легковых автомобилей — 14,0%, товаров потребительского спроса — 18,1% (табл. 3).

В данном случае фактор высокой обеспеченности Дальнего Востока России основными видами природно-сырьевых ресурсов играл и играет в процессе взаимодействия региона с внешним рынком двоякую роль. С одной стороны, наличие богатого природно-ресурсного потенциала является конкурентным преимуществом региона. С другой — выступает определенным ограничителем более широкого участия региона во внешнеторговом сотрудничестве,

предопределяя внешнеторговую специализацию российского Дальнего Востока, при которой за регионом закрепляется роль поставщика сырья и потребителя готовой продукции, что ведет к смещению пропорций его внешнеэкономического обмена.

Таблица 3

Товарная структура импорта Дальнего Востока России, млн долл.

Товарная группа	2005 г.
Импорт всего, в том числе:	5741,8
Машины, оборудование, транспортные средства, в том числе:	3397,6
- машины и оборудование инвестиционного назначения	1327,4
- транспортные средства, в том числе:	1670,2
- легковые автомобили	805,8
Топливо, минеральное сырье, металлы	801,3
Химические продукты	352,9
Строительные материалы	87,9
Сырье и продукты его переработки	53,9
Товары народного потребления	1041,6
Промышленные товары	629,0
Пищевкусовые товары	412,6
Прочие	6,6

Источник: составлено на основе данных дальневосточного таможенного управления ФТС РФ.

Географическая структура внешней торговли

В силу ряда объективных причин экономико-географического порядка во внешнеторговых взаимодействиях Дальнего Востока России традиционно преобладает тихоокеанский вектор. Среди стран АТР основными торговыми партнерами российского Дальнего Востока традиционно являются страны СВА — Япония, Китай, Республика Корея (табл. 4).

Таблица 4

Географическая структура внешнеторгового оборота Дальнего Востока России в процентах

Страны	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Внешнеторговый оборот, всего, в т.ч.:	100,0	100,0	100,0	100,0
Страны АТР, в т.ч.:	87,5	84,7	86,4	85,4
Китай	30,1	33,9	28,1	27,0
Республика Корея	21,3	17,2	15,2	17,6
Япония	17,8	21,8	31,5	28,2
США	6,7	5,7	5,2	5,6
Страны ЕС (25) ¹	6,8	7,5	6,5	8,6
Прочие страны	5,7	7,8	7,1	6,0

Источник: рассчитано на основе данных дальневосточного таможенного управления ФТС РФ, данных статистических комитетов краев и областей Дальнего Востока.

Наиболее высокая степень ориентации на рынок стран СВА характерна для лесного экспорта российского Дальнего Востока. Важно отметить, что пос-

ледние годы все большая часть экспортных потоков в лесной отрасли переориентируется на китайский рынок. Если в 90-е годы прошлого столетия основным импортным рынком лесопродукции являлся японский (более 80% экспорта), то к настоящему времени в структуре лесного экспорта региона резко возросла доля КНР (практически до 60%).

Экспортные потоки продукции ТЭК также концентрируются в регионе СВА (73,5%). Крупнейшим импортерами сахалинской нефти являются Япония, нерюнгринского угля — Япония и Республика Корея, нефтепродуктов — Китай и КНДР (табл.5).

Таблица 5

Географическая структура экспорта дальневосточной продукции в 2005 г., в процентах

Страна	Уголь	Нефть сырая	Нефтепродукты	Черные металлы	Лесотовары	Рыба и морепродукты
Экспорт всего, в том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Китай	1,7	-	48,7	31,3	58,5	20,2
Япония	62,8	89,9	3,0	0,5	28,6	18,7
Республика Корея	22,5	6,7	5,9	37,3	11,1	41,2
КНДР	0,0	-	6,5	0,1	0,3	-
Итого страны СВА	87,0	96,6	64,1	69,2	98,5	80,1

Источник: рассчитано на основе данных дальневосточного таможенного управления ФТС РФ и статистических комитетов краев и областей Дальнего Востока.

Географическая структура экспортных поставок дальневосточной рыбопродукции является наиболее диверсифицированной. Наряду с Республикой Корея, Японией и Китаем, на долю которых приходится более 80% регионального экспорта рыбопродукции, рыба и морепродукты поставляются в США, страны СНГ, Западной и Восточной Европы.

В настоящее время лидирующие позиции во внешней торговле региона принадлежат Японии (28,2% внешнеторгового оборота). Обеспечивая 33,4% регионального импорта, Япония является для Дальнего Востока России важнейшим экспортером товаров инвестиционного назначения, транспортных средств.

Наряду с Японией одним из самых крупных торговых партнеров Дальнего Востока продолжает оставаться Китай (27,0% объема торговли региона). В 2005 г. в эту страну направлялось свыше 32,9% дальневосточного экспорта. В товарной структуре экспорта в Китай преобладает продукция ТЭК (нефтепродукты) и лесоматериалы (табл. 6).

Наиболее активно торгово-экономическое сотрудничество Китай осуществляет с Хабаровским и Приморским краями. Если Приморский край является основным импортером в регионе китайской продукции, то предприятия Хабаровского края обеспечивают свыше 60% регионального экспорта в Китай.

На относительно стабильном уровне оставалась торговля с Республикой Корея и США. В географической структуре внешней торговле Дальнего Востока России на долю этих стран приходилось соответственно 17,6 и 5,6% внешне-торгового оборота региона.

Таблица 6

**Товарная структура экспорта Дальнего Востока России
в разрезе отдельных стран, 2005 г. (в%)**

Товарная группа	Япония	Китай	Республика Корея
Экспорт Дальнего Востока всего, в том числе:	100,0	100,0	100,0
Машины, оборудование, транспортные средства	1,4	3,0	9,3
Топливо, минеральное сырье, металлы	65,6	55,0	42,5
уголь	18,1	0,4	7,9
нефть	41,1	0,0	3,7
нефтепродукты	3,6	42,4	8,7
черные металлы и изделия из них	0,3	10,8	21,7
цветные металлы и изделия из них	0,8	0,6	0,0
Продукция химической промышленности	0,9	0,5	0,7
Сырье и продукты его переработки	17,5	25,9	8,3
лесоматериалы	17,5	25,8	8,3
Пищевкусовые товары, в т.ч.	14,6	12,0	39,1
рыба и морепродукты	14,5	11,3	39,0
Промышленные товары народного потребления	0,0	0,1	0,0
Прочие	0,0	3,5	0,1

Источник: рассчитано на основе данных дальневосточного таможенного управления ФТС РФ и статистических комитетов краев и областей Дальнего Востока.

Структура экспорта в Республику Корея в значительной степени схожа со структурой поставок в Японию и частично Китай (нефть и нефтепродукты, рыбопродукция, деловая древесина, черные металлы). Экспортные потоки в США формируются в основном за счет рыбопродукции, а также товаров народного потребления (одежда) и продукции ТЭК. Основу импорта из США составляют товары инвестиционного назначения. В импорте из Республики Корея наряду с товарами инвестиционного назначения значительный удельный вес занимают промышленные товары народного потребления и продукция химической промышленности (табл. 7).

Наряду с традиционными торговыми партнерами, заметный вклад в развитие торгово-экономического сотрудничества Дальнего Востока в АТР вносят США, Сингапур, Вьетнам, Тайвань, КНДР, Таиланд. В настоящее время на долю этих стран и территорий приходится соответственно 5,6, 1,6, 1,1, 1,0, 1,0, 0,6% внешнеторгового оборота региона. Если экспортные потоки в эти страны и территории формируются главным образом за счет продукции нефтепереработки (КНДР, Сингапур, Вьетнам), черных металлов (Тайвань, Таиланд) и рыбопродукции (США), то в структуре импортных потоков преобладают пищевкусовые товары (Таиланд, Вьетнам) и машинотехническая продукция (США, Сингапур, Тайвань, КНДР).

Важно отметить, что в настоящее время активизировалась внешняя торговля российского Дальнего Востока со странами ЕС. Среди стран ЕС наиболее крупными внешнеторговыми партнерами Дальнего Востока России являются Италия, Германия, Великобритания. В географической структуре регионального внешнеторгового оборота доля этих стран составляет соответственно: 2,4, 1,6, 0,9%. При этом следует заметить, что если основу импорта из этих стран составляет продукция инвестиционного назначения, то структура экспорта в эти страны довольно диверсифицирована.

Таблица 7

Товарная структура импорта Дальнего Востока России в разрезе отдельных стран, 2005 г. (в%)

Товарная группа	Япония	Китай	Республика Корея
Импорт Дальнего Востока всего, в том числе:	100,0	100,0	100,0
Машины, оборудование, транспортные средства	87,8	15,0	50,5
Топливо, минеральное сырье, металлы	9,9	8,4	21,1
минеральные продукты	0,4	0,3	2,3
металлы и изделия из них	9,4	8,1	18,8
Продукция химической промышленности	1,4	7,3	14,7
Строительные материалы	0,6	3,2	3,3
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,1	2,8	1,2
Товары народного потребления, в т.ч.:	0,2	63,3	9,0
промышленные товары	0,1	45,8	4,2
пищевкусовые товары	0,1	17,5	4,8
Прочие	0,0	0,0	0,2

Источник: рассчитано на основе данных дальневосточного таможенного управления ФТС РФ.

В структуре экспортных потоков региона в европейском направлении преобладают продукция гражданского машиностроения (34,0%), рыба и морепродукты (24,7%), минеральные продукты (руды цветных металлов) (18,0%), нефтепродукты (13,6%).

Структура дальневосточного импорта из стран Евросоюза характеризуется инвестиционной направленностью — наибольший удельный вес приходится на машины и оборудование инвестиционного назначения (54,5%) и изделия из черных и цветных металлов (17,8%). Импорт данной продукции направлялся в Сахалинскую область на строительство завода СПГ по проекту "Сахалин-2".

Следует признать, что, несмотря на относительное оживление торгово-экономических взаимодействий между российским Дальним Востоком и странами ЕС, возможности расширения взаимной торговли весьма ограничены. В качестве основных ограничителей на пути развития внешней торговли региона со странами ЕС выступает фактор расстояния и низкий уровень эффективного внутрирегионального спроса.

Проблемы и перспективы развития внешней торговли региона

Перспективная динамика и масштабы внешнеторговых взаимодействий Дальнего Востока России в значительной степени будут связаны с реализацией трех основных направлений:

1. Комплексное обоснование и последовательная реализация международных сырьевых и инженерно-технических проектов в области нефти, трубопроводного природного газа, электроэнергетических систем, транснациональных транспортно-транзитных коридоров, обслуживающих магистральные потоки товаров. Привлечение значительных объемов инвестиций, прежде всего в экспорториентированные крупномасштабные проекты позволит продуктивно и заметно реализовать внешнеэкономический потенциал российского Дальнего Востока.

Основные проблемы, сдерживающие реализацию данного направления:
- в сфере энергетики:

✓ Неясные перспективы наращивания сырьевой базы сырой нефти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, все еще отсутствие программы государственного лицензирования недр для решения вопросов создания необходимой ресурсной базы нефтедобычи для реализации проектов трубопроводного экспорта сырой нефти.

✓ Отсутствие проработанных под эгидой Правительства РФ программ и мастер-планов развития сотрудничества в секторе трубопроводного природного газа, электроэнергетики.

✓ Незавершенность реформирования электроэнергетики ДФО.

- в сфере транспорта:

✓ Ограниченные возможности объемов переработки грузов припортовыми железнодорожными станциями и морскими портами.

✓ Наличие "узких" мест (однопутный железнодорожный мост через р.Амур, ст. Гродеково в Приморском крае), снижающих пропускную способность Транссибирской магистрали.

✓ Незрелость существующих на приграничных (российско-китайских) участках пунктов пропуска. За 1998-2004 гг. число транспортных средств, пересекших российско-китайскую границу через дальневосточные пункты пропуска увеличилось в 2 раза. В 2004 г. через российско-китайскую границу проследовало 459 тыс. транспортных средств. Большинство пунктов пропуска на российско-китайской границе работают в односменном режиме, а их техническое оснащение относительно низкого уровня.

2. Формирование контактных производственно-кооперационных и инвестиционных зон приграничного сотрудничества в форме технопарков, зон свободной торговли, специальных экономических зон. Создание локальных зон наиболее предпочтительно в приграничных районах, способных выполнять преимущественно функции содействия внешнеэкономической деятельности соответствующих районов, развитию их экспортного потенциала, в частности на основе привлечения иностранного капитала, а также, при необходимости, иностранной рабочей силы.

Основной проблемой, ограничивающей реализацию данного направления, является отсутствие адекватной институциональной основы.

3. Активизация межрегиональных взаимодействий дальневосточных субъектов Федерации с китайскими провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин в контексте реализации намеченных экономических преобразований на Северо-Востоке КНР. Предполагается, что по мере включения Дальнего Востока России в осуществление намеченных планов развития северо-восточных провинций КНР динамика объемов и товарная структура торговли с Китаем будет изменяться в позитивном направлении.

Эффективность реализации данного направления сдерживается неудовлетворительным состоянием законодательной базы по вопросам приграничного сотрудничества, в результате многие аспекты торгового взаимодействия реализуются за пределами правового поля, тем самым создавая условия для развития коррупции, нелегального бизнеса (особенно в сфере экспорта дальневосточных сырьевых ресурсов в Китай).

Решение проблем в рамках вышеозначенных направлений развития внешнеторгового сотрудничества во многом будет зависеть от проведения целенаправленной политики государства в этой области, направленной на создание благоприятных условий для активного включения Дальнего Востока России в экономическое сотрудничество с зарубежными странами, прежде всего со странами АТР и США.

В среднесрочной перспективе продуктивно и заметно реализовать существующий потенциал торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока будет возможно через привлечение значительных объемов инвестиций, прежде всего в экспорториентированные крупномасштабные проекты в ресурсном секторе экономики региона.

Очевидно, что возможности наращивания объемов внешней торговли региона будут тесно связаны с традиционными товарами дальневосточного экспорта. Развитие масштабных и капиталоемких проектов "Сахалин-1", "Сахалин-2" к 2010 г. резко усилит нефтяную составляющую экспортных потоков российского Дальнего Востока в страны СВА, в частности в Японию (до 60%), Республику Корея, Китай. Экспорт сжиженного газа в рамках реализации этих проектов также будет ориентирован на страны СВА, в основном на японский рынок и в меньшей степени — в Республику Корея и Китай.⁴

Наряду с этим перспективы роста объемов внешней торговли региона будут связаны с экспортом готовых нефтепродуктов. Принятые к реализации крупные инвестиционные программы по коренной модернизации дальневосточных нефтезаводов позволят усилить существующие конкурентные преимущества готовых нефтепродуктов. Учитывая ожидаемую динамику и экологические требования рынка нефтепродуктов СВА, нефтепродукты могут быть реализованы прежде всего в КНР.

Что касается рынка электроэнергии, то до 2010 г. он вряд ли может быть открытым для широкой торговли энергией. Вместе с тем возможно прогнозировать ограниченные поставки электричества в отдельные провинции Северо-Востока Китая, а также КНДР.

Перспективы экспорта угольной продукции с Дальнего Востока объективно находятся на месторождениях каменного угля Южно-Якутского бассейна. Существенный прирост экспорта каменного угля из Южной Якутии может быть связан с освоением Эльгинского месторождения, который имеет возможности (технологические и ценовые) для сбыта на японском, а также корейском рынках. На стабильном уровне могут поддерживаться существующие поставки нерюнгринского энергетического угля и коксового концентрата в Японию, Республику Корея.

Российский Дальний Восток будет продолжать занимать устойчивую нишу на рынке лесоматериалов СВА. Наиболее благоприятные перспективы для дальневосточного экспорта лесоматериалов связаны с Китаем. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, снижением лесозаготовок в Китае, вследствие введения в рамках программы сохранения лесов национального запрета на вырубку леса. Во-вторых, снижением импортных тарифов вследствие вступления в ВТО. В-третьих, ростом внутреннего спроса на лесоматериалы, обусловленным началом строительства крупномасштабных объектов (уже в настоящее время Китай обеспечивает за счет импортных поставок около 40% внутреннего потребления древесины). В-четвертых, модернизацией деревообрабатывающей промышленности на Северо-Востоке Китая, продукция которой будет ориентирована на рынки стран АТР, прежде всего на Японию, в которой в последние годы наметилась тенденция к увеличению импорта продукции деревообработки (в связи с ростом издержек производства продукции деревообработки) и сокращению спроса на круглый лес.

В целом, современная ситуация, сложившаяся на рынке лесоматериалов стран АТР, дает основание предполагать, что к 2010 г. объемы экспорта лесоматериалов (деловой древесины) с российского Дальнего Востока могут заметно возрасти.

Перспективы роста объемов экспорта дальневосточной рыбопродукции в текущем десятилетии главным образом связаны с введением Японией мер по ужесточению контроля за импортом рыбы и морепродуктов из России. Предполагается, что реализация таких мер позволит резко сократить незаконный вылов и экспорт особо ценных видов рыб и морепродуктов и тем самым увеличить объемы их экспорта на легальной основе.

В целом, с учетом вышеозначенных перспектив, объем экспорта Дальнего Востока в страны СВА к 2010 г. по оценкам ИЭИ ДВО РАН (без учета экспорта продукции ОПК и продукции алмазного комплекса) может увеличиться до 15,8 млрд долл. (табл.8).

Таблица 8

**Перспективные оценки объемов экспорта дальневосточной
продукции в страны СВА в 2010 г., млн долл. (в ценах 2005 г.)**

Страна	Нефть сырая		Нефтепродукты		СПГ	
	2005	2010 ¹	2005	2010	2005	2010 ¹
Экспорт, всего, в т.ч.:	712,4	8463	1881,2	1956	-	4032
Страны СВА, в т.ч.:	688,0	7636	1205,9	1474	-	3906
Япония	640,3	5801	56,6	64	-	3024
Китай	-	957	916,1	1160	-	252
Республика Корея	47,7	878	111,8	116	-	630
КНДР	-	-	121,4	134	-	-
Доля стран СВА, %	96,6	90,5	64,1	75,4	-	96,9

Страна	Уголь		Лесотовары		Рыба и морепродукты	
	2005	2010 ²	2005	2010	2005	2010
Экспорт, всего, в т.ч.:	450,3	484	952,8	1170	1209,7	1355
Страны СВА, в т.ч.:	391,6	467	937,6	1157	969	1135
Япония	282,8	305	272,2	299	226	298
Китай	7,7	16	557,5	700	245	281
Республика Корея	101,1	146	105,5	155	498	556
КНДР	0,0	-	2,4	2,6	-	-
Доля стран СВА, %	87,0	96,5	98,4	99,0	80,1	83,8

¹ - с учетом реализации проектов "Сахалин-1" и "Сахалин-2"

² - не включая проектные оценки по Эльгинскому месторождению

Источник: рассчитано на основе данных дальневосточного таможенного управления ФТС РФ, статистических комитетов краев и областей Дальнего Востока, по оценкам ИЭИ ДВО РАН.

Полученные оценки свидетельствуют о том, что в среднесрочной перспективе (до 2010 г.) динамика внешней торговли российского Дальнего Востока в значительной степени будет определяться объемами экспорта продукции ТЭК региона. При этом Япония, Китай и Республика Корея будут оставаться основными импортерами дальневосточной продукции.

1. С учетом экспорта продукции алмазного комплекса.
2. Таможенная статистика не фиксирует экспорт продукции алмазного комплекса региона.
3. ЕС-25: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония.
4. Следует отметить, что сильное влияние на перспективную расстановку экспортных позиций на нефтяном рынке СВА может оказать сооружение мощного транснационального нефтепровода "Восточная Сибирь — Тихий Океан" (с возможным ответвлением на Дацин, КНР).

Экономика

Итоги 10-й пятилетки и становление новой модели экономического роста в КНР

© 2006

Я. Бергер

(Окончание. Начало в ПДВ №3, 2006 г.)

Механизмы роста

Высокие темпы экономического роста в 10-й пятилетке, как и прежде обеспечивались, главным образом, опережающим увеличением экспорта и инвестиций, прежде всего — государственных, как централизованных, так и, особенно, региональных. Среднегодовой рост внутреннего потребления составил 8,6%, что ниже темпов роста ВВП и инвестиций. В результате вклад внутреннего потребления в рост ВВП упал с 73% в конце 9-й пятилетки до 45% в 10-й, тогда как в развитых странах он составляет в среднем 80%¹.

Ставка на высокую норму накопления и экспортная ориентация экономики, были в определенной мере неизбежными для Китая, как и для ряда других развивающихся стран на той стадии экономического роста, когда только еще начинавший формироваться внутренний потребительский рынок был не в состоянии придать ему требуемую динамику. Такой выбор в краткосрочной перспективе дает возможность быстрого экономического роста, но одновременно закрепляет его экстенсивный характер и при определенных условиях может нанести ущерб его стабильности. Устойчивое социально-экономическое развитие на долгую перспективу способны обеспечить только поступательное наращивание внутреннего потребления и оптимизация его структуры.

Накопление и потребление

В течение первых десятилетий курса на реформы и открытость доля государства в национальном доходе в целом снизилась, а доля населения выросла: первая за период 1978 г.- 2002 гг. опустилась с 33,9% до 20,5%, а вторая — поднялась с 55% до 65,2%. Доля предприятий за это время изменилась мало: с 11,1% до 14,3%². При этом, однако, до нижней планки в 17,3% доля правительственных доходов опустилась в 1998 г, после чего она стала быстро повышаться, причем темпами, примерно вдвое превышающими темпы роста ВВП. Соответственно фактические доходы населения увеличивались медленнее, чем рос ВВП.

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, зам. главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Дело в том, что в 1998 г., когда мировая экономика, включая и Китай, переживала последствия азиатского финансового кризиса, правительство взяло курс на расширение внутреннего потребления. Но для этой цели использовалась в основном активная финансовая политика, которая была нацелена на ускорение экономического роста путем государственных инвестиций, опиравшихся на бюджетные ассигнования и выпуск государственных строительных займов. Что касается роста доходов населения, то они не только отставали, но, что еще более важно, росли неравномерно: в городе — значительно быстрее, чем в деревне, у зажиточных групп — намного больше, чем у малоимущих.

Избыточная опора на инвестиции для стимулирования экономического роста оборачивается прогрессирующим снижением их отдачи. В США, ФРГ, Франции, Индии для увеличения ВВП на 100 млн юаней нужно от 100 до 200 млн юаней инвестиций. В Китае, по подсчетам Госкомитета по развитию и реформам, за первые три года нашего века требовалось 500 млн юаней. Для производства одного юаня добавленной стоимости необходимо сегодня значительно больше инвестиций, чем в 80-х и 90-х годах. Соответственно для обеспечения тех же темпов роста ВВП нужно все больше инвестиций. Иными словами, если в развитых странах капиталоемкость прироста ВВП (коэффициент ICOR — incremental capital-output ratio) равен 1-2, то в Китае за последние 3-5 лет он составлял от 5 до 7. Именно таким был этот коэффициент в канун азиатского финансового кризиса в Малайзии³. По расчетам Чэнь Сывэя, в 1999 г. 1% увеличения инвестиций в основные фонды приносил 1,29% роста ВВП, в 2002 г. — только 0,48%, а в 2003 г. — менее 0,4%⁴. В первом квартале 2004 г. инвестиции возросли на 43%, а ВВП — на 9,8%⁵. Таким образом, по эффективности вложений капитала в основные фонды Китай уступает не только прежним лидерам азиатского роста, но и сегодняшней Индии, Вьетнаму и России (2004 г. — 3,2). Поскольку инвестиции осуществляются, главным образом, за счет банковских кредитов, постольку низкая окупаемость капиталовложений может вести к невозврату кредитов и новому накоплению плохих долгов. Поэтому переход к новой модели роста важен и с этой точки зрения, особенно учитывая, что в текущем году истекает переходный срок вступления Китая в ВТО, и китайские отечественные предприятия становятся полностью открытыми для международной конкуренции⁶.

Стремление за счет инвестиций наращивать ВВП максимально высокими темпами чревато, особенно на местах, раздуванием масштабов капитального строительства, включая создание дублирующих и демонстрационных объектов далеко не первой необходимости. В конце 2005 г. объем инвестиций в строящиеся объекты достигал почти 2 трлн юаней. По мнению члена экспертного совета Государственного центра информации Гао Сюэцина, для их освоения нужно, как минимум, три года⁷.

Избыток производственных мощностей, не покрываемый спросом на внешнем и внутреннем рынках, существует в производстве стали, алюминия, кокса, цемента, ферросплавов, автомобилей. Наращивание избыточных мощностей ведет к снижению прибыльности предприятий, создает угрозу дефляции, а в социальной сфере — усиливает давление на занятость и обостряет проблему безработицы. Так, по словам заместителя председателя Китайского общества по изучению макроэкономики Цао Юйшу, из-за избытка производственных мощностей в цементной промышленности 43,5% имеющихся в стране предприятий стали нерентабельными⁸. При падении спроса на свою продукцию предприятия, если и не увольняют работников, то, во всяком случае, не создают новых рабочих мест. Таким образом, сам экономический рост, ведомый правительственными инвестициями, особенно на региональном уровне, становится еще одним фактором увеличения дисбаланса в распределении доходов.

В настоящее время увеличение ВВП на 1% позволяет трудоустроить только 8 млн чел. Это соотношение в основном сохраняется с 90-х годов прошлого века, тогда как в 80-е годы такой же рост ВВП позволял трудоустроить втрое больше людей⁹. При этом ускорение экономического роста в отдельные годы не сопровождается адекватным рывком в создании новых рабочих мест. Такое ускорение наблюдалось с 1992 по 1995 гг., когда отдача для занятости была наименьшей: в пределах 0,07- 0,09, и, напротив, в 1998, 1999 и 2000 гг., когда темпы роста снижались, эластичность его поднималась до 0,15 и 0,17¹⁰.

Расширение занятости тормозится концентрацией инвестиций в капиталоемких отраслях. Эта тенденция также способствует консервации действующей модели экономического роста. Содержащиеся в руководящих партийных документах призывы переходить к "индустриализации нового типа", основывающейся на информатизации, на повышении роли новых и высоких технологий и сектора услуг, пока что реализуются медленно. Основные капиталы по-прежнему идут в тяжелую промышленность, чему благоприятствуют заниженные цены на сырье и энергию. Характерным примером такой тенденции может служить ситуация в цветной металлургии. Низкая цена на электроэнергию позволила увеличить производство алюминия за короткий период более чем втрое: с 3 млн т в 90-х годах прошлого века до 9,7 млн т в 2004 г. и довести экспорт алюминия в 2003 г. до 1 250 тыс. т. Рабочих мест тяжелая промышленность в расчете на 100 млн юаней инвестиций создает втрое меньше, чем легкая.

С конца 2002 г. ускорилось строительство тепловых электростанций, комбинатов черной и цветной металлургии, предприятий строительных материалов. В результате потребление энергии выросло в 2005 г. по сравнению с 2000 г. на 55,2%, что при медленно сокращающихся удельных энергозатратах вызвало значительное загрязнение окружающей среды. Так, установленная мощность тепловых электростанций увеличилась с 238 млн кВт до 508 млн кВт, на 100 млн кВт больше, чем предполагалось по плану, что привело к увеличению потребления угля почти вдвое и соответствующему возрастанию выбросов сернистого газа в атмосферу¹¹.

Увеличение инвестиций в "индустриализацию нового типа" тормозят нехватка технологических ресурсов и отсутствие механизма, побуждающего предприятия осуществлять технологические инновации. По данным ГСУ КНР, в 2003 г. только на 30% крупных и средних предприятиях страны велись научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). В разработку новых продуктов и технологий в Китае инвестируется лишь 0,75% дохода от продаж, тогда как, по зарубежному опыту, этот показатель для успешного перспективного развития предприятия должен быть не менее 3%. Если он не достигает 2%, то предприятие не выдержит рыночной конкуренции. В отраслях же связанных с высокими технологиями, затраты на НИОКР обычно составляют более 10% суммы продаж.

Китай пока далеко отстает от Японии и Кореи в освоении импортных технологий. Эти страны, используя импортные технологии, очень быстро создают продукцию со своей интеллектуальной собственностью и начинают ее в массовых масштабах экспортировать. В Китае же основной упор до сих пор делался на импорте, а не на освоении и создании новых продуктов на базе импорта.

Неготовность предприятий развивать НИОКР путем сколько-нибудь значительных инвестиций не всегда связана с нехваткой у них средств. Высокоприбыльные предприятия, как, например, в автомобилестроении, могут значительно уступать в этом отношении предприятиям менее прибыльным. Проблема состоит в том, что руководители успешно работающих предприятий часто не готовы идти на риск долгосрочных вложений в исследования и разработки, плоды которых они вряд ли увидят в пределах срока своих полномочий.

Поэтому они предпочитают идти более легким путем технологической кооперации с иностранными фирмами при сохранении зависимости от них, нежели прокладывать собственные, неизведанные дороги¹². Именно на преодоление такой косности направлен провозглашенный ныне государственный курс всемерной поддержки инноваций.

Одну из главных движущих сил действующей модели экономического роста составляет межрегиональная конкуренция, а, точнее говоря, острое соперничество между региональными и местными властями за привлечение капиталов государственных, иностранных и частных национальных инвесторов (*чжао шан ин цзы*). Интересы власть имущих в регионах и на местах стали фактически идентичны интересам инвесторов, даже если последние вступают в противоречие с интересами граждан. Соперничество между местными правительствами за привлечение инвестиций ведется путем предоставления налоговых льгот и скидок на цену земли.

В ряде провинций устанавливаются ежегодные задания по привлечению инвестиций, которые доводятся до низовых властей, вплоть до сельских и уличных комитетов граждан. Не остаются в стороне от этой деятельности также органы гражданской администрации, образования, здравоохранения, молодежные и женские организации. Повсеместно принимаются обязательства по привлечению инвестиций. В конце года подводятся итоги выполнения заданий и обязательств, от чего прямо зависят доходы чиновников. В некоторых местностях это принимает характер политических кампаний. Победители публично и торжественно награждаются знаками отличия и премиями. Главные ответственные лица ведомств, не выполнивших план, получают предупреждение, их переводят на должности, где им придется полностью посвятить себя привлечению инвесторов, а невыполнение заданий в течение двух лет подряд ведет к отставке или иным административным и материальным санкциям.

Этим, в частности, объясняется тот факт, что темпы экономического роста в регионах оказываются, как правило, значительно выше, чем в целом по стране. Так, первоначально официально объявленный рост ВВП в 2004 г. составлял 9,5%, после корректировки по результатам хозяйственной переписи в январе 2006 г. он был повышен до 10,1%. Однако сумма ВРП 31 административной единицы первого ранга превышает первоначальную цифру по стране на 3,9 процентных пункта. Данное обстоятельство отражает не только возможные приписки, но, прежде всего — острую конкурентную борьбу между регионами за первенство в экономическом росте.

Центральное правительство неоднократно пыталось остудить перегретую экономику в регионах, снизить рост ВВП, принимая меры не столько для макроэкономического регулирования рынка, сколько для укрощения бурной инвестиционной активности региональных властей. Но к кардинальному изменению ситуации это не приводило. Немалую роль в стимулировании такой активности играет налоговая политика: основную часть доходов местных властей дает налог на добавленную стоимость, а его увеличение обеспечивается наращиванием промышленного производства и, соответственно, все новыми инвестициями.

Примечательно, что и при составлении своих планов на 11-ю пятилетку руководители регионов по-прежнему ставят для себя задачи, существенно отличающиеся от показателей центрального правительства для всей страны: в сторону повышения — для темпов роста ВВП и в сторону понижения — для экономии энергозатрат. В докладе о работе правительства рост ВВП на 2006 г. определен в 8%. Месяц спустя после принятия доклада на сессии ВСНП, начальник ГСУ Цю Сяохуа прогнозировал рост в 9%. А по данным директора Института энергетики Госкомитета по развитию и реформам Чжоу Дади, показатели, установленные на 11-ю пятилетку в 31 административном субъекте

высшего звена, колеблются от 8,5% до 13%, в среднем составляя 10,1%¹³. В то же время из 25 опубликованных до начала марта 26 провинциальных проектов развития в 11-й пятилетке только в четырех провинциях по снижению удельной энергоемкости продукции ставилась более высокая задача, чем по стране в целом (20%), в 10 провинциях она определялась на среднем уровне, в четырех случаях — на более низком, а в шести случаях она вообще не упоминалась¹⁴.

Стремясь утвердить приоритет своего региона и опередить соперников, местные правительства рассматривают административные границы как непреодолимые барьеры между провинциями. При этом если раньше протекционистские меры принимались для того, чтобы предотвратить утечку ресурсов, то теперь — чтобы воспрепятствовать притоку чужих товаров, оградить от них собственный рынок и тем самым поддержать своего производителя. Прежде протекционистские меры вводились прямыми административными распоряжениями (“документами с красной шапкой”, или “*хунтоу вэньцзьянь*”), теперь — косвенно, утверждениями о том, что только местные товары обладают высокой технологичностью, качеством, экологичностью, отвечают критериям безопасности и т.д.

В последние годы все более важным стимулятором роста и одним из основных источников пополнения региональных бюджетов и внебюджетных фондов становятся вложения в недвижимость. Региональные правительства держат в своих руках главный фактор таких инвестиций — землю, получая за распоряжение ею огромные доходы. Расходы на приобретение недвижимости в 2004 г. составили 257,4 млрд юаней. Если прибавить сюда участки земли под промышленными предприятиями и под строительство базовых сооружений, то общая сумма составит 643,5 млрд юаней, или 4,7% ВВП. По оценкам Центра исследований развития при Госсовете КНР, 20-30% этой суммы получают сельские жители и примерно столько же — власти. Другими словами, только за счет перераспределения земли доход последних составил 200 млрд юаней¹⁵.

В среднем в приморских районах цена земли для промышленной застройки составляет, как минимум, 150-200 тыс. юаней за 1 му, но из-за конкуренции она может быть снижена для инвестора наполовину, а то и вовсе стать нулевой. Что касается налогов, то обычно речь идет о продлении льготных сроков: как правило, инвестор освобождается от уплаты подоходного налога на два года, а на последующие три года ему устанавливают половинную ставку, но можно добиться отмены налога и на три года, и даже на пять лет.

Межрегиональная конкурентная борьба за частные инвестиции острее всего в приморских, развитых районах, причем особенного накала она достигает в дельтах Янцзы и Чжуцзян, поскольку менее развитые регионы получают больше государственных инвестиций.

Сегодня в условиях, когда доля накопления уже превысила 40%, дальнейшее повышение удельного веса инвестиций опасно. Главную роль призван играть рост платежеспособного потребительского спроса. Поступательное увеличение воздействия этого фактора на экономический рост в Китае могут обеспечить такие процессы, как ускорение урбанизации, сокращение разрыва в уровне доходов между городом и деревней, увеличение занятости, наращивание вложений в человеческий капитал. Важнейшее значение имеет совершенствование системы социального обеспечения, которое позволит укрепить уверенность населения в своем будущем и тем самым стимулировать рост текущих потребительских расходов.

Отсутствие такой уверенности побуждает сегодня значительную часть населения со средними доходами накапливать деньги на сберегательных счетах в банках. В 2005 г. общая сумма сбережений в Китае превысила 1,1 трлн долл., что составляет половину ВВП. В США сбережения достигают 1,6 трлн

долл., но это равно лишь 13% ВВП. В Китае на индивидуальные сбережения идет до 30% семейных доходов, тогда как в США за вычетом налогов эта доля выражается отрицательной величиной (-0,5%)¹⁶. По данным Мирового банка, сбережения в Китае составляют 25,5% доходов населения, что ставит его по этому показателю на первое место в мире¹⁷.

Экспорт

Опережающий рост экспорта по сравнению с ростом ВВП — тенденция общемировая, но в Китае она выражена значительно более резко, чем во многих других развивающихся и развитых странах. С 1995 по 2004 г. мировой ВВП вырос на 27%, а экспорт — на 78%. В Китае первый показатель увеличился за тот же период на 108%, а второй — на 299%¹⁸. За последнее пятилетие среднегодовые темпы роста внешней торговли в два с половиной раза превосходили динамику экономики в целом. За период с января по сентябрь 2005 г. чистый экспорт обеспечивал 43% экономического роста. Доля Китая в мировом импорте и экспорте товаров увеличилась с 3,6% в 2000 г. до 6,2% в 2004 г., при том, что его удельный вес в мировой экономике был в полтора раза меньше. В 2005 г., по данным ВТО, на долю Китая пришлось уже 7,3% мирового экспорта и 6,1% мирового импорта товаров¹⁹. По объему внешней торговли Китай занял третье место в мире, после США и Германии. Ожидается, что в текущем году Китай обойдет Германию и выйдет на второе место, уступая только США.

Приоритет, отдаваемый внешнему рынку перед внутренним, вносит свой вклад в консервацию низкого качества экономического роста и следовательно также сдерживает обновление его модели. С 2000 по 2003 г. на долю Китая пришлось 33% роста мирового экспорта, но для этого потребовалось увеличить его удельный вес в приросте мировых инвестиций в основные фонды до 60%, а долю в росте мирового потребления нефти — до 36%²⁰.

Установка на всемерную максимизацию экспорта в недавнем прошлом объяснялась, в числе прочих факторов, не только неразвитостью внутреннего рынка, но и стремлением пополнить валютные ресурсы. Сегодня, когда Китай по запасам конвертируемой валюты вышел на первое место в мире, необходимость в этом отпала. Профицит внешней торговли в 2005 г. составил 102 млрд долл., увеличившись втрое по сравнению с предыдущим годом. Инвалютные резервы Китая в начале 2006 г. превысили 850 млрд долл. и быстро приближаются к отметке 1 трлн долл., что создает сильное давление на национальную валюту.

Стремясь наращивать экспорт и усилить свое присутствие на мировых товарных рынках, Китай всеми силами старается свести к минимуму издержки производства в обрабатывающей промышленности, являющейся главным поставщиком экспортных товаров. Большая часть готовых промышленных изделий, которые составляют 90% всего товарного экспорта, — это трудоемкая продукция с низкой добавленной стоимостью. Даже производство электротехнических и высокотехнологичных изделий сводится в основном к сборке и несложной обработке. Экспорт такого типа не создает стимулов к технологическим инновациям. По данным Министерства коммерции КНР, среди экспортных товаров продукция отечественных торговых марок составляет менее 10%.

Однако, как подчеркивает Генеральный секретарь Азиатского форума в Боао Лун Юнту, нахождение Китая на нижней ступени международного разделения труда обусловлено объективными обстоятельствами. У Китая пока просто отсутствует возможность подняться выше: для этого нет ни технологий, ни индустрии услуг, ни необходимых торговых марок, а самое главное, существует огромная потребность в занятости, прежде всего, для рабочей силы из деревни, которая не обладает должной профессиональной и общеобразовательной подготовкой. Поэтому такая ситуация может продлиться еще одно-два де-

сятилетия. Только после этого можно будет говорить о равноправной конкуренции в подлинном смысле этого слова. А до той поры надо “упорно трудиться” (*майтоу кугань*) и “не возникать” (*таогуан янхуй*)²¹.

Преимущественно экспортная ориентация экономики чем дальше, тем больше выявляет свои теневые стороны. Во-первых, непрерывно увеличивается зависимость китайской экономики от внешней торговли и иностранного капитала, а, стало быть, и от мировой экономической и политической конъюнктуры. Зависимость экономики Китая от экспорта и импорта, измеряемая соотношением объема внешней торговли и национального ВВП, за последние годы стремительно возрастала. В 2001 г. она составляла 44%, в 2002 г. — 51%, в 2003 г. — 60%, в 2004 г. — 70%, а в 2005 г. — 80%. У Японии, США, Индии этот показатель не превышает 20–25%. Особенно сильно зависят от экспорта такие отрасли китайской промышленности, как швейная и обувная, производство DVD-проигрывателей, мотоциклов, фотоаппаратов, холодильников, телевизоров, кондиционеров. Избыточная зависимость от мировых рынков заметно усугубляет для Китая политические и экономические риски, особенно в случае непредвидимых колебаний рыночной конъюнктуры.

Во-вторых, экономический рост, движимый экспортом, происходит за счет использования дешевой рабочей силы и истощения небогатых природных ресурсов — земельных, водных, растительных, энергетических, что сопровождается нарушением экологического баланса и загрязнением окружающей среды.

В-третьих, возрастают трения в отношениях Китая с внешним миром. В разных странах увеличивается противодействие нарастающему притоку дешевых китайских товаров, создающему трудности для местного национального производства²². По данным Министерства коммерции, до конца 2005 г. против Китая было возбуждено более 700 антидемпинговых, антидотационных, антипротекционистских расследований в 40 странах. В числе последних были европейские страны, США, Турция, Южно-Африканская республика, Индия, Бразилия. Такие протесты затрагивают не только экономические, но и политические отношения Китая как с развитыми, так и с развивающимися странами.

Экспортно ориентированная модель экономики, по мнению известного китайского социолога Сунь Липина, полностью изжила себя. Необходимо, полагает он, разорвать порочный круг: недостаточный внутренний спрос—опора на экспорт—погоня за дешевым сбытом—низкие прибыли—медленный рост заработной платы—недостаточный внутренний спрос и перейти к более благоприятному циклу: повышение доходов—рост внутреннего спроса—снижение зависимости от экспорта—отказ от погони за сбытом—повышение доходов. “Как показывает опыт новых индустриальных стран, этот переход является трудным и может занять сравнительно долгое время, но он необходим, и в таком переходе главным звеном, несомненно, служит расширение внутреннего спроса”²³.

Государство и рынок в социальной сфере

В руководящих партийных документах последних лет возрастающее значение, по меньшей мере — на вербальном уровне, придается социальной сфере. Отчасти это отражается и в принимаемых решениях. В научных кругах и в публицистике ведутся достаточно острые дискуссии о приоритетах экономической и социальной политики, о соотношении экономической эффективности и социальной справедливости, о роли вложений в человеческий капитал для осуществления долгосрочной стратегии развития страны, о функциях государства и общества. Проводятся социологические исследования, выясняющие отношение населения к беспокоящим его проблемам, к мерам, принимаемым для их решения, к самой способности государства их решать.

За последние годы финансовые расходы на публичные услуги растут в абсолютном и относительном выражении. С 1998 по 2005 гг. их сумма возросла с 59,8 млрд юаней до 360 млрд юаней, а доля в общих расходах бюджета — с 5,5% до 11%. В некоторых отношениях это дало положительный эффект. По многим показателям здравоохранения Китай достиг уровня нижней группы стран со средними доходами. Это касается, например, ожидаемой продолжительности жизни, младенческой смертности. Растут объемы социальной помощи бедному населению. Определенные, хотя и недостаточные, меры принимаются для защиты окружающей среды. В школах некоторых провинций и городов перестали взимать плату за обучение и учебные пособия, выплачиваются дотации на проживание учеников в общежитиях.

Тем не менее, расходы на неотложные социальные нужды недостаточны. На долю социального обеспечения в Китае приходится всего 2,6% ВВП. В США этот показатель в 1999 г. был равен 12,2%. Социальным страхованием по старости охвачено всего 13,38% населения. Из него исключена большая часть работников негосударственной сферы, городские индивидуальные работники, разнорабочие.

Экономия на первоочередных общественных потребностях выглядит особенно разительно на фоне непомерных прочих расходов правительственного аппарата. Если по расходам на неотложные социальные нужды Китай занимает одно из последних мест в мире, то по удельному весу затрат на различного рода излишества — одно из первых. Сюда относятся высокая стоимость администрирования, огромный парк служебных автомобилей, обильные банкеты. На проведение Олимпийских игр в Китае потрачено 400 млрд юаней, сумма, превышающая расходы на несколько олимпиад²⁴. Очень большие средства идут на строительство скоростных автомагистралей, модернизацию городов.

Здравоохранение

Доля правительственных расходов на здравоохранение в ВВП составила 2003 г. всего 0,95%, тогда как в среднеразвитых странах она достигает 3,1%. От недостатка средств, выделяемых на публичные услуги, больше всего страдает деревня. 80% государственных ассигнований на здравоохранение направляется в город и только 20% — в деревню. В расчете на душу населения эти ассигнования составляют в городе 38,3, в деревне — только 9,9 юаня. Полная или частичная утрата работоспособности из-за отсутствия своевременной и качественной медицинской помощи часто служит причиной бедственного положения крестьянской семьи. По данным Центра исследований развития при Госсовете КНР, средние расходы на лечение серьезного заболевания составляют 7 тыс. юаней, что более чем втрое превышает чистый среднегодовой доход крестьянина²⁵. Новая система кооперативного медицинского обслуживания в деревне в 2005 г. охватывала лишь примерно 20% сельского населения.

В Китае идет острая дискуссия о причинах неудовлетворительного состояния здравоохранения и наиболее оптимальных путях выхода из него. И здесь либеральные “рыночники” противостоят не столько “антирыночникам”, сколько тем, кто не склонен отдавать наиболее чувствительные для народа области полностью на откуп рынку и возлагает значительную долю ответственности за них на государство.

Первые винят во всем плановую систему хозяйства и ее пережитки. Плановая система, с их точки зрения, ответственна за то, что сфера услуг, как и аграрная сфера, в целом приносились в жертву приоритетам развития тяжелой индустрии. С этих позиций, главная беда здравоохранения — в том, что оно недостаточно включено в рыночные отношения. Формально, с такой точки зрения в этом отношении все как будто обстоит благополучно. Рынок распределяет ресурсы. В область медицинских услуг допущен любой капитал. На его

вход и выход из медицинского бизнеса в основном нет ограничений. Создание новых структур и направление услуг определяются, главным образом, рыночным спросом. Но фактически за два с лишним десятилетия реформ условия для создания негосударственных больниц так и не созданы. По данным на 2003 г., 96% больничных коек, оборудования и медицинского персонала сосредоточены в государственных медицинских учреждениях. Опираясь на долгосрочную поддержку правительства, немногие больницы сосредоточили у себя лучшие ресурсы и заняли монопольное положение, с которым не могут состязаться прочие государственные медицинские учреждения. Такое положение признается ненормальным. Утверждается, что в условиях рыночной экономики невозможно сохранять заповедники нерыночных отношений, что у здравоохранения нет иного выбора, чем подвергнуться рыночному реформированию²⁶.

Один из ведущих теоретиков и проектировщиков китайских экономических реформ, заместитель руководителя Центра исследований развития при Госсовете КНР проф. Ли Цзяньгэ, непосредственно участвовавший при прежнем руководстве в осуществлении реформы системы здравоохранения, указывает на объективные финансовые и материальные трудности, с которыми сталкивается такая реформа. Так, в США в 2004 г. на нужды здравоохранения в 2004 г. было потрачено 1,8 трлн долл. В Китае в том же году весь ВВП составил 1,6 трлн долл. При этом численность населения у США — несколько более 200 млн чел., а у Китая — свыше 1,3 млрд чел. Если рассчитать затраты на лечение и лекарства в Китае, исходя лишь из одной десятой части американской нормы, то на них не хватит всего китайского ВВП. В Китае медицинское страхование городских рабочих и служащих составляет в среднем на одного человека в год 2 000 юаней. Если бы правительство взяло на себя задачу распространить данный норматив на все городское и сельское население (а такие предложения выдвигаются), то на это ушла бы вся расходная часть всех бюджетов центрального и местных правительств всех уровней²⁷.

В конце 2004 г. один из ответственных чиновников Министерства здравоохранения Лю Синьмин в интервью одной из газет высказал мысль о том, что основной акцент на следующем этапе реформы не следует делать на дальнейшей маркетизации. Вслед за этим весной 2005 г. из уст заместителя министра здравоохранения Ма Сяохуа прозвучал тезис о необходимости при введении в эту сферу рыночных механизмов отстаивать ведущую роль государства. Серьезной критике подверглись утрата государственными лечебными учреждениями общенародной значимости, чрезмерная погоня за материальной выгодой. Говорилось также о том, что реформа системы собственности не может стать столбовой дорогой структурных реформ в здравоохранении, что государство не должно отступать под натиском частного капитала.

Эти выступления стали отправной точкой широкой кампании в прессе, в которой утверждалось, что правительство должно нести главную ответственность за решение проблем в здравоохранении. Со ссылкой на исследовательские структуры Госсовета выражалось мнение, что реформа здравоохранения потерпела неудачу. К такому же выводу пришла и группа экспертов ООН. Заместитель председателя научного совета Центра исследований развития при Госсовете КНР Ван Хуэйцзюн, выступая на презентации Доклада ООН по развитию человечества в 2005 г., отметил, что после экономических реформ система здравоохранения, и прежде не слишком здоровая, сдала свои позиции²⁸.

По словам министра здравоохранения Гао Цяна, одна из главных причин трудностей состоит в неправильном распределении расходов на лечение и охрану здоровья: 60% их несет само население, 25% — коллективы и только 15% — правительство. Он высказался в пользу сочетания роли правительства с функционированием рыночных механизмов. В 11-й пятилетке, заявил ми-

нистр. при проведении реформы здравоохранения нужно усиливать роль рыночных механизмов, но еще более важно укреплять ведущую роль правительства. В кооперативной системе сельского здравоохранения планируется в 2006 г. повысить государственные взносы из центрального и местного бюджетов: с 10 до 20 юаней на одного человека в год из каждого источника. Намечено из года в год расширять охват этой системой сельских районов и завершить ее распространение на территорию всей страны в основном к 2010 г.²⁹

Многие исследователи видят основной недостаток проводящейся с 90-х годов прошлого века реформы здравоохранения в том, что она следует тем же путем, по которому идет реформа госпредприятий: государство фактически сокращает свои вложения, одновременно открывая для рынка большое число государственных медицинских учреждений и привлекая туда частный капитал. В результате ресурсы распределяются нерационально, средств не хватает, и тратят их больше на лечение и все меньше — на профилактику заболеваний. В государственных, некоммерческих лечебных учреждениях заработная плата и бонусы сотрудников, как и текущие расходы учреждений, в основном финансируются за счет их собственной коммерческой деятельности, доля же государственного финансирования не превышает 6%.

Отсюда проистекает стремление врачей прописывать больным много дорогих лекарств, назначать дорогостоящие обследования и процедуры. Государство контролирует цены примерно на 20% обращающихся на фармацевтическом рынке препаратов и за последние годы неоднократно проводило снижение цен. Однако регулируемые рынком цены на лекарства растут, иногда многократно. В подавляющем большинстве лечебных учреждений надбавки к цене отпускаемых лекарств достигают 30-40%, далеко превосходя установленный государством норматив в 15%. По данным Мирового банка, в 2003 г. расходы на лекарства в Китае составили 52% всех расходов на здравоохранение, тогда как в большинстве стран они не превышают 15-40%. При этом от 12 до 37% таких назначений не вызываются необходимостью. Согласно обследованию одной больницы, проведенному в 2000 г., 80,2% больных прописывали антибиотики, в т.ч. 58% — по два и более препаратов³⁰. Для того, чтобы оплатить однократный курс лечения в стационаре порой не хватает годовой зарплаты.

С 1990 по 2004 гг. расходы на амбулаторное лечение в больницах общего типа увеличились в 12 раз, на лечение в стационаре — в 10 раз, согласно данным статистических ежегодников по здравоохранению в Китае, за этот период среднегодовые заработки врачей увеличились в больницах центрального подчинения в 11,6 раза, в провинциальных — в 8,2 раза, в окружных — 6,8 раз, в уездных — в 5,5 раза³¹.

Один из ответственных чиновников Комитета по развитию и реформам Ван Дуншэн полагает, что курс на коммерциализацию и маркетинговую лечебных учреждений необходимо исправить. Главной мерой для пресечения быстрого удорожания медицинских услуг он считает полное отчисление всех получаемых больницами доходов в распоряжение вышестоящих органов³².

Определяя дальнейшие пути реформы здравоохранения, в Китае внимательно присматриваются к опыту других стран с переходной экономикой, особенно Венгрии и Польши. Делегация Министерства здравоохранения КНР и Госкомитета по развитию и реформам, побывавшая в этих странах, нашла там немало полезного, особенно в определении отношений лечебных учреждений с государством и рынком. Прежде всего, констатировалось, что, при всей своей политической и экономической ориентации на Европу, к распространению рыночных отношений и приватизации на здравоохранение эти страны подходят очень осторожно. Если в экономике уровень приватизации очень высок, то полностью приватизированных больниц очень мало. В Венгрии после длительной

дискуссии отказались от приватизации фонда социального страхования. Главным звеном реформы в Польше и Венгрии стало создание независимых общенародных фондов медицинского страхования. В Польше такой фонд получает средства главным образом от государства и предприятий и распространяет свои услуги на всех членов семьи лица, имеющего медицинскую страховку. Лечебные учреждения получают средства не непосредственно из государственного бюджета, но по контрактам с фондом медицинского страхования, в соответствии с проделанной работой. Этот метод, по мнению руководителя китайской делегации, является приемлемым и для Китая³³.

Наиболее взвешенный подход китайских исследователей к соотношению функций государства и рынка в здравоохранении сводится к тому, что правительство должно выполнять следующие основные функции³⁴. Во-первых, необходимо создать всеобъемлющую систему медицинского страхования с использованием различных его форм — обязательных и добровольных. Для этого только в городах расходы должны возрасти в четыре раза. В настоящее время никакой медицинской страховки нет у 44,8% городских жителей и у 79% жителей села. Особенно велика доля лиц, не имеющих медицинской страховки у населения с низкими доходами, и при этом она постоянно растет. В 1993 г. примерно 50% городской бедноты не имели медицинской страховки, в 1998 г. — 72%, а в 2003 г. — 76%³⁵. Во-вторых, государство должно, выступая в роли покупателя, ограничить повышение стоимости медицинских услуг. В-третьих, государству нужно планировать создание системы первичной медицинской помощи. Наконец, в-четвертых, перед государством стоит задача контроля за функционированием рынка, условиями труда медицинских работников, количеством, качеством, безопасностью и стоимостью оказываемых населению медицинских услуг.

Образование

Общественные расходы на образование в Китае составили в 2005 г. только 2,79% ВВП, т.е. примерно на уровне 1999 г. и даже ниже, чем в 2003 и 2004 гг. Первоначально китайское правительство планировало достичь показателя в 4% еще в 9-й пятилетке, но эта задача не была выполнена и в следующей пятилетке. В развитых странах доля образовательных расходов в ВВП превышает 6%. В Индии в 2000 г. она составляла 3,9%, в Малайзии — 4,1%, в Бразилии — 5,1%. Таиланд преодолел четырехпроцентную планку еще в 90-х годах. Рост бюджетных расходов на образование составляет все меньшую часть совокупных общественных расходов на эту сферу, что говорит о все более тяжелой ноше, которую несут общество и семья. По охвату образованием детей школьного возраста Китай занимает 108-е место в мире. Этот охват особенно низок в некоторых северо-западных и юго-западных провинциях страны, где он в ряде случаев не достигает уровня 1953 года.

Стоимость услуг в образовании и здравоохранении не включается в Китае в индекс розничных цен (CPI), периодически публикуемый Государственным статистическим управлением. Соответственно скромная динамика этого индекса не показывает быстрого удорожания социальных услуг. Согласно данным исследования, проведенного Дальневосточной компанией исследований рынка и консультаций по менеджменту “Линдянь” (FZERO), в 8 крупных и 7 малых городах и прилегающих деревнях, от 40 до 50% респондентов объясняют свои материальные затруднения высокими тратами на обучение детей. В период с октября 2004 г. по октябрь 2005 г. расходы на образование в деревне составили 32,6% семейных бюджетов, в крупных и средних городах — 25,9%, в малых городах и поселках — 23,3%³⁶. Высокая стоимость образования препятствует получению молодыми людьми необходимой общеобразовательной и профессиональной подготовки и обрекает их на низкий социальный статус и низ-

кие заработки, что, в свою очередь, усугубляет общественную дифференциацию и подрывает общественную стабильность.

Высока стоимость учебы в вузах. В Цинхайском педагогическом университете ежегодные расходы студента превышают 7 000 юаней, в т.ч. 3000 юаней составляет плата за обучение, еще 3000 юаней — минимальные расходы на жизнеобеспечение, 800 юаней — на общежитие, 400 юаней — на учебники³⁷. В других, более развитых провинциях расценки значительно более высокие.

В области образования, как и в здравоохранении, в течение всего 2005 года и в 2006 году среди специалистов и общественности шли дискуссии по поводу существующих проблем и путей их решения. В конце июня 2005 г. представила результаты своих трехлетних исследований специализированная рабочая группа. Основные ее выводы сводились к тому, что за время 10-й пятилетки еще более увеличились различия в образовании, которые в ряде отношений превышают различия экономические. Очень часто они связаны с собственно образовательной политикой, которая недостаточно учитывает происходящие в обществе перемены и требования общественного развития и тем самым усугубляет социальное неравенство. Наиболее резкие различия — между городом и деревней, между развитыми и отсталыми регионами, между элитными, т.н. "опорными" (*чжундянь*) учебными заведениями, где обучаются дети богатых или занимающих высокие посты родителей, и обычными школами³⁸.

Одним из важных требований многих участников дискуссии по проблемам образования стало пресечение дальнейшей коммерциализации этой сферы. Как отмечается в одной из статей, "слепое следование западной модели коммерциализации образования при отсутствии соответствующих условий может привести к тому, что очень большая часть населения, не имея материальных возможностей получить образование, будет снова попадать в порочный круг прогрессирующей бедности"³⁹.

Особое внимание уделяется бесплатности образования, которой придается принципиальное, политическое значение. Утверждается, что взимание платы за обучение ведет к тому, что ограниченные образовательные ресурсы страны все больше концентрируются в руках богатых, а бедные лишаются единственного шанса и права на развитие, что еще более усиливает социальную несправедливость. Предлагается сделать бесплатным обучение в государственных вузах или, по меньшей мере, вернуться к политике 80-х годов прошлого века, когда сельской молодежи и детям из городских семей с нестабильными доходами полностью оплачивалась стоимость обучения⁴⁰.

В дискуссии, однако, звучат и противоположные голоса. Так, профессор Чжан Вэймин полагает, что плату за обучение в вузах нужно не снижать, а, напротив, повышать, а затем в определенной пропорции выделять часть средств на помощь нуждающимся студентам. С его точки зрения, в высшем образовании в Китае надо следовать американской системе, вводить механизм конкуренции и устранять государственный контроль⁴¹.

Большую озабоченность общества и специалистов вызывает состояние образования в сельских районах. В 2002 г. деревня, где сосредоточено 60% населения страны, получила лишь 23% расходов на образование. Соответственно на одного ученика средней школы в деревне приходится в 3,5 меньше средств, чем в городе.

Основную часть расходов на обязательное школьное образование в деревне должны нести уездные и волостные власти, но во многих случаях, особенно в бедных районах, они не располагают для этого необходимыми средствами. В 2000 г. на долю уездных и волостных органов власти приходилось только 22% консолидированного бюджета страны и 87% расходов на обязательное образование. Поэтому основная ноша по поддержанию школ фактически

ложится на семьи учащихся. Поскольку они не всегда ее выдерживают, большая часть детей вынуждена прекращать учебу. По данным выборочного обследования 17 сельских школ первой ступени в 6 провинциях, отсев учащихся достигает в среднем 43%, а в наиболее тяжелых случаях — даже 74,4%⁴². Это намного выше порога в 3%, который установлен программой распространения десятилетнего образования.

Велика уценка учителей из села, особенно из окраин и отсталых горных районов. Из-за нехватки кадров часто одному учителю приходится вести занятия по многим предметам, получая за это от нескольких десятков до двухсот юаней в месяц. Немало сельских учителей относится к числу слабых групп населения.

По мнению ряда экспертов, дальнейшее увеличение расходов на бесплатное обязательное образование в деревне должны покрывать, главным образом, центральные и провинциальные власти, что вполне для них посильно. Об этом говорит, например, тот факт, что бесплатное обязательное образование существует в большинстве развивающихся стран Азии, включая Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Бангладеш, Непал, где ВВП на душу населения втрое меньше, чем в Китае. Доходы центрального бюджета за последние годы многократно возросли, но его доля в расходах на обязательное образование составляет лишь 8%⁴³.

Согласно объявленной правительством программе, государство в 2007 г. освободит сельские семьи, испытывающие материальные трудности, от уплаты двух видов платежей за обязательное образование и будет давать дотации на проживание детей в общежитиях. К 2010 г. правительство намерено добиться полного осуществления бесплатного обязательного образования в сельских районах по всей стране, а к 2015 г. завершить его распространение по всей стране.

Проект новой редакции Закона об обязательном образовании запрещает преобразование государственных учебных заведений обязательного обучения в негосударственные. Последние не могут использовать бюджетные средства, а также наименования, учительский персонал и оборудование государственных школ. При приеме учащихся в учебные заведения обязательного образования запрещается вводить экзамены.

* * *

Смена модели экономического роста тесно связана с проблемами, целями и перспективами развития китайского общества. Поэтому все три рассмотренных выше аспекта этого процесса не только взаимосвязаны, но и неотделимы от таких важнейших направлений общественно-исторического движения Китая, как его модернизация, индустриализация и урбанизация.

Изменить механизм экономического роста и преимущественно экспортную ориентацию экономики невозможно без создания мощного внутреннего рынка, без кардинального расширения потребительского спроса в стране. Это, в свою очередь, требует многократного увеличения доходов основной массы населения, которую составляет крестьянство. Но совершенно очевидно, что до тех пор, пока главным источником дохода этой основной массы остается сельское хозяйство, принципиальных изменений здесь произойти не может, просто в силу ограниченности той земельной площади, к которой может быть приложен крестьянский труд. Следовательно, ключом к переменам здесь служит переход многомиллионных масс сельских жителей в неаграрные сферы деятельности.

Этот переход вносит и будет вносить дальнейшие изменения не только в смену механизмов экономического роста, но и во взаимоотношения основных субъектов рынка, и в их воздействие на социальную сферу. Справиться с гигантской задачей обеспечения занятости нарастающих потоков сельской рабо-

чей силы в обрабатывающую промышленность и сектор услуг невозможно без развития хозяйственной самостоятельности самих этих масс, без максимально широкого использования для этой цели негосударственного капитала и негосударственной инициативы.

Столь же необходимы и решительные перемены в системах социального обеспечения и страхования, образования и здравоохранения. Только такие перемены могут закрепить и подкрепить производительную и потребительскую активность вчерашних жителей деревни, обеспечив им подлинно равноправный экономический и гражданский статус и придав им тем самым уверенность в своем будущем и будущем своих детей. Только такие перемены способны утвердить подлинно новую модель экономического роста и общественного развития, отвечающую требованиям нашего и будущего времени, требованиям экономики и цивилизации знаний. Только такие перемены создадут новую легитимность дальнейшим реформ, массовую базу их поддержки.

Все это требует дальнейших преобразований во всех областях жизнедеятельности общества и государства, в их взаимодействии и, далеко не в последнюю очередь, в политико-административной сфере.

1. Бэйцзин сяндай шанбао. 2006. 2 марта.
2. Сюй Линь, Цзян Дэцзэн. Тичжэнь сяофэй шоучжи юй сянью гоминь шоуужу фэнпэй гэцзюй [Активизацию потребления сдерживает существующий порядок распределения национального дохода] // Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 18 апреля.
3. У Цзинлянь чэн WTO годужи хоу вого цзян мяньлин цзюйда цзиньжун фэнъянь [У Цзинлянь утверждает, что после переходного периода членства в WTO Китай столкнется с крупными финансовыми рисками] // Чжунхуа гуншан шибао. 2006. 18 апреля.
4. Синьхуа шэ. 2004. 7 июня
5. Ян Лянмин. Цзянькан тоуцзы [Здоровые инвестиции] // Чжунго цзинцзи шибао. 2004. 15 июня.
6. У Цзинлянь чэн ...
7. Цю Сяохуа. Цзиньянь GDP цзэнчжан цзян да 9% дифан тоуцзы чундун жэн цунь [Рост ВВП в текущем году составит 9%, инвестиционный натиск на местах по-прежнему существует] // Ди и цайцзин жибао. 2006. 5 апреля.
8. Синьхуа. 2005. 19 декабря
9. Дэнь Цзинвэнь. Гао цзэнчжан ди цзюе суюань [Истоки высокого роста и низкой занятости] // Гоцзи цзиньжун бао. 2006. 18 февраля.
10. Сюй Линь, Цзян Дэцзэн. Указ. соч.
11. Жэньминь жибао. 2005. 13 апреля.
12. Чжэн Синьли. Тоуцзы цзегоу бэйли фачжань чжаньлюе ши данцянь цзинцзи юньсин чжун ды тучу маодунь [Противостояние структуры инвестиций стратегии развития — выдающееся противоречие современного функционирования экономики] // Чжунго цзинцзи шибао. 2004. 17 июня.
13. Цю Сяохуа...
14. Се Баокан. Дуй “ши у” ды фаньсы сюньчжао Чжунго цзинцзи фачжань ды пинхэндянь. [Размышления о “десятой пятилетке”. В поисках точки равновесия китайской экономики] // Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 3 марта.
15. Сюй Линь, Цзян Дэцзэн. Указ. соч.
16. Суньцзюй пинхэн дянь: Чжунго яо сюехуй хуа цянй Мэйго яо сюе цунь цянй [Стремиться к точке равновесия: Китай должен научиться тратить деньги, США должны учиться хранить деньги] // <http://finance.people.com.cn/GB/42773/4185889.html>
17. Цайцзин. 2005. 5 октября.
18. Ван Мэнкуй. Цзай кода кайфан чжун моу фачжань [Думать о развитии при расширении открытости] // Жэньминь жибао хайвань бань. 2006. 28 марта.
19. Жэньминь жибао. 2006. 16 апреля.

20. Пэй Чанхун, Линь Цзян. Чжуаньбянь чукоу маои цзэнчжан фанши [Изменить способ роста экспортной торговли] // Жэньминь жибао. 2006. 8 февраля.
21. <http://business.sohu.com/20050129/n224155106.shtml>
22. Как заметил в шутку один из участников дискуссии по проблемам стратегии экономического развития Китая, состоявшейся в Пекинском университете в начале 2005 г., "сегодня пролетарии всех стран объединяются, чтобы противостоять дешевым китайским товарам". <http://business.sohu.com/20050129/n224155106.shtml>
23. Сунь Липин. Кода нэйсюй ды гэньбэнь цзай фу минь бу ши гули сяофэй [Корень расширения внутреннего спроса в обогащении народа, а не в стимулировании потребления] // Ди и цзинци жибао. 2006. 17 марта.
24. Сяокан. 2006. № 3.
25. Дунфан ван. 2006. 20 февраля.
26. Лян Чжунтан. Вого иляо вэйшэн гайгэ чжун ды исе цзибэнь вэньти ды таньси. [Анализ некоторых основных проблем реформы здравоохранения в Китае] // Чжунго синчжэн гуаньли. 2006. № 4. С. 32-33.
27. Ли Цзяньгэ: Чжэнь мянь фаньсы гайгэ 27 нянь вомэнь дао ди сян сюэ шэммо? [Ответить на прямой вопрос: чему мы хотим научиться за 27 лет реформ] // Ди и цзинци жибао. 2006. 2 марта.
28. Синь цзин бао. 2005. 9 сентября.
29. Лу Цзяньцюнь. И гай 20 нянь, лу цзай хэ фан? [20 лет реформы здравоохранения, куда ведет дорога?] // Шидай чао. 2005. № 18; Чжунго циннянь бао. 2005. 13 декабря.
30. Чжунго циннянь бао. 2005. 13 декабря.
31. Чжунго циннянь бао. 2005. 23 декабря.
32. Чжунго циннянь бао. 2005. 13 декабря.
33. 21 шицзи цзинци баодао. 2005. 26 сентября.
34. Гу Синь. Цзоусян ю гуаньли ды шичанхуа. [Идти путем управляемой маркетинга]. http://news.xinhuanet.com/newmedia/2005-10/12/content_3608533
35. Чжунго циннянь бао. 2005. 23 декабря.
36. Чжунго циннянь бао. 2006. 8 февраля.
37. Чжунго цинци шибао. 2005. 28 декабря.
38. Чжунго циннянь бао. 2005. 27 июня
39. Чжан Сяохун, Чэнь Наньтун. Туйсин мяньфэй цзяюй цзэнцян миньцзу цзинчжэнли [Продвигать бесплатное образование, укреплять конкурентоспособность нации] // Чжунго цинци шибао. 2006. 10 апреля.
40. Там же.
41. Шанхай чжэнцюаньбао. 2006. 27 апреля.
42. Ян Дунпин. Цзяюй: цзай чжэнлунь чжун чжуань сян гунпин фачжань [Образование: в дискуссии повернуться к равноправному развитию] // Чжунго цинци шибао. 2005. 29 декабря
43. Там же.

Выступления Лан Сяньпина и дискуссия о реформе государственных предприятий в КНР (2004-2005 гг.)

© 2006

О. Борох

После смены в 2002-2003 годах высшего руководства КНР внутри страны активизировалось обсуждение темы соотношения экономической эффективности и социальной справедливости. Власти стали чаще и настойчивее призывать к заботе об интересах малоимущих и уменьшению разрыва между богатством и бедностью. На фоне новых ориентиров в политике реформ в 2004-2005 годах среди китайских экономистов разгорелись споры о непрозрачных схемах приватизации государственного имущества, используемых управленцами госпредприятий. Критические выступления по поводу "разграбления" народной собственности вызвали в обществе большой интерес, что способствовало вовлечению в дискуссию новых участников.

Первоначально в центре внимания находилась узкая проблема законности приобретения менеджерами госпредприятий контрольного пакета акций своей компании. Дискуссия началась с проблем "менеджерского выкупа" (МВО, сокр. от англ. management buyout), но критическое обсуждение проблем реформирования госпредприятий переросло в масштабные дебаты о социальной справедливости и о направлении экономической реформы в целом. К профессиональному экономическому спору присоединились желающие высказаться в защиту интересов слабых социальных групп, лишенных доступа к дележке государственной собственности. Участие историков, юристов и социологов придало дискуссии междисциплинарный характер.

Благодаря Интернету спор о "менеджерских выкупах" попал в поле зрения широких слоев китайского общества. По официальным данным, число пользователей Интернета в КНР к лету 2005 года превысило 100 млн человек. Эта образованная и сравнительно обеспеченная социальная группа проявила внимание к проблемам МВО в том числе и по причине личного экономического интереса. За годы реформ среди китайцев сформировалось массовое увлечение игрой на фондовом рынке, благодаря чему внутри страны появилось много мелких акционеров.

Инициатором дискуссии стал профессор Китайского университета в Гонконге Лан Сяньпин (Larry Lang). Он родился в 1956 году на Тайване в семье бежавшего с материка военного, закончил экономический факультет Университета Дунхай. В середине 1980-х он уехал в США и получил докторскую степень бизнес-школы Вортон при Пенсильванском университете. В 1994 г. Лан Сяньпин покинул Америку и стал профессором Китайского университета в Гонконге, где приобрел известность как опытный специалист по фондовым

рынкам и корпоративному управлению. В начале 2000-х годов он подключился к изучению проблем фондового рынка КНР и выступил с предложениями по защите прав мелких акционеров, которые дали профессору уважительное прозвище “контролер Лан”.

Летом 2004 года Лан Сяньпин опубликовал серию статей, в которых показал, какими путями государственная собственность переходит в частные руки в ходе реформирования предприятий. Объектом его критики стали три известные компании — “Хайэр” (производство бытовой техники), “ТСЛ” (электроника) и “Гринкул” (хладагенты). Оказалось, что эти предприятия, считавшиеся в Китае образцом реформирования и пользовавшиеся благосклонностью властей и СМИ, использовали непрозрачные схемы для превращения государственного имущества в частное. Из проведенного Лан Сяньпином анализа следовало, что крупные китайские компании наносят ущерб интересам государства и мелких акционеров. Но на этот раз выступление ученого не ограничивалось защитой мелких держателей акций. Лан Сяньпин поставил под вопрос проводимую местными властями политику реформирования прав собственности, направленную на “уход государства и привлечение частного” (*go туй минь цзинь*). Разоблачительные выступления Лан Сяньпина были посвящены рассмотрению конкретных примеров незаконной концентрации акций в руках высшего менеджмента, размывания акционерной доли государства, покупки по заниженной цене акций госпредприятий сторонними инвесторами, сумевшими договориться с местными властями.

Публикации вызвали большой общественный резонанс, дав начало “спору об МВО”. Бурная реакция на публикации Лан Сяньпина связана и с его особым местом в среде китайских интеллектуалов — он этнический китаец, но не с материка. Тайваньский, американский и гонконгский опыт позволяет ученому видеть проблемы Китая глазами выходца из “свободного мира” рыночной экономики, солидная профессиональная подготовка внушает доверие к его анализу финансовой отчетности проблемных компаний. При этом Лан Сяньпин не включен в сложившиеся связи внутри китайского научного сообщества, он не зависит от властей, а его научные взгляды сформировались за пределами китайского идеологического пространства и содержащихся в нем деклараций о главенстве общественной собственности.

Многие зарубежные эксперты либерального толка советуют Китаю ускорить разгосударствление собственности. Однако Лан Сяньпин рекомендовал затормозить этот процесс. Ученый заявил об ошибочности применяемых в Китае методов реформирования госпредприятий с помощью инструментов МВО. Он предупредил, что подобные преобразования при отсутствии необходимых институтов и контроля приведут к тому, что госимущество утечет в частные руки по неадекватно низкой цене. Лан Сяньпин не только призвал воздержаться от передачи крупных госкомпаний в частные руки, но и выступил против “мифа” о неизлечимой неэффективности госпредприятий. Подлинная проблема, по его мнению, состоит в отсутствии контроля над менеджментом. Лан Сяньпин предложил нанимать управленцев для госпредприятий на рынке труда. При этом менеджеров следует награждать или наказывать в зависимости от результатов их деятельности в соответствии с четкими правилами и законами.

Ученый быстро обрел всекитайскую известность. По итогам 2004 года еженедельник “Ляован синьвэнь чжоукань” причислил Лан Сяньпина к десяти фигурам, вызвавшим наибольшее общественное внимание¹. По итогам Интернет-опросов Лан Сяньпин вошел в десятку наиболее популярных китайских экономистов 2005 года². В беседах со СМИ ученый не скрывал, что стремится к известности и ему нравится быть “звездой”. Хотя подобные заявления создали предлог для упреков в личной нескромности, в выступлениях Лан Сяньпина содержится убедительное для широких слоев общества моральное основание, связанное с борьбой за восстановление социальной справедливости.

Призывы Лан Сяньпина защитить государственную собственность от стремящихся присвоить ее менеджеров нашли глубокий эмоциональный отклик в обществе. На фоне попыток китайских властей усилить социальную составляющую реформ эти выступления выглядели еще более веско. Ведь если имущество государства перейдет в руки менеджеров, это будет несправедливо по отношению к тем, кто не имеет доступа к дежке собственности.

В 1990-е годы власть не поощряла интеллектуальную элиту к критическому обсуждению избранного курса рыночных реформ, опасаясь, что сторонники традиционной модели социализма используют подобное обсуждение для продвижения своей точки зрения. Однако быстрое имущественное расслоение и накопление социальных противоречий создали условия для возобновления дискуссии о пути китайских реформ. Возникло понимание того, что монопольное положение негласно санкционированных властью в 1990-е годы либеральных экономических постулатов может сделать реформы однобокими и повредить интересам устойчивого развития страны. Китайские исследователи считают спор вокруг МВО “крупной схваткой в китайских идейных кругах в начале XXI века”, которая “окажет влияние на содержание, методы и направление следующего этапа реформы предприятий и, как следствие, на реформы и развитие китайской экономики и общества”³.

Критика в адрес Лан Сяньпина и аргументы в пользу продолжения реформ

Многие китайские эксперты восприняли позицию Лан Сяньпина неодобрительно, полагая, что призывы ученого остановить реформу госпредприятий выдают его недостаточное знание китайской реальности и недооценку возможных потерь от осуществления этого шага. Отдельные защитники “менеджерских выкупов” даже поставили вопрос о недопустимости вмешательства чужаков в китайские реформы, осудив Лан Сяньпина за то, что он берется обсуждать проблемы, не касающиеся его лично⁴.

В августе 2004 года на научной конференции по проблемам реформирования государственного сектора экономики заместитель директора Института предприятий Центра исследований развития при Госсовете КНР Чжан Вэнькуй подверг критике призывы Лан Сяньпина прекратить реформу прав собственности на госпредприятиях. По его мнению, остановка реформы нанесет народу еще больший ущерб, чем ее продолжение, поэтому надо лишь сосредоточить усилия на упорядочении процесса передачи госсобственности управленцам. Чжан Вэнькуй сказал, что не является приверженцем менеджерских выкупов, признав, что механизм МВО зачастую используется для приобретения госактивов по низкой цене. Однако в Китае долгое время царил уравниловка и топ-менеджеры государственных предприятий не получали достойного вознаграждения, и потому предоставление им преимуществ в покупке акций вполне “разумно”⁵.

Представляющий “основное течение” китайской экономической мысли профессор Чжан Вэйин отметил, что условия для ведения бизнеса в стране становятся все лучше. Вместе с тем он признал, что общественное мнение относится к предпринимателям все хуже, а развитие частных предприятий все чаще рассматривают как результат разграбления госимущества. Но Чжан Вэйин уверен, что уход государства из сферы экономики и его замещение частным предпринимательством представляет собой процесс создания богатства, а не его передела. Продажа госпредприятий в частные руки не обязательно означает, что государство окажется в убытке, поскольку сделка может быть взаимовыгодной. Поэтому у него вызывает опасения ситуация, когда некоторые ученые, объединившись с массами, “под флагом научной свободы, защиты госимущества, защиты прав мелких и средних акционеров, всеми силами отрица-

ют реформу госпредприятий последних десяти лет, реформу системы прав собственности, отрицают [роль] отряда наших предпринимателей”⁶.

Представители “господствующего течения” осудили Лан Сяньпина за попытку перейти от анализа действий менеджеров трех известных компаний к отрицанию реформы прав собственности в масштабах всей страны. Критики Лан Сяньпина отмечали, что включение КНР в мировую экономику требует повышения конкурентоспособности, но в этом отношении главные надежды можно возлагать лишь на негосударственный сектор. Они напоминали, что в 90-е годы в Китае уже была безуспешная попытка усовершенствовать систему управления на госпредприятиях, но по своей эффективности госпредприятия так и не сравнялись с частными. Утечка госимущества в ходе реформ действительно происходит, но с этим нужно смириться как с неизбежной платой за ускорение перехода от старой экономической системы к новой. Защитники приватизации с помощью инструментов МВО образно сравнили госимущество с мороженым в жаркий летний день — чем ждать, пока оно растает и пропадет, лучше поскорее подарить его другим людям⁷.

Критики Лан Сяньпина подчеркивали, что ставшие предметом спора инструменты МВО успешно применяются во всем мире. Однако в отношении современного Китая этот аргумент представляется натянутым. Страна находится в уникальной ситуации перехода от плана к рынку в условиях авторитаризма, когда из-за политических ограничений и несовершенства правовых институтов общество не имеет возможности контролировать ход распродажи госактивов. При этом менеджеры китайских госпредприятий не занимаются на рынке, как это происходит на Западе, а являются государственными чиновниками. Они получают большие права при отсутствии эффективного механизма контроля над использованием этих прав. Поэтому в китайских условиях МВО часто используется как средство превращения власти в личный финансовый капитал.

С другой стороны, эксперты обоснованно отмечают, что большая часть китайских государственных и коллективных предприятий проигрывает при работе в конкурентных отраслях. Сумевшая выжить и добиться успеха корпорация “Хайэр” во главе с талантливым лидером Чжан Жуймином является завидным исключением. Поэтому предложения о достойном вознаграждении успешных менеджеров представляется вполне разумными. Переход акций в их руки выглядит как увод госактивов, однако признание заслуг людей, сумевших создать эти активы, также не противоречит принципам справедливости. Вместе с тем на госпредприятиях, действующих в монополизированных секторах экономики КНР, результаты хозяйствования практически не связаны с усилиями менеджеров. И в этих сферах применение МВО представляется излишним и необоснованным⁸.

“Спор об МВО” приобрел особый смысл в контексте политики Ху Цзиньтао, ориентированной на преодоление противоречий между бедными и богатыми. Один из критиков Лан Сяньпина прямо указал на связь дискуссии с новыми акцентами китайских властей. Он отметил, что выступление Лан Сяньпина “соответствовало основополагающей политике государства, которая состоит в заботе о слабых группах”, благодаря чему оно “вызвало широкий отклик различных общественных слоев”⁹.

Опросы, проведенные популярными информационно-поисковыми порталами китайского Интернета “Сина” и “Соху”, показали, что люди не поддерживают курс на менеджерскую приватизацию. После критического выступления Чжан Вэйина на его стороне были лишь 10% опрошенных, остальные 90% солидаризовались с позицией Лан Сяньпина¹⁰.

Голоса в защиту справедливости: выступления в поддержку Лан Сяньпина

Китайская реакция на выступления Лан Сяньпина выявила объективно существующий идейно-мировоззренческий водораздел между “неолибералами” и “новыми левыми”. Претендующие на статус “основного течения” в реформаторской идеологии КНР “неолибералы” осудили Лан Сяньпина за пренебрежение проблемой эффективности. “Новые левые” удостоили его похвалы за внимание к вопросам справедливости.

Известный выразитель взглядов “новых левых” Цзо Дапэй (Институт экономики АОН Китая), заявил, что выводы Лан Сяньпина правильны, тогда как реформа прав собственности на госпредприятиях на деле представляет собой раздел имущества государства небольшой кучкой людей. “Я хочу ударить в набат во имя китайского народа: имущество народа и его будущее в опасности! В Китае не только появилось много “предпринимателей” наподобие российского Ходорковского, к нам идут опасные люди, похожие на итальянского премьера Берлускони! Они хотят не только разграбить общенародное богатство, но и заполучить политическую власть, что станет угрозой для любой современной демократии. Мы стоим не только перед реальным капитализмом, но и перед самым коррумпированным черным капитализмом, где чиновники состоят в сговоре с бизнесом, обладающие властью и богатством владеют всем. Нам нужны не только китайский Путин и серьезная борьба с богатыми, обогатившимися на разграблении народа. Надо по-настоящему рассчитаться с теми, кто грабит народное имущество под предлогом “реформы системы”, с коррумпированными чиновниками, которые проталкивают капитализм для власти и знати, с теми, кто сознательно поддерживает разграбление общественного богатства. Нельзя больше терпеть их грабительские преступления, надо вернуть назад народное имущество, вернуть народную власть!”¹¹

Использование МВО при реформе госпредприятий Цзо Дапэй назвал ошибкой. Высмеивая позицию неолибералов, он сравнил менеджеров с домработницей, присваивающей имущество семьи. “Младший член семьи говорит: “Надо наказать эту домработницу, уволить ее или сдать в полицию”. Старший отвечает: “Неправильно, вы такие глупые, у вас нет опыта. Почему работница ворует? Это происходит потому, что вещи в нашем доме не принадлежат ей. Чтобы решить проблему, надо отдать ей домашние вещи”. Люди, которые сейчас говорят у нас о реформе госпредприятий, придерживаются такой логики”¹².

Лан Сяньпина поддержал известный историк Цинь Хуэй из университета Цинхуа, относящийся к лагерю либеральной интеллигенции. Еще в 1990-е годы Цинь Хуэй писал, что в современном Китае “кто владеет ложкой, тому лично принадлежит и большой котел”. В ходе спора об МВО он отметил, что все чаще звучащие в КНР призывы к защите частной собственности — явление хорошее. Однако нельзя защищать незаконно приватизированное госимущество или поощрять нанесение вреда общественной собственности. Центральная проблема, по мнению Цинь Хуэя, состоит в том, что “хозяин” не может сдерживать своих “слуг”, позволяя “домработнице” беспрепятственно забирать свое имущество¹³.

На сторону Лан Сяньпина встали экономисты, которых объединило неодобрительное отношение к неолиберальной идеологии реформ. По мнению директора Нанкинского института экономики Ли Биньяня, “в последние годы уклон в сторону приватизации при реформировании госпредприятий стал очевидным”. Желая получить последний “бесплатный завтрак”, некоторые правительственные чиновники на местах, менеджеры госпредприятий, хозяева частных предприятий вместе включились в разграбление государственного имущества¹⁴.

В сентябре 2004 года в СМИ и Интернете появилось заявление десяти экономистов, поддержавших сомнения Лан Сяньпина в относительно распространен-

ной в КНР теории прав собственности и осудивших практику перевода госимущества в частные руки. Примечательно, что многие из них (профессор Шанхайского финансово-экономического университета Чэн Эньфу, профессор шанхайского университета Тунци Гу Юйминь, профессор Шанхайского института финансов Чжоу Чжаогуан) выступили в 2002-2003 годах с критикой известного на материке гонконгского либерального экономиста Чжан Учана, осудив его за попытку увести китайские преобразования в "ошибочном направлении"¹⁵.

В заявлении десяти экономистов отмечалось, что сводить все проблемы страны к правам собственности опасно, и потому надо различать два типа реформ. С одной стороны, есть взгляд на реформу и открытость социалистической направленности под руководством теории Дэн Сяопина и теории "тройного представительства" — то есть официальные установки КПК. С другой стороны, имеются неолиберальные представления о реформе и "вашингтонский консенсус". Экономисты заявили, что Китаю важно преодолеть влияние неолиберализма. Предложения об уходе государства из всех конкурентных отраслей ошибочны, они противоречат партийным установкам о сохранении главенствующей роли общественной собственности в многоукладной экономике. Они предупредили, что пропаганда покупки менеджерами акций своих предприятий приведет КНР к приватизации еще более несправедливой, чем в России. По их мнению, ошибочно не только использование МВО, но и разрешение частным предприятиям и предприятиям с иностранным капиталом покупать государственные¹⁶.

Влияние дискуссии на политику реформ

В конце 2004 года журнал "Чжунго гайгэ" отмечал, что дискуссия может оказать влияние на ход реформы госпредприятий и реформы в целом. Дело Лан Сяньпина стало катализатором для появления документов, регламентирующих порядок реформ на госпредприятиях. "В этом самом оживленном спектакле 2004 года люди также научились трезво относиться к СМИ, к научным звездам, к настроениям масс, к игре интересов, неизбежно возникающей в идущем к многообразию обществе"¹⁷.

Высокая общественная значимость дискуссии побудила высказаться многих известных ученых-обществоведов. Часть из них попыталась занять нейтральную позицию, не высказывая ни поддержки, ни критики в адрес Лан Сяньпина. Авторитетный экономист У Цзинлянь (Центр исследований развития при Госсовете КНР) заметил, что главное в реформе прав собственности — это правовая система, выступив тем самым в русле официально провозглашенного в КНР курса на построение правового государства. У Цзинлянь не поддержал предложение Лан Сяньпина остановить реформирование госпредприятий. Вместе с тем он признал, что проблема утечки имущества госпредприятий существует и для противодействия этим негативным явлениям нужно добиваться соблюдения закона. Хотя ранее сам У Цзинлянь не раз выражал обеспокоенность в связи с этой проблемой, ученый призвал видеть разницу между его умеренной позицией и более радикальными предложениями Лан Сяньпина¹⁸.

На обсуждение проблемы реформирования государственной собственности отреагировал известный экономист Фань Ган (Пекинский институт экономических исследований). Выступая на совещании по вопросам макроэкономического контроля в октябре 2004 года, ученый отметил, что "в отношении государственных активов в Китае ни в коем случае нельзя проводить приватизацию российского типа, но неприемлемо и уравнильное распределение. Однако некоторые обвинения в адрес реформы прав собственности на государственных предприятиях основаны на поверхностном знании преобразований системы прав собственности и исторического процесса реформы экономической системы в Китае и делаются лишь в угоду определенным настроениям в обществе"¹⁹. Это высказывание авторитетного ученого было воспринято в экономичес-

ких кругах КНР как косвенный неодобрительный отклик на критические заявления Лан Сяньпина.

В споре также принял участие социолог Сунь Липин (Университета Цинхуа), который приобрел известность после публикации исследований, указывающих на углубление “раскола” между различными группами китайского общества. Ученый признал, что с 1990-х годов в процессе рыночного перехода в КНР обостряется напряжение между социально-экономической системой свободного рынка и требованиями реализации принципа социальной справедливости. По мнению Сунь Липина, в современной идеологической ситуации очень легко связать конкретную проблему увода госактивов с “большим направлением” проводимых в Китае реформ и возложить вину на либерализм. Однако идеологическое противостояние зачастую скрывает суть проблемы. В современном Китае к утечке госимущества ведет не только один рынок, и не только одна власть, а рынок и власть одновременно. Проблема социальной справедливости, являющаяся ключевым вопросом в споре либералов и новых левых, полагает Сунь Липин, также порождена в КНР совместно властью и рынком ²⁰.

Формулируя свой взгляд на проблему, ученые принимали во внимание и социально ориентированную политику Ху Цзиньтао. Влиятельный экономист Лю Гогуан отметил, что выдвинутая новым китайским руководством задача построения “гармоничного социалистического общества” не может быть реализована без адекватного урегулирования отношений между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Он позитивно оценил “спор об МВО” как вклад в обсуждение этой проблемы ²¹.

Профессор Лю Гогуан отметил, что дискуссия повлияла на принятие решений о дальнейшей реформе госпредприятий. Проведенное Комитетом по контролю и управлению государственным имуществом расследование выявило крупномасштабную утечку госимущества в ходе менеджерских выкупов. С 2005 года крупным госпредприятиям было запрещено передавать управляющим права на госимущество, а средним и малым предприятиям позволялось это делать только под строгим контролем соответствующих ведомств. По мнению Лю Гогуана, это решение можно рассматривать как отклик власти на мнение общества. “В целом в итоге этой дискуссии, как с точки зрения общественного мнения, так и принятия решений, на весах эффективности и справедливости была увеличена доля справедливости и немного скорректирован прежний односторонний уклон [в сторону эффективности]”, — заключил Лю Гогуан ²².

В январе 2006 года Комитет по контролю и управлению государственным имуществом издал новое постановление, разрешающее руководству крупных госпредприятий иметь акции предприятия, находящегося под их управлением, в случае проведения дополнительной эмиссии. Снятие запрета было направлено на то, чтобы стимулировать менеджеров к повышению качества управления предприятиями. Отмечалось, что акциями госпредприятий могут владеть только те менеджеры, которые внесли значительный вклад в развитие компании, обязаны своим нынешним положением успехами в конкурентной борьбе, а не назначению сверху. Вместе с тем, в соответствии с новым постановлением, менеджеры будут по-прежнему не вправе владеть контрольными пакетами акций этих предприятий ²³.

“Спор Лан Сяньпина с Гу Чуцзюнем” и разоблачение махинаций бизнесмена

В дискуссии о реформировании прав собственности на госпредприятиях наибольшее внимание общества привлек “спор между Ланом и Гу”, то есть между Лан Сяньпином и главой совета директоров холдинга “Гринкул” Гу Чуцзюнем. В августе 2004 года Лан выступил с критикой деятельности компании. В ответ Гу Чуцзюнь выдвинул доводы в свою защиту и даже подал в Гонконге

иск о защите достоинства и деловой репутации. Полемика ученого и бизнесмена привлекла большое внимание СМИ, что способствовало расширению масштабов дискуссии.

В прошлом Гу Чуцзюнь занимался инженерными разработками. В Китае его изобретения не получили признания и в поиске успеха он уехал за границу. В 1989 году Гу Чуцзюнь создал фирму по производству обогревающих устройств в Англии, в 1992 году зарегистрировал собственную компанию в Канаде. В 1995 он вернулся в Китай и основал в Тяньцзине фирму по производству нефторированных хладагентов, в которую инвестировал 50 млн долларов. Готовясь к расширению бизнеса, в 2000 году Гу Чуцзюнь создал оффшорную компанию “Гринкул”. Потом он вывел акции на гонконгскую биржу и начал масштабную скупку предприятий внутри Китая²⁴.

Главным приобретением бизнесмена стала гуандунская компания “Кэлун”, которая входила внутри КНР в четверку лидеров по производству холодильного оборудования. В 2001 году эта компания переживала трудный период, и потому местное правительство решило допустить на “Кэлун” частный капитал. Сначала Гу Чуцзюнь приобрел 20,6% акций компании и стал ее самым крупным акционером, а через год взял “Кэлун” под полный контроль. После “Кэлун” он за три года купил компании “Мэйлин” (производство электроники, г. Хэфэй), “Ясин” (автомобилестроение, г. Янчжоу), “СТ-Сянчжоу” (автомобильные подшипники, г. Сяньян). От имени компании “Кэлун” были приобретены еще несколько госпредприятий, не котирующихся на бирже, а также их торговые марки. За несколько лет бизнесмен скупил половину китайских мощностей по производству холодильников²⁵.

Гу Чуцзюнь обрел репутацию “короля слияний и поглощений” компаний. Он заявил о планах создания “холодильной империи” и попытался воспроизвести опыт концентрации активов в области автомобилестроения. Мало кому известный до 2001 года, бизнесмен быстро обрел славу успешного управленца, способного творить “чудеса” и превращать убыточные предприятия в прибыльные.

Динамичная экспансия “холодильной империи” Гу Чуцзюня удачно подтверждала официальный тезис о высокой эффективности частного бизнеса и необходимости сокращения государственного участия в экономике. В 2001 году, когда Гу Чуцзюнь приобрел “Кэлун”, убытки этой компании составляли более 1,5 млрд юаней (181,16 млн долларов). Однако уже через год после поглощения фирма отчиталась о чистой прибыли в 100 млн юаней (12,08 млн долларов), а в 2003 году — о более чем 200 млн юаней (24,15 млн долларов)²⁶. В 2003-м центральное телевидение CCTV наградило бизнесмена титулом “человека года” в китайской экономике. В 2005 году Гу Чуцзюнь возглавил составленный британским аналитиком Рупертом Хогверфом список пятидесяти наиболее влиятельных китайцев, контролирующих крупные капиталы (*Ху Жунь цзыбэнь кунчжи 50 цян*)²⁷.

Но деятельность Гу Чуцзюня вызывала все больше вопросов. Мало что было известно о содержании его переговоров с местными правительствами о приобретении активов. Эксперты отмечали, что приобретение убыточной компании “Кэлун”, положившее начало строительству “холодильной империи”, было сопряжено с большим риском. Бизнесмен имеет право рисковать своим капиталом, однако осталось неясным, каким образом после смены собственника компания “Кэлун” в одночасье стала давать прибыль, хотя спрос на производимые товары остался прежним и ситуация на рынке не претерпела больших изменений. И самый сложный вопрос — откуда Гу Чуцзюнь взял деньги, потратив на скупку госпредприятий около миллиарда юаней²⁸?

Лан Сяньпин заявил, что деятельность Гу Чуцзюня была построена на умелом использовании политической линии на “удаление государства из конкурентных отраслей”. При покупке предприятий Гу Чуцзюнь использовал одну и ту же модель. Для каждого приобретения он создавал частную компанию,

в которой ему принадлежало 100% капитала. Это давало возможность снизить риски и сделать бизнес менее прозрачным. Каждую новую фирму в "системе "Гринкул"" можно было выводить на рынок по отдельности без раскрытия общего финансового баланса по всему бизнесу. Объектами поглощения всякий раз становились госкомпании, обладавшие сходными характеристиками: их акции котировались на фондовых биржах, предприятия переживали экономические трудности, но обладали достаточно известной торговой маркой. Поскольку центральные власти дали указание "уходить из бизнеса", на местах торопились избавиться от таких предприятий побыстрее, что давало возможность заплатить за них подешевле. При этом Гу Чуцзюнь интересовался лишь теми предприятиями, которые имели хорошую производственную базу и налаженный рынок сбыта. При покупке он закулисно договаривался с крупными акционерами (ими были местные власти), после чего все убытки падали на долю мелких и средних акционеров. По мнению Лан Сяньпина, деньги на покупку предприятий Гу Чуцзюнь брал не из своих капиталов, а из достаточно крупных средств компании "Кэлун"²⁹.

В 2004 году Лан Сяньпин открыто заявил, что прибыли холдинга "Гринкул" построены на манипуляциях с отчетностью и сокрытии реальных убытков. На следующий год, в апреле 2005-го, "Кэлун" объявил, что в четвертом квартале 2004 года убытки составили более 60 млн юаней (7,23 млн долларов). Эти показатели заметно отличались от предыдущего отчета компании о чистой прибыли в 200 млн юаней (24 млн долларов), полученной за первые три квартала 2004 года³⁰, а также от оптимистических отчетов за 2002-2003 годы. Китайский Комитет по надзору за ценными бумагами объявил, что Гу Чуцзюнь нарушил закон о ценных бумагах, фальсифицировал прибыль, занижал издержки и использовал другие махинации. Расследование финансовой отчетности "Кэлун" привело летом 2005 года к возбуждению уголовных дел против главы компании Гу Чуцзюня и еще нескольких высших руководителей.

Арест Гу Чуцзюня засвидетельствовал моральную победу Лан Сяньпина в споре о путях реформирования государственной собственности в КНР. Гу Чуцзюнь был единственным предпринимателем, принявшим участие в дискуссии и попытавшимся представить свои контраргументы. Хотя бизнесмены являются в этом споре заинтересованной стороной, в ходе дальнейших обсуждений их голоса так и не прозвучали.

Внутри Китая молчание деловых кругов объясняют по-разному. Возможно, предприниматели просто слишком заняты делом, чтобы участвовать в дебатах по столь широким и общим темам. Одновременно высказывались предположения, что молчание было сознательным выбором предпринимателей, отдающих себе отчет в том, что в наши дни китайское общество настроено против бизнеса. На этом фоне аргументы предпринимателей в пользу передачи госимущества в их руки заведомо не будут услышаны. Более того, их воспримут и истолкуют лишь как дополнительное подтверждение "грабительской" природы формирующегося китайского капитализма.

Падение общественного авторитета китайских экономистов

Арест Гу Чуцзюня стал в глазах общества весомым аргументом, подтверждающим правоту Лан Сяньпина. В начале "спора Лана и Гу" многие экономисты "основного направления" выступили в поддержку бизнесмена. Превращение истории об образцовом предпринимателе в уголовное дело повлияло на уровень авторитета защитников реформы прав собственности.

Стороннему наблюдателю волна критики, направленная против китайских экономистов, может показаться чрезмерно суровой. Однако следует учитывать, что обвинения в адрес ученых зачастую скрывают за собой недовольство политикой властей. Во второй половине 2005 года в Интернете появились

многочисленные выступления против экономистов “основного направления”, полемизировавших с Лан Сяньпином. Китайские авторы полагают, что голоса недовольных отражают реакцию общества на рост разрыва между богатыми и бедными. Другим побудительным мотивом могли стать трудности при поиске работы выпускниками вузов — это молодые люди, активно пользующиеся Интернетом. “Возможно, некоторые считают, что экономисты причастны к разрыву между бедностью и богатством... Кроме того, критика в адрес экономистов не связана с издержками риска. На этом фоне спор Лана и Гу стал детонатором настроений недовольства”³¹.

Завершение спора между Лан Сяньпином и Гу Чуцзюнем спровоцировало рост нападок на экономистов “основного течения”. Отметим, что критики левого толка еще в конце 1990-х выражали свое негативное отношение к представителям “основного направления” в китайской экономической мысли, утверждая, что эти ученые “забыли о народе” и встали на сторону выигравшей от реформ элиты, то есть предпринимателей и чиновников. На уровне неофициальных обсуждений получил распространение тезис о том, что известные экономисты выступают от имени заинтересованных групп. Именно так воспринимаются заявления ученых о том, что богатые предприниматели помогают решить проблему занятости и вносят свой вклад в сокращение разрыва между бедностью и богатством.

Спор вокруг МВО и арест Гу Чуцзюня повысили народное доверие к Лан Сяньпину и понизили популярность ведущих китайских экономистов. В конце 2005 года опрос общественного мнения газеты “Чжунго циньяньбао” и Интернет-опросы показали, что из четырнадцати наиболее известных экономистов более чем 10% доверия масс обладают лишь двое — Лан Сяньпин и У Цзинлянь³². После этого в СМИ и Интернете появились “компрометирующие” списки ученых-экономистов, сотрудничающих с бизнесом. Столь целенаправленная критика в адрес представителей “основного течения” звучит в Китае не так часто. “Чем больше они защищали магнатов из монопольных отраслей, владельцев недвижимости, делающих игру на макроэкономической политике государства, тем ниже становилась степень доверия к ним в обществе”³³.

Ученые, выступившие в защиту экономистов “основного течения”, отмечали, что критики Лан Сяньпина вовсе не пытались отстоять интересы какого-то конкретного бизнесмена. К примеру, Чжан Вэйин спорил с Лан Сяньпином из-за того, что гонконгский экономист на основании нескольких негативных примеров поставил под сомнение всю реформу госсектора в Китае. Однако сторонники продолжения реформы полагают, что выгода от реорганизации госпредприятий значительно превышает издержки. По мнению этих ученых, Чжан Вэйин был прав, назвав критические выступления Лан Сяньпина не научным исследованием, а “наживанием капитала демагогией”. Лан Сяньпин сделал на критике собственный бизнес и проявил себя как хороший “коммерсант”. Он точно определил спрос на критику, способную вызвать выплеск настроений недовольства, и умело использовал в своих интересах обеспокоенность общества расстройством³⁴.

Сторонники реформ отметили, что общественное мнение с готовностью видит в несогласных с Лан Сяньпином противников интересов масс и едва ли не “врагов народа”. Однако против Лан Сяньпина выступили практически все экономисты “основного направления” — Чжан Учан, Чжоу Цижэнь, Чжан Вэйин, Чэнь Чжиу, И Сяньжун, а также многие руководители госпредприятий и листинговых компаний. Трудно себе представить, что все они выдвигали проекты реформы, исходя из своих корыстных побуждений. Почему они выступили против Лан Сяньпина, “не боясь оказаться распятыми на кресте общественного мнения?”³⁵. Критики Лан Сяньпина готовы признать заслугу гонконгского ученого в том, что он “указал на некоторые факты”, однако его выводы о высокой эффективности госпредприятий ошибочны и не могут быть

подняты на высоту теории. Более того, за отказ от рыночных преобразований придется расплачиваться всему народу: “Когда многие с энтузиазмом хвалят Лан Сяньпина, они забывают, что другие явления, против которых они резко выступают — административный монополизм, капитализм для власти и знати и др. — как раз и проистекают из плановой экономической системы, предлагаемой Лан Сяньпином” ³⁶.

В китайских публикациях отмечалось, что рост общественного недовольства экономистами во второй половине 2005 года усилился после того, как власти признали неудачи в области реформы здравоохранения. Известный экономист Лян Сяоминь (Университет Цинхуа) отметил, что критика в адрес его коллег из “основного течения” отражает обеспокоенность людей реальными проблемами — коррупцией, распродажей по низкой цене государственной собственности, неудачами в реформах образования и здравоохранения, пренебрежением интересами низших слоев. “Массы, среди которых накопились настроения недовольства, утратили доверие к элите, обладающей дискурсивной гегемонией, это естественным образом поставило под удар экономистов основного направления, предлагавших реформаторские проекты” ³⁷.

Моральное суждение о реформе и выбор пути преобразований

В китайских публикациях было высказано предположение о том, что большинство людей “смешали правду и неправду” в выступлениях Лан Сяньпина ³⁸. Гонконгский ученый ухватился за реальную и серьезную проблему утечки государственного имущества при реформировании госпредприятий. Этот вопрос заботит массы и непосредственно затрагивает их интересы. Попытки менеджеров и местных чиновников использовать курс на изменение системы прав собственности в целях собственного обогащения зачастую не только непрозрачны, но и незаконны. Поэтому разоблачения Лан Сяньпина попали в цель. Однако гонконгский ученый не сказал, каким образом можно было бы предотвратить растаскивание госактивов, все его предложения сводились к призывам остановить реформу госпредприятий. Так от “правды” был сделан шаг к “неправде”, то есть к отрицанию рыночных реформ. Однако под воздействием эмоций люди не заметили этого и стали рассматривать Лан Сяньпина как “выразителя общественных интересов”, как голос “совести” ³⁹.

Китайский политолог Лю Цзюньнин отмечает, что “спор Лана и Гу” придавал уверенности тем, кто сплотился вокруг Лан Сяньпина — это пострадавшие от реформы госпредприятий, экономисты “неосновного направления”, недовольная молодежь и активные пользователи Интернета. Хотя сторонники нынешних реформ не признали своего поражения, их оппоненты уже считают, что одержали полную моральную победу. Более того, они полагают, что наступил реальный поворот в “искаженной и несправедливой” реформе, предлагаемой экономистами “основного направления” ⁴⁰.

Однако взгляды оппонентов “основного течения” зачастую расходятся и вступают в конфликт между собой, у них нет целостного представления о будущем направлении китайской реформы. Они осуждают сговор чиновников и бизнеса, чиновников и ученых, бизнеса и ученых. Они готовы согласиться в том, что лучше полностью прекратить реформу, чем проводить ее в “искаженном” и несправедливом виде. Лан Сяньпин последовательно призывает остановить реформу госпредприятий, полагая, что они должны оставаться в руках государства. Сторонники Лан Сяньпина уже вынесли свое моральное суждение относительно современной реформы — это “искаженная” и несправедливая реформа, особенно там, где это связано с разделом государственного имущества. И в отношении этого морального суждения лагерь “основного направления” так и не выискал иного мнения, ограничившись словами о том, что реформа необходима.

Лю Цзюньнин отметил, что важно давать реформам моральную оценку, однако эта оценка не имеет никакого отношения к решению таких проблем, как воровство, ибо тут необходимо принимать другие реальные меры. Вынесение морального суждения относительно предшествующего этапа реформ также не может автоматически определить направление последующих преобразований. По мнению ученого, у Китая есть четыре возможных выбора. Первый выбор — это всесторонние, последовательные, справедливые реформы. Второй заключается в проведении частично “искаженных”, часто несправедливых и непоследовательных реформ. Третий вариант избирается в случае, если невозможно реализовать первый и провести справедливые реформы, он сводится к прекращению сегодняшних несправедливых реформ. Четвертый выбор состоит в возврате к прежней дореформенной системе.

По мнению Лю Цзюньнина, первый выбор наиболее предпочтителен, однако у властей нет консенсуса по ряду проблем, нельзя исключать и сопротивления со стороны тех, кто не заинтересован в изменении существующей ситуации. Поэтому первый выбор идеален и неосуществим. Второй выбор уже подвергли отрицанию по моральным соображениям, и, похоже, что еще некоторое время его сторонники не поднимут голову. Третий выбор предусматривает остановку “искаженных” реформ в том случае, если нельзя провести последовательные и справедливые преобразования. Но если реформа не сможет продвигаться вперед, отступление станет неизбежным. В случае, когда сознательно будет избран курс на возвращение к старому, придется уговорить тех, кто получил выгоды от реформ за более чем двадцать лет, что тоже нелегко. Поэтому в нынешних условиях реально можно выбирать лишь между вторым и третьим путями, то есть между продолжением “искаженных” реформ и их прекращением. По мнению Лю Цзюньнина, в этом сейчас состоит самая сложная проблема современного Китая⁴¹.

“Вихрь вокруг Лан Сяньпина” продемонстрировал сложность проблемы реформирования госпредприятий: если преобразования не проводить, то эффективность госпредприятий останется низкой и бремя расходов государства лишь возрастет. Если же проводить реформу при отсутствии необходимых институтов и контроля, продолжится утечка госимущества и, как следствие, будут нарушены принципы социальной справедливости. Нынешние китайские лидеры Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао говорят о необходимости смены модели реформ, проводившейся в предшествующее десятилетие, об исправлении дисбалансов и повышении внимания к интересам слабых групп. Этот курс можно истолковать как попытку двинуться по пути всесторонних, последовательных и справедливых реформ.

“Спор об МВО” обозначил сложный выбор будущего пути развития Китая. Рассудительные сторонники “основного направления” в китайской экономической мысли призывают ставить на первое место эффективность во имя экономического развития. Они полагают, что если материальных благ станет больше, это позволит избежать вспышки народного недовольства. Ради сохранения динамичного роста экономики они готовы согласиться на “нечестность” в ходе преобразований, в том числе и в области реформирования прав собственности на госпредприятиях.

Эмоциональные критики реформ, вдохновленные разоблачениями Лан Сяньпина, превозносят идеи равенства и справедливости. Практическая реализация их идеалов на практике грозит сделать китайскую экономику менее эффективной, к этому может привести и прекращение реформы госпредприятий. Однако временная остановка реформ, вызывающих недовольство и раздражение в обществе, могла бы принести определенный позитивный эффект в виде снижения накала социальных протестов и смягчения последствий имущественного расслоения. Бурная реакция общества на “спор об МВО” уже вынудила власти замедлить темпы разгосударствления собственности.

Рассуждения о возможности возвращения Китая к прежней централизованной плановой системе носят умозрительный характер, поскольку такой путь чреват огромными экономическими потерями. Намного страшнее возможность перерастания "искаженных" и несправедливых реформ в тупиковый путь построения капитализма латиноамериканского типа. Данная угроза более всего тревожит китайские власти и экспертное сообщество. На этом пути в Китае не будет ни эффективности, за которую выступают представители "основного течения", ни социальной справедливости, о которой мечтают современные критики реформ. Вместо этого коррумпированный альянс предпринимателей и чиновников обречет страну на долговременную стагнацию и нестабильность.

Перед лицом реальной опасности "латиноамериканизации" китайской экономики защитники эффективности и сторонники справедливости могут выступать как союзники. Для этого им придется изыскать возможность соединения критики социальных издержек рыночных преобразований с приверженностью курсу на продолжение реформ. В таком случае "спор об МВО" станет стимулом для проведения дальнейших преобразований, а не тормозом на их пути.

1. Ляован синьвэнь чжоукань. 2004. № 52. С. 31.
2. 2005 няньду ши да цзуй шоу гуаньчжу дэ цзинцзисюэчжэ миндань чулу [Обнародован список десяти наиболее популярных экономистов 2005 года] // <http://finance.people.com.cn/GB/1037/3991297.html>
3. Фэйчан цзяофэн. Гоци чаньцюань гайгэ да таолунь шилу [Необычная схватка. Реальные записи большой дискуссии о реформе прав собственности на государственных предприятиях]/Ред. Дэн Юйвэнь. Пекин: Хайян чубаньшэ, 2004. С. 3-4.
4. Представитель "основного направления" в экономической мысли Чжан Вэйин заявил, что Лан Сяньпин не является гражданином Китая, и потому утечка госактивов его не касается. Этот аргумент не убедил противников нынешней модели реформирования госпредприятий. Представитель "новых левых" Цзо Дапэй процитировал фразу из дискуссии в Интернете: "Если я вижу, что воришка крадет чужие вещи, хотя это не касается меня напрямую, даже как посторонний разве я могу не обращать на это внимания?" // Фэйчан цзяофэн. С. 49.
5. Фэйчан цзяофэн. С. 32.
6. Там же. С. 34-35.
7. См.: Лу Чжоулай. Хуэйдао чжэнчжи цзинцзисюэ дэ шидай [Вернуться к эпохе политической экономии] // Ду шу. 2005. № 1. С. 15.
8. Chi Hung Kwan. China In Transition. The Huge Debate over Privatization and MBOs — Can the Drain on State-owned Assets Be Justified? // <http://www.rieti.go.jp/en/china/04091501.html>
9. Ван Вэй. Кэгуань, лишидэ чэнжэнь циэцзя дэ гунсянь [Объективно, исторически признать вклад предпринимателей] // Ду шу. 2005. № 1. С. 25.
10. Фэйчан цзяофэн. С. 206.
11. Там же. С. 48.
12. Цзо Дапэй. Ингай таолунь гэ минбай [Необходимо обсуждать так, чтобы было понятно] // Ду шу. 2005. № 1. С. 13-14.
13. Фэйчан цзяофэн. С. 54-59.
14. Фэйчан цзяофэн. С. 74.
15. См. Борох О. "Феномен Чжан Учана": споры вокруг гонконгского экономиста в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 85-103.
16. Фэйчан цзяофэн. С. 74-78.
17. Чжунго гайгэ. 2004. № 12. С. 5.
18. Фэйчан цзяофэн. С. 62-64.
19. Фань Ган хуэйин "Лан Гу чжи чжэн": гоци чаньцюань гайгэ бу нэн пинцзюнь фэньпэй [Фань Ган откликнулся на "спор между Ланом и Гу": при реформировании прав собственности на госпредприятиях неприемлемо уравнительное распределение] // Чжунхуа гуншан шибао. 2004. 13 октября // <http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/2915679.html>

20. Фэйчан цзяофэн. С. 65-67.
21. По словам Цзо Дапэя, Лю Гогуан был крайне недоволен критикой в адрес Лан Сяньпина со стороны чиновников из Комитета по контролю и управлению государственным имуществом, призвавших не поднимать шум по поводу утечки активов государства. "Поэтому Лю Гогуан возмущился, говорит, как Комитет по контролю и управлению государственным имуществом может нанимать таких людей? Эти люди призваны защищать государственное имущество" // <http://chinaelections.org>.
22. Лю Гогуан. Цзинь и бу чжунши шэжуэй гунпин вэньти [Еще больше уделять внимание проблеме социальной справедливости] // Цзинцзи цанькаобао. 2005. 19 апреля // <http://theory.people.com.cn/GB/40551/3332319.html>
23. <http://russian.people.com.cn/31518/4054202.html>
24. Подробнее об истории взлета и падения Гу Чуцзюня см.: Фэйчан цзяофэн. С. 7-10, 17-12; Чжан Чаосян, Хуан Мэй. Цзыбэнь юси ваньцзалэ [Игра с капиталами закончилась поражением] // Ляован синьвэнь чжоукань. 2005. № 32 (1121). 2005. С. 32-33; Feng Jianghua. Kelon Comes Tumbling Down // Beijing Review. 2005. № 40 // <http://www.bjreview.com.cn/En-2005/05-40-e/bus-3.htm>.
25. Чжан Чаосян, Хуан Мэй. Указ. соч. С. 32.
26. Feng Jianghua. Op.cit.
27. Чжан Чаосян, Хуан Мэй. Указ. соч. С. 32.
28. Там же.
29. Фэйчан цзяофэн. С. 9-10.
30. Kelon's future at stake as chairman detained // http://english.people.com.cn/200508/02/print20050802_199787.html
31. Гао Сяюан. Чжан Вэйин ма дэ дуй, Лан Сяньпин хуа чжун цюй чун чжэн кэчи [Чжан Вэйин ругал правильно, а то, как Лан Сяньпин наживал капитал демагогией, действительно постыдно] // Синьминь чжоукань. 2005. 17 ноября // <http://finance.people.com.cn/GB/1045/3865369.html>.
32. "Цзинцзисюэцзя" шицью гунсиньли лэ ма?" ["Экономисты" утратили общественное доверие?] // Синь цзинбао. 2005. 22 ноября // <http://theory.people.com.cn/GB/41038/3878464.html>. См. также: <http://finance.people.com.cn/GB/1037/3991297.html>
33. Цинь Сяоин. Ши шуй хайлэ вомэньдэ цзинцзисюэцзя [Кто нанес вред нашим экономистам] // Чжунго цайцзинбао. 2005. 21 ноября // <http://finance.people.com.cn/GB/1045/3874884.html>
34. Гао Сяюан. Указ. соч.
35. Е Тань. Шуй фаньдуй Лан Сяньпин, шуй цзю ши "жэньминь гунди"? [Кто выступит против Лан Сяньпина, тот является "общим врагом народа"?] // Мэйжи цзинцзи синьвэнь. 2006. 6 января // <http://finance.people.com.cn/GB/1045/4003321.html>
36. Там же.
37. Цзинцзисюэчжэ хуэйин синьжэнь вэйцзи. Сюй Сяонянь чэн нули чэнвэй ди люгэ [Экономисты откликаются на кризис доверия. Сюй Сяонянь прилагает усилия, чтобы стать шестым] // Наньфан чжоумо. 2005. 2 декабря // <http://finance.people.com.cn/GB/1045/3909808.html>
38. Шэн Далинь. Цин лисин дуйдай Лан Сяньпин дэ ши фэй [Прошу рационально относиться к правде и неправде Лан Сяньпина] // Чжунго цинняньбао. 2006. 5 января — <http://finance.people.com.cn/GB/1045/3999480.html>
39. Там же.
40. Лю Цзюньнин. Даодэ паньдуань чжихоу: Чжунго гайгэ дэ сыгэ лусян [После вынесения моральных суждений: четыре пути китайской реформы] // Дунсян. 2005. № 10. С. 28.
41. Там же. С. 29.

Внешнеэкономические связи СУАР КНР

© 2006

А. Бондаренко

С изменением в 2000 г. модели экономического роста в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китайской Народной республики все более отчетливо проявляется тенденция ускорения темпов развития, в том числе и в сфере внешней торговли. В 2005 году в СУАР общий объем внешней торговли приблизился к 8 млрд долл. США, увеличившись на 41% по сравнению с 2004 годом¹. В 2004 г. внешнеторговый товарооборот СУАР, увеличившись на 18,2% от данных 2003 г., составил 5,6 млрд долларов. По этому показателю на протяжении нескольких лет СУАР лидирует среди 12 провинций и автономных районов Западного Китая.

Автономный район граничит с 8 государствами: Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Пакистаном, Афганистаном, Индией, Монголией и Россией². Протяженность государственной границы Китая на территории Синьцзяна с соседними государствами составляет 5600 км, из них 2800 км приходится на страны Центральной Азии — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан; граница России с СУАР проходит по территории Республики Алтай и составляет 55 километров, оставшаяся часть разделена между Монголией, Пакистаном, Афганистаном, Индией.

Объем торговли с граничащими 8 государствами составлял порядка 74,4% общего товарооборота СУАР 2004 г³.

На долю автономного района приходится свыше 70% общего объема товарооборота КНР с 5 странами Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан). В 2004 г. внешнеторговый товарооборот КНР со странами ЦА составил 5,83 млрд долларов, из них на товарооборот СУАР пришлось около 4 млрд долларов⁴.

Таблица 1.

Географическая структура внешней торговли СУАР (1999-2004 гг.), млн долл.*

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Всего, в т. ч.:	1765,34	2263,99	1771,48	2691,20	4771,20	5635,63
Россия	89,39	67,56	122,53	215,40	274,53	223,14
Казахстан	926,24	1179,32	903,56	1365,52	2546,13	3286,07
Кыргызстан	131,86	171,37	99,00	153,86	230,94	462,06
Таджикистан	4,87	10,28	7,06	4,75	8,73	30,88
Узбекистан	3,69	9,52	5,55	19,13	37,73	85,76
Туркменистан	0,57	2,43	0,96	9,93	24,72	3,59
Азербайджан	...	0,48	4,56	86,27	152,22	90,50
Пакистан	30,64	21,28	8,73	69,37	255,39	163,15

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Афганистан	0,37	0,02	0,24	0,11	1,27	2,86
Индия	4,10	17,50	1,94	10,97	22,60	10,87
Монголия	5,18	7,11	8,60	4,20	17,00	16,44
Гонконг	102,78	105,27	65,17	66,53	73,14	46,63
Тайвань	7,15	14,73	12,15	56,39	21,84	48,76
Япония	40,85	52,33	53,94	40,73	151,18	89,99
Южная Корея	67,82	105,10	35,12	49,37	46,19	46,76
США	98,23	100,88	130,34	125,80	194,89	228,12
Италия	37,53	86,79	56,02	111,77	143,26	104,09
Германия	48,66	26,17	42,05	54,92	81,26	88,26

*Данные рассчитаны по: Синьцзян туңсузи няньцзянь 2000, 2002, 2003, 2004, 2005 [Статистические ежегодники СУАР КНР 2000, 2002, 2003, 2004, 2005 гг.]. Пекин, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005.

Как видно из таблицы 1. ведущим торговым партнером Синьцзяна на протяжении всего исследуемого периода является Казахстан, причем доля его стабильно увеличивается с 52,5% в 1999 г. до 58,3% в 2004 г. Второе место занимает Кыргызстан — с 7,5% в 1999 г. до 8,2% в 2004 г. Общий объем торговли Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана с СУАР увеличился с 0,6% до чуть более 2% в 1999 и 2004 г. соответственно.

Одной из причин столь тесного торгово-экономического сотрудничества СУАР с Казахстаном является наличие на китайско-казахской границе большей части контрольно-пропускных пунктов СУАР с граничащими странами. К 2005 г. на территории Синьцзяна действовало 27 контрольно-пропускных пункта, из них на границах с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией насчитывалось 13 КПП первой категории (2 — использовали воздушный транспорт, остальные 11 — железнодорожный и/или автодорожный транспорт). Из 11 указанных КПП, 7 — действовали на китайско-казахской границе, 3 — на китайско-киргизской границе и 1 КПП работал на китайско-таджикской границе⁵.

Нельзя не упомянуть об одном из КПП на китайско-казахской границе — Алашанькоу — единственном в Западном Китае железно- и автодорожный контрольно-пропускном пункте первой государственной категории, уже 8 лет подряд занимающим второе место по грузообороту среди подобных китайских КПП. Строительство КПП, расположенного на границе с Казахстаном на трассе древнего “Шелкового пути”, началось в июне 1990 года. В декабре 1992 года состоялось его официальное открытие. К концу 2004 года через КПП прошли 45,73 млн тонн грузов, сбор таможенных пошлин составил 11,54 млрд юаней, объем торговли — более 11 млрд долл США⁶. В настоящее время Алашанькоу — это место, через которое проходят свыше 80% всех грузов автономного района, направляемых через 17 КПП первой категории⁷. Также стоит отметить и удобное географическое местоположение — они в отличие от пунктов на границах с другими странами (например, КПП на китайско-пакистанской границе, некоторые КПП на китайско-монгольской границе⁸). Кроме того, китайско-казахские КПП могут работать круглогодично, благодаря благоприятным климатическим и погодным условиям.

Во внешней торговле СУАР КНР с соседними государствами отмечается значительное ускорение и увеличение темпов сотрудничества, чему также способствует и открытие новых контрольно-пропускных пунктов. Так, в конце декабря 2005 г. была проведена церемония открытия государственного КПП второй категории — “Хуочэтоу” в г. Урумчи. Через КПП площадью свыше 140

му (более 9,3 га. — А. Б.), станет возможным перевозить товары прямо в Москву, Новосибирск, Астану, и другие города мира⁹.

Говоря о торговом взаимодействии с Россией, следует обратить внимание на статистические данные, согласно которым доля страны во внешнеторговом товарообороте СУАР уменьшилась с 5% в 1999 г. до 4% в 2004 г. По нашему мнению, это связано с отсутствием прямого транспортного коридора, который соединил бы Россию и Китай (минуя территории Казахстана и Монголии) в районе перевала Бецу-Канас на участке китайско-российской границы. В настоящее время большая часть товаров, идущих из Китая в Россию и обратно растаможиваются на территории Казахстана и следуют далее оформленные уже как казахский груз, что приводит к значительному уменьшению данных о российско-китайской торговле.

В решении данного вопроса наметились некоторые изменения. Так, в соответствии с опубликованной в феврале 2006 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе региональной программы социально-экономического развития на 11-ю пятилетку (2006 — 2010 гг.), в СУАР поставлена задача в ближайшие годы получить санкцию высших инстанций на открытие контрольно-пропускного пункта “Канас” на западном участке китайско-российской границы. План открытия КПП “Канас” можно считать “дополнением” к проекту стыковки автомагистрали, которая свяжет Сибирский федеральный округ РФ и СУАР. До этого, в июле 2005 г., вице-премьер правительства Республики Алтай Юрий Ангарадонов и председатель Синьцзянского комитета Народного политического консультативного совета Китая Асахам Керимбай в г. Горно-Алтайск подписали протокол о совместном строительстве 260-километровой автотрассы, напрямую соединяющей Китай и Россию через Алтай¹⁰. В настоящее время в Синьцзяне ведется интенсивная подготовка к подаче заявки на открытие КПП. Таким образом, КПП “Канас” может стать первым в Северо-Западном Китае на западном участке китайско-российской границы. Это позволит в будущем увеличить торгово-экономическое присутствие обеих стран, а также снизить стоимость китайских товаров на сумму до 30% за счет снижения транспортных и таможенных издержек.

На фоне внешнеторгового товарооборота СУАР КНР с другими соседними государствами объем сотрудничества с Россией можно считать довольно значительным. Так, внешняя торговля СУАР с тремя странами — Пакистаном, Индией, Афганистаном — исчислялась 2% в 1999 г. с увеличением до 3,1% в 2004 г. Доля Монголии неизменно составляет 0,3%, возможными причинами такой “консервации” экономического сотрудничества может выступать слабое развитие экономики Монголии, а также отсутствие природных ресурсов, которые Китай мог бы импортировать из Монголии.

Помимо рассмотренных выше государств-соседей СУАР КНР, оставшаяся часть внешнеторгового товарооборота СУАР КНР (25,6%) приходится на страны-партнеры дальнего зарубежья, среди которых наиболее важными являются США (4,1%), Италия (1,8%).

Синьцзян установил торгово-экономические связи с более чем 120 странами и районами¹¹, однако основными торговыми партнерами СУАР являются страны и территории, указанные в таблице 1. В процентном исчислении их доля составляет порядка 90% (90,6% в 1999 г. и 89,2% в 2004 г.). Данные цифры говорят о стабильно успешном развитии торгово-экономических связей Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР с граничащими государствами и, прежде всего, с Казахстаном.

Таблица 2.
Структура экспорта-импорта внешней торговли СУАР (1999-2004 гг.),
млн долл.*

	1999 г.		2000 г.		2001 г.	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Всего, в т.ч.:	1027,43	737,91	1204,1	1059,9	668,49	1103
Россия	29,11	60,28	18,32	49,33	32,99	89,54
Казахстан	463,59	462,65	508,87	670,45	208,4	695,16
Узбекистан	2,37	1,32	5,4	4,12	3,44	2,11
Кыргызстан	99,89	31,97	104,38	66,99	56,9	42,1
Таджикистан	1,98	2,89	5,15	5,13	3,49	3,57
Туркменистан	0,39	0,18	0,44	1,99	0,01	0,95
Азербайджан	0,03	0,45	4,26	0,3
Пакистан	27,24	3,4	14,89	6,39	5,9	2,83
Афганистан	0,37	0,02	0,22	0,02
Индия	3,5	0,6	16,54	0,96	1,87	0,07
Монголия	3,09	2,09	3,8	3,31	5,46	3,14
Гонконг	101,55	1,23	104,98	0,29	64,79	0,38
Тайвань	5,7	1,45	11,52	3,21	8,28	3,87
Япония	34,24	6,61	37,64	14,69	25,7	28,24
Южная Корея	66,34	1,48	89,37	15,73	33,02	2,1
США	48,53	49,7	48,98	51,9	59,03	71,31
Италия	8,69	28,84	15,96	70,83	39,9	16,12
Германия	10,83	37,83	10,18	15,99	16,59	25,46

	2002 г.		2003 г.		2004 г.	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Всего, в т.ч.:	1308,5	1383,4	2542,2	2229,8	3046,6	2589,1
Россия	47,18	168,22	54,6	219,93	47,89	175,25
Казахстан	441,91	923,61	1272,9	1273,2	1781,7	1504,4
Узбекистан	17,1	2,03	7,99	29,74	16,48	69,28
Кыргызстан	99,5	54,36	162,66	68,28	357,71	104,35
Таджикистан	0,98	3,77	3,29	5,44	22,64	8,24
Туркменистан	9,68	0,25	23,97	0,75	2,36	1,23
Азербайджан	86,27	...	152,22	...	90,46	0,04
Пакистан	66,56	2,81	250,67	4,72	161,59	1,56
Афганистан	0,11	...	1,27	...	2,86	...
Индия	5,89	5,08	7,69	14,91	3,25	7,62
Монголия	3,08	1,12	4,83	3,95	9,64	6,8
Гонконг	66,4	0,13	71,94	1,2	45,96	0,67
Тайвань	51,23	5,16	5,67	16,17	4,51	44,45
Япония	28,38	12,35	41,76	109,42	56,64	33,35
Южная Корея	45,71	3,66	30,29	15,9	21,6	25,16
США	75,95	49,85	106,85	88,04	103,87	124,25
Италия	79,74	32,03	75,4	67,86	43,93	60,16
Германия	19,3	35,62	23,56	57,7	19,78	68,48

* Данные рассчитаны по: Синьцзян туңгизи няньцзянь 2000, 2002, 2003, 2004, 2005 [Статистические ежегодники СУАР КНР 2000, 2002, 2003, 2004, 2005 гг.]. Пекин, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005.

За прошедшие 6 лет с 1999 г. по 2004 г. изменились и объемы экспортно-импортных операций. Помимо того, что экспорт и импорт товаров увеличился в 3 и 3,5 раза соответственно, в процентном соотношении экспорт доминирует над импортом, в 1999 г. он составлял 58% с некоторым уменьшением до 54% к 2004 г. (см. таблицу 2), за исключением данных 2001 г., когда импорт составлял 62,3% общего объема товарооборота.

Таблица 3.

Товарная структура экспорта СУАР (1999-2004 гг.), млн долл., доля в%*

	1999 г.		2000 г.		2001 г.	
	млн долл.	доля в%	млн долл.	доля в%	млн долл.	доля в%
Экспорт всего, в т. ч.:	1027,43	100	1204,08	100	668,49	100
Сырье и сырьевые товары всего, в т.ч.	230,43	22,4	360,02	30	221,52	33
Продовольствие, живой скот	70,43	6,9	71,28	5,9	126,73	19
Сырье, кроме продовольственного назначения	140,31	13,7	255,54	21,2	59,97	9
Минеральное топливо, смазочные материалы	11,82	1,2	23,44	2	26,38	4
Прочие	7,87	0,8	9,76	0,9	8,44	1,3
Промышленные товары всего, в т. ч.:	797	77,6	844,06	70	446,97	67
Прочие (смешанные товары)	519	50,5	483,08	40,1	156,82	23,5
Товары легкой и текстильной пром-ти, резинотехнические товары, продукция горнодобывающей и металлургической промышленности	208,92	20,3	255,4	21,2	140,99	21,1
Машины и оборудование	30,51	3	65,95	5,5	99,28	14,9
Химическая продукция	38,24	3,7	39,1	3,3	49,88	7,5

	2002 г.		2003 г.		2004 г.	
	млн долл.	доля в%	млн долл.	доля в%	млн долл.	доля в%
Экспорт всего, в т. ч.:	1308,49	100	2542,21	100	3046,58	100
Сырье и сырьевые товары всего, в т.ч.	402,28	30,7	357,39	14,1	377,09	12,4
Продовольствие, живой скот	200,68	15,3	229,24	9	237,35	7,8
Сырье, кроме продовольственного назначения	173,38	13,3	90,36	3,6	41,76	1,4
Минеральное топливо, смазочные материалы	23,34	1,8	32,7	1,3	93,4	3,1
Прочие	4,88	0,3	5,09	0,2	4,58	0,1
Промышленные товары всего, в т. ч.:	906,21	69,3	2184,82	85,9	2669,49	87,6
Прочие (смешанные товары)	558,27	42,7	1583,55	62,3	1974,43	64,8
Товары легкой и текстильной пром-ти, резинотехнические товары, продукция горнодобывающей и металлургической промышленности	191,12	14,6	342,8	13,5	408,33	13,4
Машины и оборудование	107,6	8,2	163,74	6,4	172,85	5,7
Химическая продукция	48,35	3,7	94,67	3,7	113,88	3,7

* Данные рассчитаны по: Синьцзян туңсузи няньцзянь 2000, 2002, 2003, 2004, 2005. [Статистические ежегодники СУАР КНР 2000, 2002, 2003, 2004, 2005 гг.]. Пекин, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005.

Таблица 4.

Товарная структура импорта СУАР (1999-2004 гг.), млн долл., доля в %*

	1999 г.		2000 г.		2001 г.	
	млн долл.	доля в %	млн долл.	доля в %	млн долл.	доля в %
Импорт всего, в т.ч.:	737,91	100	1059,91	100	1103	100
Сырье и сырьевые товары всего, в т.ч.	286,43	38,8	465,02	43,9	382,95	34,7
Сырье, кроме продовольственного назначения	272,95	37	450,18	42,5	347,66	31,5
Продовольствие, живой скот	9,55	1,3	10,53	1	27,3	2,5
Минеральное топливо, смазочные материалы	2,75	0,4	2,96	0,3	6,8	0,6
Прочие	1,18	0,2	1,35	0,1	1,19	0,1
Промышленные товары всего, в т.ч.:	451,48	61,2	594,89	56,1	720,05	65,3
Товары легкой и текстильной пром-ти, резинотехнические товары, продукция горнодобывающей и металлургической промышленности	235,18	31,9	350,16	33	461,24	41,8
Машины и оборудование	126,4	17,1	165,41	15,6	161,59	14,7
Химическая продукция	76,44	10,4	59,91	5,7	70,33	6,4
Прочие	13,46	1,8	19,41	1,8	26,89	2,4

	2002 г.		2003 г.		2004 г.	
	млн долл.	доля в %	млн долл.	доля в %	млн долл.	доля в %
Импорт всего, в т.ч.:	1383,37	100	2229,77	100	2589,05	100
Сырье и сырьевые товары всего, в т.ч.	287,82	20,8	417,29	18,7	705,35	27,2
Сырье, кроме продовольственного назначения	241,97	17,5	336,15	15,1	593,19	23
Продовольствие, живой скот	17,36	1,3	25,5	1,1	5,31	0,2
Минеральное топливо, смазочные материалы	28,08	2	55,57	2,5	106	4,1
Прочие	0,41	0,03	0,07	0,003	0,85	0,03
Промышленные товары всего, в т.ч.:	1095,55	79,2	1812,48	81,3	1883,7	72,8
Товары легкой и текстильной пром-ти, резинотехнические товары, продукция горнодобывающей и металлургической промышленности	864,02	62,5	1337,56	60	1363,4	52,7
Машины и оборудование	141,58	10,2	335,79	15,1	279,14	10,8
Химическая продукция	71,27	5,2	109,87	4,9	201,95	7,8
Прочие	18,68	1,4	29,26	1,3	39,21	1,5

* Данные рассчитаны по: Синьцзян тунцзи няньцзянь 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005 [Статистические ежегодники СУАР КНР 2000, 2002, 2003, 2004, 2005 гг.]. Пекин, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005.

В структуре экспорта СУАР (см. таблицу 3) на протяжении всего периода доминировали поставки промышленных товаров, из которых основной статьей экспорта являлись смешанные товары (увеличение доли с 50,5% от общего

объема экспорта в 1999 г. до 64,8% в 2004 г.), причем экспорт товаров легкой и текстильной промышленности, резинотехнических товаров, продукции горнодобывающей и металлургической промышленности уменьшился с 20,3% в 1999 г до 13, 4% в 2004 г. Это связано с увеличивающимся спросом на продукцию горнодобывающей и металлургической промышленности в самом Китае и перенаправлением ее поставок в восточнокитайские, приморские провинции.

Импортная составляющая товарооборота СУАР представлена двумя группами товаров: 1) сырье и сырьевые товары и 2) промышленные товары. Объем поставок последних существенно выше сырьевых товаров, причем с ежегодным увеличением (с 61,2% в 1999 г. до 72,8% в 2004 г.) (см. таблицу 4). Среди второй группы доминируют товары легкой и текстильной промышленности, резинотехнические товары, продукция горнодобывающей и металлургической промышленности.

Таблица 5.

Экспорт СУАР по некоторым видам товаров (1999-2004 гг.), млн долл.*

	1999 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Экспорт всего, в т.ч.:	1027,43	668,49	1308,49	2542,21	3046,58
хлопок-сырец	124,76	44,37	157,14	58,53	10,3
х/б пряжа	49,81	49,32	42,9	41,59	23,7
одежда из хлопка	18,08	16,55	6,67	1,59	2,55
бараньи кишки	9,14	7,06	6,75	16,64	19,21
сахар	1,19	0,06	0,06	3,23	0,86
томатная паста	163,44	175,78	174,37
пиво	0,11	0,01
телевизоры	0,6	11,63	14,2	32,19	44,07
ковры	0,37	0,002	0,62	0,48	0,4
мед. материалы	1,46	1,24	1,64	1,97	5,33
кожаная обувь	175,14	15,76	29,5	38,25	371

* Данные рассчитаны по: Синьцзян тунцзи няньцзянь 2000, 2002, 2003, 2004, 2005. [Статистические ежегодники СУАР КНР 2000, 2002, 2003, 2004, 2005 гг.]. Пекин, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005.

В течение исследуемого периода (с 1999 г. по 2004 г.) произошли значительные изменения в экспортно-импортности ориентированности СУАР по видам товаров. Значительно меньше стали экспортироваться такие товары, как хлопок-сырец, хлопчатобумажная пряжа, одежда из хлопка (несмотря на то, что по производству хлопка СУАР занимает 1 место в Китае с объемом около 33% общекитайского производства) (см. таблицу 5).

Однако объем экспорта телевизоров, кожаной обуви, томатной пасты возрос в десятки раз. Индустрия переработки томатов в Синьцзяне имеет годовую мощность 800 тыс. т или 90% общего объема по Китаю. Продукция этой отрасли направляется на экспорт в 40 стран и районов Азии и Европы, а на европейском рынке 70% занимает продукция из СУАР¹².

Что касается экспорта кожаной обуви, то для ее производства импортируется кожа животных из стран Центральной Азии. Примечательно, что обратно в эти же страны из их сырья поступит уже готовая продукция — кожаная обувь. Таким образом, руководством СУАР достигаются две цели: предоставление рабочих мест жителям автономного района и увеличение стоимости товара и получение прибыли за счет изготовления конечного изделия.

Таблица 6.

Импорт СУАР по некоторым видам товаров (1999-2004 гг.), млн долл.*

	1999 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Импорт всего, в т.ч.:	737,91	1103	1383,37	2229,77	2589,05
Шерсть, шерстяное полотно	3,19	7,59	4,55	5,92	2,7
Прокат стали	139,8	131,48	176,04	351,17	242,32
Бумага в рулонах	6,5	0,33	0,09	5,71	0,75
Лес-кругляк	1,82	3,61	6,4	7,92	8,46
Транспортные средства и запчасти к ним	...	5,52	2,3
Ядохимикаты (для с/х)	...	0,67	0,6	0,55	0,47
Удобрения	...	11,82	23,13	19,62	48,89
Сырая нефть	1,69	46,92	85,67
Нефтепродукты	0,22	20,79	35,38
Машинное оборудование	261,38	...
Оборудование для производства пищевых продуктов	21,66	2,25	9,22
Ткацкое оборудование	6,63	24,58	23,98
Мед. оборудование	4,79	10,46	13,24	...	21,36
Кожа животных	14,04	33,52

* Данные рассчитаны по: Синьцзян туңизи няньцзянь 2000, 2002, 2003, 2004, 2005. [Статистические ежегодники СУАР КНР 2000, 2002, 2003, 2004, 2005 гг.]. Пекин, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005.

Импорт СУАР по видам товаров определяется нуждами не только самого автономного района, но и центральными и восточными, наиболее развитыми, провинциями Китая. На сегодняшний день основную потребность Китая в импорте составляют природные ресурсы.

В связи с этим на протяжении последних нескольких лет в структуре импорта СУАР преобладает сырьевая направленность. Главными статьями импорта являются нефть, нефтепродукты, черные и цветные металлы, лес (см. таблицу 6).

В количественном отношении объем импортируемых товаров значительно увеличивается год от года. Так, импорт стали возрос в 145 раз с 7 тыс. тонн в 1999 г. до 1020 тыс. тонн к 2003 г., однако уже на следующий, 2004 год, поставки резко сократились практически в 2 раза до объема 530 тыс. тонн. Импорт сырой нефти составлял 20 тыс. тонн в 1999 г. с увеличением к 2004 г. до 390 тыс. тонн (рост почти в 20 раз); импорт нефтепродуктов равнялся 92 кг в 1999 г. в 2003 г. и 2004 г. поставки составляли уже по 160 тыс. тонн (тысячекратный рост)¹³.

Интересной представляется информация об импорте леса: если в 1999 г. Китай импортировал непосредственно бумагу в рулонах, то есть конечный продукт, то по прошествии 6 лет в импорте СУАР все более преобладает лес-кругляк, то есть товар, требующий дополнительной переработки, а, следовательно, появляются дополнительные рабочие места, на которых производится более дорогой товар.

Что касается основной страны — поставщика в СУАР, то ей, безусловно, является Казахстан. Так, китайский импорт из Казахстана в 2000 г. в основном состоял из двух групп товаров: металлы, составляющие 76,3% общей стоимости импорта, и сырая нефть, объем поставок которой составлял 16%¹⁴. Среди металлов лидировала сталь (32,9% общего объема), медь (22,6%) и алюминий (20,7%)¹⁵ занимали второе и третье места соответственно.

К 2006 г. ситуация не особо изменилась. Казахстан так же поставляет сырье, только в больших количествах и в более организованной форме, благо-

даря созданию совместных китайско-казахстанских предприятий, прокладке трубопроводов из Казахстана в Китай.

В декабре 2005 г. закончено строительство первой очереди нефтепровода Атасу (Казахстан) — Алашанькоу (СУАР КНР), который соединит казахские нефтеносные районы Каспийского моря с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая, и далее нефть потечет уже во внутренние провинции Китая с запада на восток.

Протяженность Атасу—Алашанькоу составляет 962,2 км. Его строительство началось в сентябре 2004 года. Проект реализован совместными усилиями казахской нацкомпании “КазМунайГаз” и китайской CNPC, для чего была создана совместная компания “Казахстанско-китайский трубопровод”. Проектная пропускная способность нефтепровода составит 20 млн тонн в год, в том числе первого этапа — 10 млн тонн в год.

В настоящее время казахстанская нефть, поставляемая в Китай по нефтепроводу Атасу-Алашанькоу, поступает в терминал Синьцзянской корпорации нефтехимической промышленности “Душаньцзы” — приемник казахстанской нефти. Так же интенсивно идет строительство сразу двух объектов — установки по перегонке нефти и по производству этилена, общий объем инвестиций в которые составит 27,2 млрд юаней (около 3, 4 млрд долл США). Эти два объекта как важнейшая составляющая китайско-казахстанского стратегического сотрудничества в области энергетики будут сданы в эксплуатацию в 2008 г. К тому времени их годовые производственные мощности составят 5,5 млн т нефтепродуктов и 1,82 млн т химической продукции, соответственно¹⁶.

Этот трубопровод имеет особое значение и для Казахстана. С чисто экономической точки зрения проект считается особенно выгодным для Казахстана, поскольку Китай занимает второе место в мире после США по потреблению углеводородов. По прогнозам экспертов, доля импорта в потребляемой Китаем нефти возрастет до 50% в 2006 году, а к 2030 году может составить 80%. По данным Всемирного банка, импорт только нефти в 2010 году в Китай составит 200 млн тонн¹⁷.

К казахстанской нефти Китай проявлял интерес давно. Китайская CNPC присутствует в Казахстане уже 8 лет — сначала на казахстанском “Актобемунайгаз”, а в конце октября 2005 г. компания приобрела 100% акций PetroKazakhstan, основными активами которой являются Чимкентский НПЗ (Южно-Казахстанская область) и Кумкольская группа месторождений (Кызыл-Ординская область, юг Казахстана). Что касается Атасу—Алашанькоу, то это вторая часть межгосударственного нефтетранспортного проекта Казахстана и Китая. Первой его частью является введенный весной 2003 года трубопровод Кенкияк—Атырау с пропускной способностью первой очереди в 6 млн тонн нефти в год.

Третьей частью должен стать нефтепровод Кенкияк—Кумколь, который, как предполагается, обеспечит выход нефти с запада Казахстана к границе с Китаем.

Кроме того, Атасу—Алашанькоу — первый казахстанский нефтепровод, который не проходит через территорию России, что объективно снижает зависимость Астаны от политики другого великого соседа. Тем не менее, Казахстан и Китай не намерены оставить Россию в стороне: обе страны рассчитывают на транзит сибирской нефти.

Ответственность за заполнение трубопровода лежит на китайской стороне, и, по данным казахстанских энергетиков, Китай уже ведет соответствующие переговоры¹⁸.

Большинство экспертов убеждены, что строительство нефтепровода в Китай — это пример успешного двустороннего сотрудничества соседних государств, а реализация данного проекта позволит соединить трубопроводные системы трех стран: Казахстана, России и Китая, что станет прочной основой для взаимовыгодного партнерства.

По нашему мнению, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая и дальше будет развивать свое внешнеэкономическое сотрудничество с соседни-

ми странами и территориями, прежде всего, с Казахстаном, импортируя природные ресурсы и сырье для использования и переработки, и экспортируя готовую продукцию. Преимущество географического положения СУАР все более будет использоваться в качестве "безопасного внутреннего сухопутного коридора для транзита энергоресурсов "Запад-Восток"¹⁹ и международной базы экспорта китайских товаров на рынки стран Центральной Азии, России и Восточной Европы.

1. Открылась первая в Синьцзяне зона обработки экспортных товаров <http://russian.people.com.cn/31518/4136663.html>
2. Автор выражает благодарность и признательность Фонду Цзян Цзинго (Chiang Sning-kuo Foundation) за возможность сбора материалов в Британской библиотеке и Библиотеке Колледжа востоковедения и африканистики Лондонского университета.
3. Здесь и далее использована информация, имеющаяся на момент написания статьи.
4. Ван Хай Янь Чжунго Синьцзян юй чжунъя у го цзинмао хэцзо гуаньси дэ хуйгу хэ чжаньван [Развитие и перспективы торгово-экономического сотрудничества пяти государств Центральной Азии и китайского СУАР] // Элосы чжунъя дун оу шичан [Рынок России, Центральной Азии и Восточной Европы]. 2005. № 6. С. 16.
5. Там же. С. 19.
6. 27 КПП содействуют расширению открытости Синьцзяна для внешнего мира" <http://russian.people.com.cn/31518/3718891.html>
7. Ван Хай Янь Чжунго Синьцзян ... С. 19.
8. См., например: Синьцзян Китая/Пресс-Канцелярия Народного правительства СУАР : Учжоу Чуаньбо. Пекин, 1999. С. 89-97.
9. Открытие государственного КПП второй категории "Хуочэтоу" в г. Урумчи <http://russian.people.com.cn/31518/3990995.html>
10. В Синьцзяне готовятся к созданию первого в Китае КПП на западном участке китайско-российской границы <http://russian.people.com.cn/31518/4132296.html>
11. 27 КПП содействуют... <http://russian.people.com.cn/31518/3629930.html>
12. На ответы, касающиеся Синьцзяна, отвечает председатель СУАР Смай Теливард <http://russian.xjts.cn/RUSSIAN/channel15/376/377/200406/07/10970.html>
13. Данные рассчитаны по: Синьцзян тунци няньцзянь 2000,2002,2003,2004, 2005 [Статистические ежегодники СУАР КНР 2000,2002,2003,2004,2005гг.]. Пекин, 2000,2002,2003,2004,2005.
14. Calla Wierner The economy of Xinjiang/ Xinjiang: China's muslim borderland/ed. by S.Frederick Starr. 2004. P.185.
15. Ibid.
16. В Синьцзяне все готово к приему поставок казахстанской нефти <http://www.altaiinter.org/news/?id=10939>
17. Сакен Салимов. Великая китайская труба. Нефтепровод Атасу—Алашанькоу — еще один шаг Казахстана к уменьшению зависимости от России http://www.ng.ru/cis/2005-12-20/5_truba.html
18. Там же. http://www.ng.ru/cis/2005-12-20/5_truba.html
19. Синьцзян станет крупнейшей в Китае базой производства нефти и природного газа и безопасным сухопутным коридором транзита энергоресурсов <http://www.altaiinter.org/news/?id=9659>

Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока России в 1920—1930-е годы

© 2006

Н. Кулинич

Неотъемлемой частью облика российских городов дальневосточного региона сегодня вновь стало присутствие значительного числа китайцев, что заставляет обратиться к прошлому в поисках опыта решения возникающих в связи с этим различных социальных проблем. Наличие значительного числа китайских иммигрантов было одной из важнейших особенностей развития Дальнего Востока России второй половины XIX — первой трети XX вв., отмечавшейся многими исследователями¹. Китайцы, в отличие от корейцев, приезжали на сезонные заработки (максимум на 3-4 года), только 5% их являлись постоянными жителями региона, еще меньше — 2% имели советское гражданство². Документы того времени свидетельствуют: "Китайцы главным образом приходят на заработки, их пребывание здесь носит временный характер, они не имеют семей и составляют случайный элемент"³. Значительная часть китайских иммигрантов становилась жителями дальневосточных городов, внося в их облик и образ жизни специфический колорит. Согласно данным переписи 1926 г., в многонациональном составе городского населения региона китайцев было 41252 человека. Они составляли вторую по численности этническую группу (12,2% общего числа горожан), уступая, хотя и значительно, только русским (68,6%)⁴.

Отсутствие у большинства иммигрантов паспортов, а, следовательно, желание всяческими путями избежать учета, постоянная миграция через слабо охранявшуюся границу не дают возможность точно определить их постоянную численность. Следует отметить, что рассредоточение китайцев по отдельным городам Дальнего Востока России было крайне неравномерным. Больше всего представителей этой национальности было в самом крупном городе региона — Владивостоке, где они составляли практически четверть городского населения. В статье "Европейский город в Азии Владивосток" корейский исследователь Ю Хё Джон привел высказывание В.Конарза, посетившего город в 1920-е гг. "Войдя в здание владивостокского вокзала, ты как бы оказываешься на Востоке — в Китае, так много там китайцев. Воистину Владивосток — китайский город"⁵. В остальных городах представительство китайцев было зна-

Кулинич Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета, г. Владивосток.

чительно скромнее и не превышало 10%. Так, во втором по численности населения дальневосточном городе Благовещенске в середине 1921 г. китайцев было всего 4513 человек, что составляло около 9% общего числа жителей⁴.

Часть китайских иммигрантов была вовлечена в мелкое частное и кустарное производство. По подсчетам исследователя А.Г.Ларина, в начале 1920-х гг. “в категории “хозяева” на долю китайцев приходилось 34,8%”, к 1927 г. их участие в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности региона уменьшилось до 32,8%, но оставалось достаточно высоким⁵. Например, в г. Благовещенске китайцам принадлежало 201 из 664 предприятий, зарегистрированных промышленной переписью 1922 г., что составляло примерно 30,3%. В статистических документах того времени использовался даже специальный термин “китайская промышленность”. Предприятия, принадлежавшие китайским предпринимателям, как правило, сосредотачивались в секторе легкой, пищевой промышленности, в торговле и сфере услуг. Стоимость выпускавшейся продукции одним предприятием не превышала 245 рублей в год. Трудовые коллективы, занятые в китайском производстве, были небольшими и состояли исключительно из китайцев. В среднем на одно китайское предприятие приходилось в 1922 г. — 3,2 человека, в 1923 г. — 3,5 человека. При этом число наемных рабочих в 1923 г. составляло всего 44,6% от общего числа лиц, занятых в китайской промышленности. Основную массу работников китайских предприятий составляли сами их владельцы⁶. Среди китайских кустарей-одиночек было много сапожников, плотников, жестянщиков, стекольщиков, извозчиков, грузчиков, фотографов⁷. Многие занимались огородничеством, добываясь в суровых климатических условиях дальневосточного региона неплохих урожаев, их продукция была хорошо известна горожанам. Корреспондент местной газеты “Тихоокеанская звезда” в 1927 г. описывал, как “целый день плывет по поломанным тротуарам Плюсинки (г.Хабаровск) поток домохозяек, отправившихся по дешевке закупить лука и редиски у китайских зеленщиков”⁸. Известны были горожанам и так называемые “китайские доктора”, занимавшиеся нетрадиционной медицинской практикой⁹. Политика свертывания НЭПа, проводившаяся в конце 1920-х гг., затронула и китайских предпринимателей. У них тоже отнимали собственность, арестовывали и высылали на родину или же — наравне с гражданами СССР — в отдаленные районы Союза¹⁰.

Значительная часть китайских иммигрантов вливалась в состав дальневосточного отряда рабочего класса. В 1920-е гг. они составляли примерно 35% от общего числа городских рабочих¹¹. В 1924 г. 50% трудящихся горнодобывающей промышленности Дальнего Востока были китайцами, а на отдельных предприятиях отрасли китайцы составляли 75%-90% работников¹². На крупнейшем угледобывающем руднике г. Сучана (ныне г. Партизанск) даже на работах, требовавших высокой квалификации, использовался труд китайцев, в 1923/24 хозяйственном году среди забойщиков их было 36,5%¹³. Хотя источники того времени свидетельствовали, что “квалифицированный рабочий-китаец явление сравнительно редкое”. Основную массу китайских иммигрантов составляли те, кто не смог в силу низкой квалификации, слабых знаний, а подчас и физического увечья найти работу у себя на родине. Для них было характерно желание как можно быстрее заработать необходимое количество денег и вернуться домой. Но надежда на получение работы в чужой для иммигрантов стране далеко не всегда оправдывалась. В условиях растущей безработицы первой половины 1920-х гг. им приходилось выдерживать жесткую конкурентную борьбу не только с соотечественниками, но и с более квалифицированными-

ми российскими рабочими. В результате среди китайцев был самый высокий уровень безработицы¹⁷. “Здесь, — писал в 1927 г. корреспондент журнала “Рабочий путь”, — и завязан узел многочисленных страданий китайских рабочих: низкая зарплата, безработица, сползание на положение люмпен-пролетариата, притоны, наконец, дорога мелкого грабежа, суд и ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь. — *Прим. авт.*). Такова жуткая действительность быта китрабочего, не прилепившегося к производству, к работе, шатающегося днями по знаменитой “миллионке” (китайская часть г. Владивостока. — *Прим. авт.*), тоскующего голодной, собачьей тоской и готового на всякое предположение”¹⁸.

Эксплуатация китайских рабочих через подрядчиков, использование особого вида сдельщины уменьшали их заработок по сравнению с русскими рабочими до 50%, что делало применение иностранного труда крайне выгодным для предпринимателей¹⁹. Дешевизна этой рабочей силы, выносливость, неприхотливость, готовность мириться с самыми ужасными условиями труда делали ее весьма привлекательной и для директоров государственных предприятий²⁰, несмотря на более низкую по сравнению с отечественными рабочими производительность труда. В 1927 г. участие всех китайских рабочих в экономике региона выражалось следующими показателями: они составляли 80% всех строительных рабочих, 36,1% — промышленных, 32,7% — сельскохозяйственных, 5,7% — транспортных²¹.

Наличие китайских рабочих давало хозяйственным руководителям возможность своеобразного маневра: их труд использовался в первую очередь в тех отраслях, куда было сложно, в силу тяжелых условий труда и низкой зарплаты, привлечь российских рабочих. Как уже было сказано, они составляли более 50% работников горнодобывающей промышленности, в то время как в более привлекательной профессии металлистов доля китайцев в 1926-1928 гг. не превышала 12,1%²². Возможность для подобного маневра имела и в пределах предприятий одной отрасли. Например, в угледобывающей промышленности Владивостокского округа наиболее тяжелыми условия труда и быта были на Артемовских шахтах, поэтому русские рабочие там не задерживались, вследствие чего китайцы составляли 70-80% всех работников этих шахт²³. Следует отметить, что в 1920-е гг. отношение к китайским рабочим со стороны руководства предприятий было крайне пренебрежительным. Сохранились свидетельства об обращении некоторых из них в краевой отдел труда с ходатайством о том, чтобы на китайских рабочих не распространялся “Кодекс законов о труде”. Часто хозяйственные руководители вопреки существовавшему законодательству отказывались страховать иностранных рабочих²⁴. Но значительно более унижительным было положение китайцев на частных предприятиях, принадлежавших российским предпринимателям. Пользуясь их полным бесправием, хозяева заставляли работать своих китайских работников за мизерную плату, мотивируя это тем, что “китайцу денег много не надо...если ему платить больше, то часть денег он будет отправлять в Китай, а ведь советскому государству не выгодно переправлять за границу валюту”²⁵. Пренебрежительное отношение к иностранным рабочим имело столь глубокие корни, что закрепилось в массовом сознании и нашло отражение в обыденной лексике того времени: китайских рабочих называли не иначе как “желторотые”, “фазаны”, “ходи”²⁶. Это, а также существовавшее неравенство в оплате труда и бытовых условиях между китайскими и российскими рабочими, в 1920-е гг. приводило к случаям открытого противостояния. На IX Дальневосточной крае-

вой партийной конференции (1929 г.) говорилось об одном из наиболее крупных столкновений, произошедшем в г. Сучане (г. Партизанск), где “сотни русских рабочих и китайских шли стенка на стенку из-за издевательств русских рабочих над китайскими”.²⁷

В условиях начавшегося в конце 1920-х гг. ускоренного промышленного развития региона, вызвавшего потребность в значительном притоке рабочих рук, иммиграция населения из сопредельных государств, прежде всего Китая, по-прежнему рассматривалась в качестве одного из важнейших источников пополнения численности дальневосточных рабочих, наряду с плановым завозом работников из центра страны и Сибири. При этом хозяйственным руководителям предприятий казался более предпочтительным приток более дешевых китайских рабочих, согласных довольствоваться самыми примитивными материально-бытовыми условиями. Но при этом они признавали и определенные недостатки данной категории рабочей силы. Производительность труда китайских рабочих, как уже говорилось, была значительно ниже, чем российских²⁸, существовал языковой барьер, кроме того условия их найма год от года усложнялись. Так, например, в 1928 г. местные хозяйственники, вынужденные решать проблему кадров на “свой страх и риск”, попытались вывести группу рабочих из Китая нелегально и, в результате, вошли в конфликт с китайскими властями. Русский представитель был арестован, а помогавшие ему китайцы расстреляны. “Есть опасение, — признавалось руководство треста “Дальзолото” в письме в центр, — что наша вербовка может повлечь некоторые осложнения политического характера”²⁹. Посетившие край в конце 1920-х гг. представители Наркомата труда в докладной записке Совнаркому РСФСР сообщали, что наличие иностранных рабочих (в основном китайцев) являлось моментом, осложнявшим положение в ДВК и поэтому “необходимо постепенно заменить восточный труд”. Предпочтение отдавалось плановому централизованному завозу рабочей силы из центра страны³⁰. В 1929 г. в связи с резким ухудшением советско-китайских отношений, вызванным захватом Китаем принадлежавшей СССР Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), этот источник пополнения дальневосточного отряда рабочего класса практически иссяк, хотя китайцы еще долго составляли определенную часть населения городов Дальнего Востока.

Сокращение численности китайцев происходило и в дальнейшем, хотя и более медленными темпами. Оно было результатом очень высокого уровня смертности, при чрезвычайно низком уровне рождаемости, а также механического оттока. Например, в 1928 г. численность китайского населения г. Владивостока уменьшилась за счет отрицательного естественного прироста на 421 человек и механически убыли из города еще 162 человека. К концу 1920-х гг. несмотря на снижение числа китайцев, Владивосток по-прежнему был “самым китайским” городом советского Дальнего Востока. На 1 января 1929 г. там проживало 21,1 тыс. китайцев, что составляло 18,4% от общего числа жителей³¹. Однако, как отмечалось выше, после событий на КВЖД 1929 г. отток китайцев из пределов дальневосточного региона усилился. Так, в краевом центре г. Хабаровске переписью 1.03.1930 г. было зарегистрировано 4043 лица китайской национальности (6,1% от общей численности горожан)³², а к 1931 г. осталось только 2252 человека (2,9%)³³. Во Владивостоке в 1931 г. проживало всего 14,0 тыс. китайцев (8,7%)³⁴.

Стремясь сохранить свой традиционный жизненный уклад, китайцы предпочитали селиться компактно, замкнутой этнической группой, образуя в черте города один или несколько китайских районов (“китайские слободки”).

Во Владивостоке это — знаменитая “миллионка” на самой окраине, состоявшая из грязных, сырых, темных и холодных лачуг. В каждой комнате такой ночлежки, в страшной тесноте проживало по 20 человек, платя по 2-3 рубля в месяц владельцу лачуги — тоже китайцу. Более обеспеченные снимали жилье в центре города, в районе Пекинской улицы и Семеновского базара. Но и их жилищные условия были немногим лучше. Большие дома, целые кварталы находились в аренде у китайских предпринимателей, сдававших лучшие помещения под торговые нужды, кустарные мастерские, рестораны, харчевни, оставая для сдачи под жилье самые непригодные³⁸. Жилищные и бытовые условия китайцев даже по весьма стесненным меркам дальневосточных городов были “ужасными”, отмечалось делегатами III Хабаровской городской партконференции (1931 г.)³⁹. Часто в жалком жилище — “на чердаке, укрытый неприступным секретным ходом от взоров посторонних” располагался опиумный притон, куда можно было проникнуть только “своим” по приставной лестнице, втаскиваемой за собой курильщиками”. Трубки с опиум выдавал безответный китаец-служитель, который в случае облавы милиции принимал на себя вину и позволял арестовать в надежде, что так “его деньги сохранятся, и ему будут носить передачку в тюрьму”. Очень быстро на его место настоящий владелец подыскивал другую служку, и притон продолжал свою работу⁴⁰. Поэтому, несмотря на систематическую борьбу с опиекурением, истребить этот порок не удавалось. В 1936 г. на партсобрании завода “Дальсельмаш” (г.Хабаровск) член партии Ли-Мин-Дин (здесь и далее имена китайцев даются в старой транскрипции. — *Прим. ред.*) признавал, что в пригородном хозяйстве завода большая часть китайских рабочих — иностранные подданные, они курят опиум, играют в карты⁴¹.

Основную часть китайцев составляли так называемые “одиночки”, семейных практически не было, что являлось главной причиной отрицательного естественного прироста и порождало множество различных социальных проблем. Отсутствие семей объяснялось несколькими факторами. Прежде всего, временным пребыванием на российской территории, тяжелыми жилищными и материальными условиями, общей атмосферой “бытовой неустроенности”. Но самое главное, крайне неблагоприятным соотношением между полами в данной этнической группе. Например, в г. Благовещенске по переписи 1923 г. проживало 2697 мужчин и всего 297 женщин. Основная часть китаянок, в отличие от мужчин, состояла в браке, одиночками были всего 9 женщин, на которых приходилось 2064 неженатых китайцев⁴². Аналогичная ситуация сложилась и в других городах региона. Так в г. Владивостоке, согласно данным статистики, на 1000 мужчин китайцев приходилось всего 88 женщин. Столь неблагоприятное соотношение между полами сохранялось на протяжении всего рассматриваемого периода. В 1929 г. в г. Владивостоке проживало 19,5 тыс. (92,3%) мужчин-китайцев и 1,6 тыс. (7,7%) китаянок⁴³. Поэтому возможности для создания традиционной однонациональной семьи у китайского населения городов региона были крайне незначительные. Случаи же вступления в смешанные браки с представителями других национальностей в 1920-е гг. были крайне редки. Так, например, браков китайцев с русскими женщинами владивостокским городским отделом ЗАГСа в 1926 г. было зарегистрировано 10, в 1927 г. — всего 6⁴⁴. Подобная ситуация заставляла мужчин-китайцев прибегать к услугам проституток, так называемых китайских “гейш”⁴⁵. Не удивительно, что проституция, наряду с опиекурением, стала одним из самых распространенных преступлений среди китайцев.

Однако в 1930-е гг. количество смешанных браков хотя и медленно, но стало увеличиваться. Уже в 1931 г. в г. Владивостоке таких союзов было зарегистрировано 36. Характерно, что, в отличие от российских мужчин, китайцы женились сравнительно поздно. Основная часть женихов (83%) была старше 30 лет, при этом из 36 мужчин 33 вступали в брак впервые, а 3 — уже вторично⁴³. Учитывая тот факт, что китайская культурная традиция не допускала разводов, можно предположить, что и предыдущий брак у них возник и распался уже на российской территории, под влиянием общей атмосферы ослабления крепости семейных союзов. Вероятнее всего реальных браков российских гражданок с представителями китайской диаспоры было больше, просто эти отношения не всегда официально оформлялись, некоторые россиянки предпочитали, как тогда говорилось “жить в сожительстве с восточниками”⁴⁴.

Невозможно выявить и полные данные об уровне рождаемости у представителей китайской национальности. Дело в том, что китайцы далеко не всегда регистрировали родившихся детей в органах ЗАГСа, как этого требовало российское законодательство. В то время как сами органы регистрации актов гражданского состояния в полном объеме регистрировали все смертные случаи, включая “все подобранные трупы на улицах”. В результате возникала искаженная статистика, согласно которой младенцев китайской национальности умирало больше, чем рождалось. Например, в 1924 г. владивостокским городским ЗАГСом был зарегистрирован у китайцев 1 новорожденный и 7 смертей младенцев, в 1925 г. — 6 новорожденных и 28 смертей, в 1927 г. — 24 новорожденных и 25 случаев младенческой смерти. В то время, как по утверждению органов регистрации законодательных актов: “Нет сомнения, что умершие младенцы, если и не все, то, по крайней мере, в подавляющем большинстве родились здесь же, во Владивостоке”⁴⁵. Такое же отношение к правилам регистрации новорожденных китайцы сохраняли и в 1930-е годы. Согласно данным за 1935 г., в г. Владивостоке было зарегистрировано 7 китайских младенцев, а умерло, по официальным данным, 19, в г. Хабаровске зарегистрировано рождение всего 2 детей-китайцев, а умерло 34⁴⁶.

Рассматривая китайцев как неотъемлемую часть населения региона, власть пыталась вовлечь их в осуществлявшееся в стране крупномасштабное культурное строительство. При этом, согласно основным принципам культурной политики СССР, они наряду с представителями других национальных групп подлежали обучению и полной ликвидации неграмотности на родном языке. Но специалистов, знавших восточные языки и способных организовать обучение на этих языках, в регионе практически не было. Поэтому органы народного образования постоянно стояли перед дилеммой: на каком языке ликвидировать неграмотность восточников? Практически полное отсутствие преподавателей, владевших китайским языком, побудило начать обучение на русском. Спустя несколько месяцев китайцы с трудом, но научились читать по-русски, однако, при этом, они “совершенно не понимали прочитанного”⁴⁷. Затея оказалась бессмысленной. Но работа по ликвидации неграмотности китайцев продолжалась. Создавались специальные ликпункты, школы малограмотных, в том числе и на китайском языке. В г. Владивостоке за 1926-1928 гг. было обучено 562 неграмотных и 36 малограмотных китайцев. Однако итоги проделанной работы органами народного образования признавались неудовлетворительными, план обучения удалось выполнить только на 19,5%. Было принято решение усилить работу, обращая особое внимание на первоочередное обучение грамоте членов партии, комсомольцев, советских и кооперативных

активистов китайской национальности. Для этого требовалось организовать подготовку "ликвидаторов" из уже обученных китайцев⁴⁸. Но постоянно сменявшийся контингент китайских рабочих не позволял добиться каких-либо существенных успехов в этом вопросе. Согласно переписи населения 1930 г. в г. Хабаровске было учтено 2146 неграмотных китайцев, что составляло 66,6% общего числа проживавших в городе лиц китайской национальности. В то время, как среди корейцев неграмотных было уже значительно меньше — 36,0%, а среди русских — только 9,5%. Наличие значительного числа неграмотных китайцев снижало среднестатистические показатели по городу до 15,0%⁴⁹, что естественно вызывало большие нарекания в адрес органов народного образования, вынужденных тратить значительные усилия и финансовые средства⁵⁰ на борьбу с неграмотностью китайского населения.

Так как большинство неграмотных китайцев относилось к самодеятельному населению, их обучение проходило преимущественно на городских предприятиях, где создавались специальные ликпункты. Например, на Дальзаводе г. Владивостока только за 1932 г. было обучено 95 неграмотных и 66 малограмотных китайцев⁵¹. Одновременно шло и обучение детей-китайцев, несмотря на то, что их число в составе городских жителей было крайне незначительно. В 1926/27 учебном году в г. Благовещенске при Ленинской школе I ступени была организована китайская детская группа на 40 человек⁵². В г. Владивостоке была создана китайская школа I ступени⁵³. Для подготовки национальных кадров педагогов в городе было организовано китайское отделение рабфака пединститута, где в 1932 г. обучалось 11 китайских рабочих Дальзавода (г. Владивосток)⁵⁴. Издавались газеты на китайском языке, включая и многотиражки. В городах Приморья существовали китайские театры и даже один китайский кинотеатр⁵⁵. Все это способствовало поднятию общего уровня культуры и закреплению успехов в деле ликвидации неграмотности среди китайского населения. Но постоянная смена иммигрантов приводила к необходимости каждый раз решать проблему заново.

Наличие значительного контингента китайцев ставило местные партийные и государственные органы в сложное положение. Указания партии требовали подвергнуть их "политической обработке", воспользовавшись кратким пребыванием в стране. Китайских рабочих активно "вербовали" в члены профсоюза, комсомол и даже в партию⁵⁶. Но эффект от подобной политики был невелик. На IV пленуме Далькрайсовпрофа китайский делегат Лям-Па-Ди вынужден был признать, что "часть китайских рабочих не знает даже — существует ли в России республика или монархия"⁵⁷. Большим осложнением в политико-просветительской работе с китайцами было незнание языка. Общение происходило на смеси ломанного русского и китайского, но многие китайцы совершенно не понимали русского. Поэтому коммунистические и комсомольские организации возникали, как правило, смешанного русско-китайского состава. Так, например, в китайской коммунистической ячейке г. Благовещенска, состоявшей в 1927 г. из 4 русских и 14 китайских коммунистов (2 из которых по-русски не понимали совершенно), вся работа, по признанию горкома ВКП (б) осуществлялась только русскими⁵⁸.

Не являясь гражданами советской страны, китайцы в отличие от корейцев не видели смысла во вступлении в члены ВКП(б) и ВЛКСМ. Так, например, на 1 января 1931 г. в составе хабаровской городской партийной организации восточники составляли 8,5%, комсомольской — 10,3%, при этом китайцев в их составе было не более 0,2%, основную массу (8,0%) составляли ли-

ца корейской национальности⁵⁹. Та же самая картина наблюдалась и в “самом китайском” городе региона — Владивостоке, где на 1 января 1930 г. в составе окружной партийной организации состояло 970 корейцев и всего 195 китайцев⁶⁰, при значительном этническом преобладании последних. Несмотря на все усилия, включая и создание специальной китайской совпартшколы, членство китайцев в ВКП(б) на протяжении всего рассматриваемого периода было незначительным. В 1936–1937 гг. в ходе очередной “партийной чистки” многие китайские коммунисты были исключены из партии, попав в список “членов и кандидатов ВКП (б), бывших ранее за границей”. Среди исключенных оказался и житель г. Комсомольска-на-Амуре Ли-Хак-Нюр, прибывший в СССР в 1927 г. из Китая после поражения кантонского восстания⁶¹.

Стремясь разрушить этническую замкнутость китайцев в составе городского населения, власти всячески стремились уничтожить институт “старшинок”, выступавших своего рода посредниками, а часто и переводчиками в отношениях между китайцами и властями. Старшинки рассматривались как представители эксплуататорского класса, так как получали за свои услуги часть зарплаток китайских рабочих. Однако разрушение этого института вызвало огромное количество проблем. В письме в Крайком ВКП(б) от 15.10.1928 г. руководство Артемовских шахт, жалуясь на падение производительности труда и трудовой дисциплины, утверждало, что главная причина состоит в “изменении условий труда китайских старшинок”. “Раньше китайский рабочий получал все необходимое через этих старшинок. Теперь, когда разрушили этот институт и ничем его не заменили, можно видеть в рабочее время китайских рабочих в очередях и в путешествии по нашим разным учреждениям”. Особенно необходимыми услуги старшинок, по мнению руководства, становились в условиях смены после 3–4 лет пребывания в СССР китайского контингента. Поэтому следует или возродить этот институт или заменить его другим, учитывавшим “китайский характер”⁶².

Однако ничего другого, как вовлечение китайцев в профсоюзные организации и потребкооперацию, придумано не было. На городских предприятиях, имевших значительный контингент китайских рабочих, параллельно с русскими организовывались китайские месткомы⁶³. В г. Хабаровске в 1931 г. из 2252 проживавших китайцев было вовлечено в потребкооперацию 1560 человек⁶⁴. Кроме того, уничтожив при помощи органов ОГПУ поддерживавшуюся старшинками сеть китайских тайных банков на советской территории дальневосточного региона, власти вынуждены были, отвечая потребностям китайских трудящихся, решать проблему и организации банковской системы перевода мелких денежных сумм в Китай. Согласно докладной записке Владивостокского окружкома ВКП(б), по легализованным банковским каналам начиная с 1928 г. китайцы переводили на родину 25% своей заработной платы⁶⁵. Развернувшаяся в 1930 г. кампания борьбы с национализмом заставила власти обратить более пристальное внимание на случаи ущемления экономических прав и унижения достоинства китайцев. Состоялось несколько показательных судебных процессов, но серьезных мер по улучшению социально-экономического положения китайских граждан принято не было.

В 1930-е гг. все более осложнявшиеся отношения между СССР и Китаем, усугублявшиеся агрессивными геополитическими выпадами Японии, привели к усилению подозрительности к китайским иммигрантам. Первая волна массовых репрессий в отношении китайцев прокатилась в 1931–1934 гг., вторая (1937–1938 гг.) совпала с массовой депортацией их с дальневосточной территории. По

подсчетах А.Г.Ларина, всего было переселено 8 тысяч и арестовано еще 11 тысяч китайцев⁶⁶. Жертвами репрессий стали и русские женщины, как вышедшие официально замуж, так и “сожительствовавшие” с китайцами. Среди них Чен-И-Тан (Рогозина) Прасковья Алексеевна, уроженка Воронежской области, работавшая регистратором в поликлинике Благовещенска. По решению тройки УНКВД по ДВК от 10 августа 1938 г. она была приговорена к 10 годам концлагеря, а ее муж Чен-И-Тан Николай Васильевич (уроженец Китая, работавший заведующий золотоскупкой в Благовещенске) расстрелян⁶⁷. С 1938 г. до начала 90-х XX в. в составе городского населения дальневосточного региона практически не было китайцев. Но память о жестокой депортации еще долго оставалась в сознании горожан. В 1939 г. во время переписи населения в дальневосточные органы НКВД поступали сведения о распространявшихся среди населения слухах о том, что “китайцев будут переписывать для того, чтобы выслать на Кавказ”⁶⁸.

* * *

Таким образом, китайцы составляли в 1920-1930-е гг. значительную этническую группу в составе населения городов Дальнего Востока России. Социальная значимость китайских иммигрантов рассматривалась в этот период властью, прежде всего, с политических и классовых позиций, и только во вторую очередь — с точки зрения экономической целесообразности их пребывания в регионе. Партийные органы пытались разрушить традиционную замкнутость китайских общин и вовлечь их пролетарскую часть независимо от гражданства в социально-культурную и политическую жизнь советского общества. Однако эти усилия не увенчались сколько-нибудь заметным успехом.

1. Ващук А.С., Чернолуцкая В.А., Королева В.А. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002; Ларин А.Г. Китайцы в России. М., 2000; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990 и др.
2. Рыбаковский Л.Л. Указ.соч. С. 78.
3. Материалы Амурского Губернского статистического Бюро. Вып. IV-V. Благовещенск, 1924. С. 31-33.
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф.р.719, оп.4, д.1.Л.2.
5. Ю Хё Джон. Европейский город в Азии Владивосток // Россия и АТР, 2000. № 1. С.48.
6. Подсчитано автором на основании источника: Государственный архив Амурской области (ГАО), ф.р.236, оп.1, д.1, л.34-34об.
7. Ларин А.Г. Указ.соч. С. 86.
8. ГАХК, ф.п.-2, оп.1., д.93, л.99.
9. Материалы Амурского Губернского статистического Бюро. Вып. IV-V. С. 31-33.
10. Книга памяти жертв политических репрессий города Благовещенска. Т. 1. Благовещенск, 2000. С. 29-156.
11. Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1927. 2 июля.
12. Там же. 9 августа.
13. Ларин А.Г. Указ.соч. С. 95.
14. Там же. Указ.соч. С. 86.
15. Рабочий путь. Хабаровск. 1924. 24 июня.
16. ГАХК, ф.п.-2, оп.1, д.7, л.56.
17. Среди китайцев г. Благовещенска, репрессированных в 1930-е гг. самую большую группу составляли “лица без определенных занятий” // Книга памяти жертв политических репрессий города Благовещенска. С. 29-156.
18. Рабочий путь. 1927. № 9. С.5
19. Рабочий путь. Хабаровск. 1924. 24 июня.
20. ГАХК, ф.п.-2, оп.1, д.94, л.89.
21. Профессиональные союзы ДВК за 2 года (1927-1929 гг.). Хабаровск, 1929. С. 38.

22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.2306, оп.69, д.1977, л.5об.
23. Подсчитано автором на основании источника: ГАХК, ф.п.-2, оп.1, д.94, л.86.
24. Рабочий путь.1927. № 13.С.10; № 17.С.10-11.
25. ГАХК, ф.п.-2, оп.1, д.87, л.180.
26. Рабочий путь.1927. № 12.С.4; № 17.С.10-11.
27. IX Дальневосточная краевая партийная конференция (22 февраля-11 марта 1929 г.). Стенограф. Отчет. Хабаровск.1929.С.31.
28. Производительность труда китайских забойщиков была на 40% ниже по сравнению с российскими // ГАХК, ф.п.-2, оп.1, д.7, л.56.
29. ГАХК, ф.п.-2, оп.1, д.76, л.544-545об.
30. ГАРФ, ф.2306, оп.69, д.1977, л.18.
31. Чупряев Ф. Указ. соч. С. 6-7.
32. ГАХК, ф.р.719, оп.4, д.13, л.4.
33. ГАХК, ф.п.-30, оп.1, д.20, л.6.
34. Ващук А.С., Чернолуцкая В.А., Королева В.А. и др. Указ.соч. С. 79.
35. Тихоокеанская звезда.Хабаровск.1927.23 августа.
36. ГАХК, ф.п.- 30, оп.1, д.17, л.164.
37. Тихоокеанская звезда.Хабаровск.1927.31 июля.
38. ГАХК, ф.п.-144, оп.1, д.3, л.74.
39. Материалы Амурского Губернского статистического Бюро.Вып.IV-V. С. 31-33.
40. Чупряев Ф. Указ.соч. С. 3,7.
41. Там же. С. 2.
42. Тихоокеанская звезда.Хабаровск.1927.31 июля.
43. ГАХК, ф.719, оп.4, д.6, л.128.
44. Одной из таких женщин была Елисеева А.Е., член ВКП (б), обратившаяся 20 июня 1938 г. в Далькрайком ВКП (б) с просьбой заменить ей и ее гражданскому мужу-китайцу, ставшему подданным РСФСР в 1919 г., высылку из г.Хабаровска в село Мазаново Амурской области на г.Куйбышев // ГАХК, ф.п.-2, оп.6, д.376, л.62.
45. Чупряев Ф. Указ.соч. С. 5.
46. ГАХК, ф.р.719, оп.4, д.17, л.3-3об,4-4об, 6-6об.
47. Рабочий путь.1925.№ 35-36.С.17.
48. Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), ф.р.33, оп.1, д.518, л.1-5.
49. ГАХК, ф.р.719, оп.4, д.19, л.6.
50. В связи с малочисленностью учащихся и продолжительностью обучения стоимость одного обученного китайскими ликпунктами доходила до 60-80 рублей, что значительно превышало расходы русскоязычных. // ГААО, ф.67, оп.1, д.5, л.3.
51. Молот.Хабаровск.1932.1 мая.
52. ГААО, ф.р.67, оп.1, д.4, л.1-3.
53. РГИА ДВ, ф.р.2413, оп.4, д.1003, л.19.
54. Молот.Хабаровск.1932.1 мая.
55. РГИА ДВ, ф.р.2413, оп.4, д.1003, л.24.
56. ГАХК, ф.п.-2, Оп.1, Д.137.Л.124.
57. Рабочий путь.1927.№ 12.С.19.
58. ГААО, ф.р.67, оп.1, д.5, л.4.
59. ГАХК, ф.п.- 30, оп.1, д.20, л.10-12.
60. Ващук А.С., Чернолуцкая В.А., Королева В.А. и др. Указ. соч. С. 91.
61. ГАХК, ф.п.-241, оп.1, д.53, л.1.
62. Там же, ф.п.-2, оп.1, д.8, л.63.
63. Там же, ф.п.-2, оп.1, д.94, л.79-79об.
64. Там же, ф.п.- 30, оп.1, д.20, л.10.
65. Там же, ф.п.-2, оп.1, д.98, л.21; д.104, л.43.
66. Ларин А.Г. Указ.соч. С. 102-103.
67. Книга памяти жертв политических репрессий города Благовещенска. С. 147.
68. ГАХК, ф.п.-2, оп.6, д.379, л.225-226.

Палеография и проблемы истории древнего Китая

© 2006

Н. Мартыненко

Изучение любой цивилизации непременно связано с изысканиями в области соответствующей письменной традиции. Особое значение эта связь имеет для исследования истории китайской нации, самобытная письменность которой развивалась в течение нескольких тысячелетий. Открытия, сделанные палеографами, помогали вносить серьезные коррективы в представления мировой науки об эволюции китайской культуры.

В самом конце XIX в. было сделано первое значительное открытие такого рода: в руки исследователей попали аутентичные образцы письменности II тыс. до н.э. Это событие положило начало множеству новых научных находок, принципиально менявших устоявшиеся в научной среде мнения об историко-этнографической базе и ключевых моментах истории Китая.

Обнаружение неизвестных ранее древних текстов связано с именем Ван Ижуна (Ван Ляньшэн, 1845-1900), знатока старинных писем, занимавшего должность *цзицзю* ("виночерпия") — так назывался пост старейшины-ректора Пекинской Государственной высшей школы. Как-то Ван Ижун заболел и слуга приобрел для него в одной из пекинских аптек лекарства — *лунгу* ("кости дракона") и *лунчи* ("зубы дракона"). Обычно они представляли собой окаменелости древних животных, которые использовались в традиционной китайской медицине для приготовления целебного порошка, избавляющего, как считалось, от лихорадки и заживляющего раны. "Останки драконов" находили, в частности, при земляных работах в окрестностях дер. Сяотунь, к северо-западу от г. Аньяна (при маньчжурской династии Цин назывался Чжандэ) в пров. Хэнань. Это место упоминалось как "Иньсуй" ("руины [столицы династии] Инь") в древнекитайских текстах как минимум со II в. н.э.¹ и славилось находками старинных бронзовых сосудов².

Крестьяне либо отправляли "кости и зубы драконов" в колодцы, считавшиеся местом обитания духов этих мифических существ, либо продавали бродячим торговцам, имевшим связи с фармацевтами. При ближайшем рассмотрении купленных фрагментов окаменевших панцирей черепах Ван Ижун и его друг Лю Э обнаружили на них едва заметные знаки, в которых признали ранние образцы китайского письма. Ван Ижун оценил научную важность артефактов и стал скупать их в пекинских аптеках.

В 1899 г. он приобрел более 1500 *лунгу* с надписями, в начале следующего года успел приобрести еще порядка 1900 образцов, но вскоре научные изыскания Ван Ижуна были прерваны его смертью.³ Однако сделанное им открытие получило широчайший резонанс. Узнав о древних письменах, любители китайской древности, торговцы антиквариатом, китайские и западные ученые с энтузиазмом приступили к сбору коллекций древних надписей.

Эти тексты представляли собой инскрипции на брюшных панцирях черепах, лопаточных костях быков, буйволов, баранов, оленей и поэтому часто стали обозначаться термином *цзягувэнь* — “знаки на панцирях [черепах и лопаточных] костях [животных]”. В связи с тем, что брюшные щитки черепах и лопаточные кости животных широко использовались в ритуале гадания, они получили название *бу гу* (“гадательные кости”). Надписи *цзягувэнь* обычно имели отношение к этому ритуалу и поэтому также стали называться *бу цы* (“гадательные надписи”, букв. “слова гаданий”).

После смерти Ван Ижуна его коллекцию *цзягувэнь* приобрел Лю Э (Лю Теюнь, 1857-1909). В 1903 г. Лю Э опубликовал работу “Скрытые [панцири] черепах Теюня” (“Теюнь кангуй”), первый каталог-описание 1058 образцов надписей *цзягувэнь*.⁴ В 1904 г. вышла монография Сунь Ижана (Сунь Чжунжун, 1848-1908) “Примеры выгравированных письмен” (“Цивэнь цзюли”) в двух книгах, первая в истории дешифровки знаков *цзягувэнь*.⁵ Сунь Ижан соотнес 180 знаков *цзягувэнь* с иероглифами китайской письменности и, несмотря на многие допущенные им ошибки, обозначил саму возможность расшифровки древних письмен.

Дешифровка *цзягувэнь* проводилась посредством сопоставления их с известными древними формами начертаний знаков китайского письма. Самым ценным источником образов для сравнения стал словарь “Изъяснение знаков-вэнь и толкование иероглифов-цзы” (“Шо вэнь цзе цзы”), изданный в 121 г. В нем приведены древние формы иероглифов, описаны их этимологические значения и толкования. Начертания знаков в “Шо вэнь цзе цзы” хотя и были ближе к формам *цзягувэнь*, но часто не совпадали с ними. Поэтому другим важным подспорьем для дешифровки стали серии начертаний, известных по копиям с надписей на каменных и бронзовых артефактах, а также по книгам, извлеченным из захоронений. Многие поколения китайских ученых изучали эти древние письмена, восстанавливали пути развития форм ряда иероглифов, трансформировавшихся уже ко времени составления “Шо вэнь цзе цзы”. Результаты этих исследований издавались в восходящих к нему дополненных и аннотированных редакциях словарей.

Важной вехой в истории изучения *цзягувэнь* стали работы Ло Чжэньюя (Ло Шуюнь, Ло Шуянь, 1866-1940), собравшего в 1906-1915 гг. около 30 тыс. образцов надписей на костях. Ему принадлежит целый ряд каталогов и монографий о *цзягувэнь*.⁶ Ло Чжэньюй дешифровал 567 знаков, прочел и перевел 1217 гадательных надписей.⁷

В систематизации и изучении гадательных надписей с Ло Чжэньюем сотрудничал Ван Говэй (Ван Цзинань, 1877-1927), известный историк и искусствовед. С 1917 г. он опубликовал несколько фундаментальных работ, в которых доказал, что зафиксированная в *цзягувэнь* информация имеет отношение к последнему периоду правления династии Шан-Инь.⁸ Так, выяснилось, что в надписях на костях встречаются имена шан-иньских правителей, упоминающиеся в классических древнекитайских текстах. Тем самым исследователи показали, что в руках ученых оказались неизвестные ранее аутентичные нарративные источники по древней истории Китая.

До появления работ Ло Чжэньюя и Ван Говэя основным источником сведений о правителях династии Шан-Инь, обычаях и событиях, имевших место во время их жизни, считались памятники, созданные или восстановленные посредством устной передачи в эпоху Западной Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.).

В наиболее полной и систематизированной форме родословная династии Шан-Инь изложена в первом общекитайском историческом своде — “Исторических записках” (“Ши цзи”) Сыма Цяня (145?—90? до н.э.). В гл. 3 этого произведения — “Основные записи [о династии] Инь” (“Инь бэнь цзи”) — содержится подробное изложение истории династии, перечисляется ее генеалогическая линия, включающая 44 персонажа. Перечисление начинается с легендарного первопредка Се, доходит до основателя династии Чэн-тана, который,

как считает традиция, сверг предыдущую династию Ся. Заканчивается история династии последним правителем — Чжоу Синем, лишенным престола за неподобающее поведение У-ваном, основателем следующей династии — Чжоу (1121-249 до н.э.).⁹

В эпилоге “Инь бэнь цзи” указаны и основные источники, использованные при составлении генеалогии Инь: “[Сведения о] деяниях [первопредка] Се сохранились [в прославляющих его] гимнах (сун). [Сведения о деяниях правящего рода], начиная [со времени] восхождения Чэн Тана, отобраны в писаниях (шу) [и] поэтических [произведениях] (ши)”.¹⁰ Некоторые из упоминавшихся Сыма Цянем первоисточников не дошли до нашего времени, другие сохранились в составе наиболее авторитетных древнекитайских текстов: “Ши цзин” (“Канон песнопений”) и “Шу цзин” (“Канон писаний”, или “Шан шу” — “Книга истории”). Они были уничтожены в период первой централизованной империи Цинь (221-207 гг. до н.э.), восстановлены благодаря устной традиции в последней четверти II в. до н.э. и вошли в конфуцианский корпус “Пяти канонов” (“У цзин”). Записи речей ряда правителей династии сохранились в тексте “Канона писаний”, один из разделов которого так и называется: “Писания [династии] Шан”¹¹.

Что касается такого указанного в “Ши цзи” первоисточника, как *ши* (древнейших стихотворных произведений, как правило, предназначенных для пения), то канонический текст “Ши цзина”, состоящий из 305 *ши*, включает раздел “Гимны Шан” (“Шан сунн”), который содержит пять произведений, возводимых к этой древней династии. Гимны предназначались для исполнения в торжественных случаях, в том числе при совершении жертвоприношений, других храмовых церемоний, в ходе празднеств в честь божеств, предков и т.п. Эти произведения можно рассматривать также как форму трансляции преданий, объяснявших происхождение и историю родов, которые расширились до племенных образований, в дальнейшем трансформировавшихся в древние государства.

Отдельные сведения об эпохе Шан-Инь зафиксированы и в других древнекитайских текстах, которые тоже могли использоваться Сыма Цянем. В частности, Бань Гу (32-92 гг.) в официальном “[Историо]писании династии [Западная] Хань” (“Хань шу”), основываясь на ряде упоминаний, встречающихся в “Ши цзи”¹², писал, что Сыма Цянь опирался на “Комментарии Цзо” (“Цзо чжуань”)¹³ и “Речи царств” (“Го юй”)¹⁴, “Корень поколений” (“Ши бэнь”)¹⁵, “[Текст] Воюющих царств на бамбуковых планках” (“Чжаныго цэ”)¹⁶. Отдельные сведения об эпохе Шан-Инь встречаются и в других памятниках.

Хотя названные тексты созданы задолго до эпохи Хань, они на много столетий отстоят от эпохи Чжоу, к тому же аутентичность дошедших до нас версий этих произведений или отдельных их частей находится под вопросом. Поэтому многие западные ученые не признавали утверждений китайской классики, считая сообщения о Шан-Инь легендами и недостоверными преданиями.

Доказательства того, что в *цзягувэнь* часто встречаются те же имена правителей, что упоминаются в классических текстах, стали веским, хотя и не окончательным, доводом в пользу реального существования древней династии. Данные открытия положили начало новому этапу изучения древнекитайских памятников на основании палеографических штудий, объектом которых являлись прежде всего *цзягувэнь*. Дальнейший прогресс в их исследовании был связан с развитием в Китае научных методов археологических изысканий.

Становление археологии в Китае было связано с западными учеными. Примером их активности могут служить события, последовавшие после открытия 22 июня 1900 г. пещеры Цанцзиндун около городка Дуньхуана в пров. Ганьсу. Пещера, замурованная примерно в XI в. н.э., содержала десятки тысяч рукописей, изображений и печатных документов на бумаге и шелке, датированных IV-XI вв.¹⁷ Интерес к находке привел к организации целого ряда международных экспедиций. Крупные коллекции материалов из Дуньхуана ныне хранятся в библиотеках, музеях, научно-исследовательских институтах Санкт-Петербурга¹⁸, Лондона, Пекина, Парижа, Берлина, Токио и других городов ми-

ра. Аналогичная ситуация сложилась и после обнаружения *цзягувэнь*, которые в больших количествах стали вывозиться из страны¹⁴.

В 1916 г. при участии иностранных специалистов была создана Геологическая служба Китая, развернувшая подготовку полевых исследований, а с 1918 г. начались планомерные археологические раскопки, которыми руководили западные ученые. В 1928 г. под эгидой гоминьдановского Национального правительства в Нанкине, провозглашенном столицей, учреждена Академия наук Китая (*Academia Sinica*), в состав которой входил Институт истории и филологии. Его главной первоначальной задачей стала организация регулярных археологических раскопок под Аньяном.

Ажиотаж, возникший вокруг *цзягувэнь* сразу после их обнаружения, привел к тому, что они в большом числе стали появляться на антикварных рынках Пекина и Шанхая, провинций Шаньдун и Хэнань. Обнаруживаемые гадательные кости и щитки черепах были как с надписями, так и без них. Кости с надписями имели более высокую цену, и вскоре появились подделки. Их искусность поставила под вопрос аутентичность артефактов. Научные раскопки в Иньской долгое время не проводились, в Аньян отправлялись лишь отдельные коллекционеры и изыскатели, и многие ученые не признавали *цзягувэнь* в качестве реликвий династии Шан-Инь. Организованные в 1928 г. научные исследования в районе дер. Сяотунь были призваны окончательно решить эту проблему.

Руководителем раскопок Иньского городища стал Ли Цзи (Ли Цзичжи, 1896–1979), сменивший должность профессора университета Цинхуа в Пекине на пост главы отделения археологии в Институте истории и филологии. Он был единственным в то время китайским ученым, имевшим современное археологическое образование и опыт организации полевых раскопок. Полученные в 1918–1923 гг. в Гарварде знания теории археологии позволили Ли Цзи установить строгие научные стандарты для раскопок и классификации находок, а также наладить связи с западными коллегами. В 1926 г. он организовал раскопки неолитической стоянки Сииньцунь культуры Яншао в пров. Шэньси, став первым китайцем, возглавившим археологическую экспедицию. В 1928–1937 гг. он организовал 15 экспедиций для изысканий под Аньяном.

В ходе раскопок выяснилось, что древний город был уничтожен в ходе очередной смены русла и разлива р. Хуанхэ. Некоторые гадательные кости были найдены в ужасном беспорядке, другие остались в полной сохранности со времени захоронения. Как впоследствии писал Ли Цзи, раскопки в Иньской дали неоспоримые доказательства подлинности шан-иньских надписей на гадательных костях²⁰.

Для наблюдения за сбором артефактов, описания и систематизации *цзягувэнь* Институт истории и филологии в 1928–1934 гг. откомандировывал Дун Цзобиня (Дун Яньтан, 1895–1963). В 1931 г. он опубликовал “Исследование и комментарии четвертого издания большого [собрания панцирей] черепах” (“Дагуй сыбань каоши”). В этом труде он, подвергнув анализу находки *цзягувэнь*, представленные в сводном бюллетене о раскопках в Иньской, вышедшем в 1929 г., впервые сформулировал метод периодизации гадательных надписей. Он выявил в текстах имена гадателей, изучил особенности составления записей, упоминания собственных имен, особенности почерков и на этой основе высказал предположение о том, что все надписи, сделанные одним и тем же гадателем, относятся к сравнительно небольшому отрезку времени, соотносимому с периодом пребывания у власти правителя, упоминаемого в данном корпусе надписей. Имена усопших владык и соответствующие термины родства давали возможность реконструировать родословное древо правителей, установить период деятельности гадателя и время составления надписи.

В 1933 г. Дун Цзобинь в работе “Иллюстрированное примерами исследование периодизации *цзягувэнь*” (“Цзягувэнь дуань дай янцзю ли”)²¹ детализировал свой метод датировки надписей, основанный на следующих десяти критериях: 1) генеалогия правителей; 2) формы обращения; 3) имя гадателя; 4) особенности обработки костей и щитков панцирей черепах; 5) названия племен

и государственных образований; 6) имена собственные; 7) виды событий, по поводу которых задан вопрос; 8) грамматические особенности надписей; 9) формы начертания иероглифов; 10) стилистика надписей. Исходя из данных критериев, Дун Цзобинь распределил все изученные им гадательные тексты по пяти периодам, составляющим в общей сложности более 200 лет и соответствующих годам пребывания у власти тех или иных правителей. Это позволило Дун Цзобиню на основе синхронных палеографических источников реконструировать династическую линию правителей Шан-Инь и сравнить ее с данными традиционной китайской историографии. Оказалось, что данные *цзягувэнь* в значительной степени идентичны сведениям, изложенным в гл. 3 “Ши цзи”²² и подвергавшимся сомнению как легендарные. Исследования Дун Цзобиня показали их высокую достоверность и обозначили новое направление исследований, существенно обогатившее мировое китаеведение. Оно было продолжено такими крупными учеными, как Ху Хоусюань²³, Го Можо²⁴, Чэнь Мэнцзя²⁵, Ли Янун²⁶ и многими другими. Выявленные впоследствии незначительные несоответствия между данными *цзягувэнь* и “Ши цзи” принципиально не меняли общей достоверности картины.

Археологические раскопки вели к новым открытиям. 12 июня 1936 г. в ходе 13-й экспедиции в Иньсуй в захоронении УН127 был обнаружен гадательный архив, содержащий более 150 тыс. костей и щитков панцирей черепах, в том числе 17 096 с надписями²⁷.

С началом широкомасштабной агрессии Японии в 1937 г. археологические разыскания в Иньсуй были прерваны, а коллекция аньянских находок эвакуирована на юго-запад Китая. После поражения Гоминьдана от КПК в гражданской войне 1946-1949 гг. коллекцию иньских артефактов перевезли на Тайвань. Там была воссоздана и Academia Sinica. Власти КНР организовали под руководством Го Можо новую Академию наук, возобновившую археологические изыскания. Под Аньяном основали постоянную научно-исследовательскую станцию, а затем и Музей Иньсуй.

Всего, по оценкам, в различных собраниях насчитывается более 160 тыс. образцов *цзягувэнь*: 95 880 в 98 городах материкового Китая, еще 1 731 — в коллекциях частных лиц; 30 204 экземпляра — на Тайване; 27-30 тыс. — в Японии, Канаде, Англии, США, Германии, России, Швеции, Швейцарии, Франции, Сингапуре, Бельгии, Южной Корее.^{28,29} В настоящее время количество *цзягувэнь* неуклонно возрастает по ходу многочисленных новых раскопок, как в Иньсуй,³⁰ так и на других археологических участках. Изучение *цзягувэнь* вылилось в особое, динамично развивающееся междисциплинарное направление исследований (*цзягуюэ* — “Наука [о надписях на] панцирях [черепах и] костях”), представленное внушительным количеством печатных работ и монографий.³¹ Согласно данным, опубликованным в середине декабря 2005 г. на сайте Института истории Академии общественных наук Китая, только в том году вышло 133 научные работы, посвященные *цзягувэнь*.³²

Уже до 1990 г. в Китае и за рубежом было издано около 80 каталогов *цзягувэнь*, содержащих образцы надписей примерно на 100 тыс. артефактах из городища Инь. Качество этих изданий неодинаково — от неразборчивых прописок до прекрасных воспроизведений знаков и текстов, соответственно разнится и научная ценность каталогов. В числе наиболее важных следует назвать изданные Дун Цзобинем два тома “Собрания писем из Иньсуй” (“Иньсуй вэньцзы”, 1948-1949),³³ а также подготовленные при Институте истории Академии общественных наук КНР 13 томов “Собрания надписей *цзягувэнь*” (“Цзягувэнь хэцзи”, 1978-1982) в редакции Го Можо (там представлены 41 956 образцов *цзягувэнь*, обнаруженных до 1973 г., выделены 4 500 начертаний знаков, а для 1700 из них предложены варианты расшифровки)³⁴. Виртуальное объединение коллекций *цзягувэнь* началось в 1996 г. в Институте китайских исследований Гонконгского университета китайской культуры в рамках проекта создания компьютеризированной базы данных “Новое собрание знаков и

текстов *цзягувэнь*".³⁵ В 2001 г. в издательстве Гонконгского университета увидела свет печатная версия "Нового собрания знаков и текстов *цзягувэнь*".³⁶ В основе данного каталога лежит "Собрание надписей *цзягувэнь*", изданное Институтом истории АОН Китая и дополненное по материалам ряда зарубежных изданий. Всего представлено 53 834 образца надписей, идентифицирован 6 051 иероглиф, из которых 4 971 рассматриваются как разные знаки, а еще 1 980 — как варианты их начертаний.

Общее количество обнаруженных в Иньской образцов *цзягувэнь* (более 160 тыс.) указывает на интенсивность создания текстов и устойчивый характер письменной традиции, превратившейся в эпоху Шан-Инь в важный социальный институт. Анализ надписей позволяет с уверенностью говорить о существовании во второй половине II тыс. до н.э. развитой иероглифической системы письма, имевшей в своем арсенале большое количество знаков (как минимум 4 971). Содержание текстов, раскрывающих разные аспекты жизни правителей, жрецов, гадателей, анналистов, астрономов и астрологов, чиновников, ремесленников, общинников-земледельцев, военнопленных, дает основание полагать, что в городе Инь размещалась столица древней династии — политический, религиозный и военный центр с развитым административным аппаратом.

Большинство надписей, обнаруженных в Иньской, связаны с ритуалом гадания и содержат вопросы и ответы относительно военных походов, сельскохозяйственных работ, погоды, стихийных бедствий, расположения и настроения умерших предков и духов, жертвоприношений, выездов правителей на охоту, исхода беременности их жен и т.д., вплоть до вопрошаний о причинах зубной боли.³⁷ Предполагается, что надписи на кости сначала прорисовывались тушью, затем вырезались стилем и натирались охрой, контрастно подчеркивавшей знаки. По-видимому, в зависимости от умения писцов и иных факторов знаки могли насекаться и без предварительного вычерчивания, а некоторые записи выполнялись исключительно кистью и не вырезались.

Заблаговременно гадательные кости и панцири очищались от мякоти и шлифовались. Затем на поверхности высверливались лунки, нарушавшие внутреннюю структуру материала. Это способствовало появлению при их прижигании на гладкой поверхности противоположной стороны ясно различимых трещин. Как изображение таких трещин и возникло древнее начертание иероглифа *бу* ("гадать", "гадание", "гадатель"). Интерпретация конфигурации трещин ложилась в основу ответа на вопрос, заданный в ходе гадания. Запись наносилась рядом с трещиной, конфигурация которой обуславливает порядок расположения знаков, что помогает определить последовательность их чтения.

Часто вопросы повторялись в двух модальностях: произойдет или не произойдет, надо — не надо и т.п. Иногда при повторении вопроса одинаковые надписи, помеченные порядковыми номерами, вырезались на нескольких щитках. Но нередко на одном щитке или кости фиксировались несколько гаданий. Создание серийных надписей облегчило исследование гадательных текстов и позволило выявить ошибочно повторенные, пропущенные или вписанные позднее знаки. Иногда вместо иероглифа в строке оставлялось свободное место. Шан-иньские гадательные надписи составлялись с разной степенью подробности, могли насчитывать до нескольких десятков иероглифов и представляли собой формализованный документ, состоявший из нескольких частей. Первая часть содержала дату гадания (день, обозначавшийся двумя циклическими знаками), имя гадателя, а в поздних надписях — и место гадания; вторая часть передавала содержание вопроса, третья — фиксировала ответ. Четвертая часть записи делалась спустя некоторое время после совершения гадания и сообщала о том, сбылось предсказание или нет.

Письменная традиция, представленная в текстах, обнаруженных в Иньской, не исчерпывается собственно мантическим назначением. На тех же гадательных костях и панцирях черепах может быть зафиксирована информация о дате присылки панцирей или костей, отправителя, количестве штук в партии,

о лице, подготовившем кость или панцирь к совершению ритуала и ответственного за их хранение. Некоторые из обнаруженных текстов вообще не имеют отношения к ритуалу гадания⁴⁰. В них содержатся, например, даты ураганов, записи о затмениях солнца и луны, о появлении комет. По-видимому, феномены подобного рода рассматривались в качестве важных предзнаменований и тщательно учитывались: об этом можно судить на основании предложений жертв звездам и созвездиям. Многочисленные записи свидетельствуют о жертвоприношениях предкам правителей и т.п. Встречаются таблицы сочетаний двух наборов по 10 и 12 знаков в 60-ричном цикле: сопряжение двух знаков, по одному из каждого набора, фиксировало определенный день в пределах цикла, как это делается до настоящего времени. Также были обнаружены генеалогические списки, в частности, схема наследования в патронимической группе. Существует образец списка, в котором знаки неизвестной письменности поясняются иероглифами, использовавшимися в Шан-Инь. Вероятно, это своего рода примитивный "словарь"⁴¹. Зафиксирован отчет об охоте правителя, выгравированный на черепе оленя; имеются образцы приказов и указаний правителей и чиновников⁴². Знаки наносились и на верхний свод (карапакс) панциря черепахи, но реже, чем на щиток. Обнаружены письмена на ребрах коров, на зубах и челюстях слонов, на черепах оленей, даже на человеческих черепах.

Палеографические исследования, связанные с *цзягувэнь*, позволили прояснить целый ряд частных, но весьма важных для понимания древней истории Китая научных проблем.

Так, помимо родословного древа династии Инь, подтверждается достоверность некоторых других исторических сведений, приведенных в классических памятниках китайской древности. Например, о соотношении названий Шан и Инь, применявшихся к одной и той же династии. В древнекитайских текстах знаки *шан* и *инь* были взаимозаменяемыми. Согласно "Ши цзи", иероглиф *шан* обозначал родовое владение, пожалованное первопредку Се, а знак *инь* — родовую ветвь, восходящую к роду Се, представитель которой, Чэн-тан, утвердился в статусе Тянь-цзы (на русский язык часто переводится словосочетанием "Сын Неба") и основал династию Инь.⁴³ Этой версии не противоречат гадательные надписи, где иероглиф *шан* использовался для наименования поселения или ряда поселений той эпохи (т.е. служил для обозначения места): Шан, Шанъи ("город Шан"), Да и Шан ("Великий город Шан"), Тянь и Шан ("Небесный город Шан"), Чжун Шан ("Центральный Шан"), "Центр Шан").

Согласно наиболее признанной точке зрения, генеалогия дома Шан-Инь, подтвержденная эпиграфическими данными *цзягувэнь*, начинается с имени правителя Вэй.⁴⁴ По сведениям авторитетного средневекового комментатора Вэй Чжао, Шан-цзя Вэй являлся восьмым правителем Шан, что соответствует сведениям, приведенным в "Ши цзи". В гадательных надписях он упоминается под именем Шан-цзя, в "Инь бэнь цзи" — как Вэй, в "Го юе" (разд. "Речи [царства] Лу") — Шан-цзя Вэй.⁴⁵ Ван Говэй предложил считать обозначением имени "Вэй" один из знаков *цзягувэнь*, который в гадательных надписях следует сразу за знаками Шан-цзя.⁴⁶ Вслед за Ван Говэем современные исследователи рассматривают имя Вэй как собственно имя (*мин*), а Шан-цзя как второе имя (*цзы*).

Удалось установить историчность и сановника И-иня, который, согласно "Ши цзи", возвел на престол Тай-цзя⁴⁷ — внука основателя династии, Чэн Тана, и в традиции считается сподвижником и главным советником последнего. В "Ши цзи" ему приписывается также составление "писаний" (*шу*) "Жу-цзю" и "Жу-фан", названных по именам двух мудрых сановников, в беседе с которыми И-инь обсуждал пороки управления предшествовавшей династии Ся. В гадательных надписях были обнаружены имена И-инь, а также И-мо и И-ши, которые отождествлены с И-инем. Самый ранний гадательный текст с именем И-иня относится к периоду правления У-дина (1324-1266), где И-инь упоминается вместе с Да-и (вариант написания второго имени Чэн-тана — Тянь-и). В

других надписях И-инь включается в перечень почитаемых сановников, в честь которых совершались жертвоприношения.⁴⁶

В ходе раскопок, пополнявших академические коллекции *цзягувэнь*, получили подтверждение и зафиксированные в “Ши цзи” и “Шан шу”⁴⁷ повествования о переносах столицы династии. Так, во времена правления Пань Гэна (1401-1374 гг. до н.э.) столица переместилась из района к северу от Хуанхэ на юг от реки, к месту поселения, некогда основанного Чэн Таном, а при потомке Пань Гэна, У-и, вновь имело место переселение к северу от Хуанхэ. В 1996 г. поблизости от Иньской началось пробное бурение и были взяты образцы грунта, что помогло ученым три года спустя обнаружить остатки укреплений еще одного поселения городского типа. Оно было четырехугольным в плане, длина каждой из его стен превышала 2000 метров при ширине фундамента около 9 метров. На территории города найдены основания домов, колодцы, могилы, гончарные изделия, жертвенная утварь и некоторое количество фрагментов гадательных надписей *цзягувэнь*. Исследователи предположили, что это остатки другой столицы династии Шан-Инь и назвали территорию Хуанбэй-Шан (“[Столица династии] Шан к северу [от реки] Хуан[хэ]”). Данное городище датируется приблизительно 1450-1250 гг. до н.э. и является четвертым (и самым крупным) поселением, которое современные китайские археологи склонны отождествлять со столицами Шан-Инь.⁴⁸

Новые археологические открытия и обнаружения *цзягувэнь* подтверждают также представленные в древних памятниках описания событий, связанных с падением Шан-Инь и воцарением династии Чжоу. Знаменательные в данном отношении находки были сделаны в западной части пров. Шэньси, у подножия горы Цишань. Согласно “Основным записям [о династии] Чжоу” “Исторических записок”, именно туда переселились чжоусцы во времена правления Гу-гуна Дань-фу. Его младший сын Ци-ли женился на Тай-жэнь, происходившей из рода правителей династии Шан-Инь. Их сын Чан получил от шанского вана титул Си-бо (Правитель Запада).⁴⁹ Начавшиеся в 1949 г. и продолжающиеся вплоть до настоящего времени археологические раскопки в этой местности подтвердили сведения древнекитайских текстов о том, что здесь некогда располагалось древнее поселение, правители которого в конце II тыс. до н.э. распространили свое политическое влияние на окрестные народы. Весной 1977 г. у подножия Цишань, на участке Чжоуюань (букв. “Исток Чжоу”), были вскрыты две ямы с золотом, из которых извлечены 678 гадательных костей и 16 371 панцирей черепах, всего 17 275 артефактов, на 293 из которых вырезаны надписи и знаки. К 2000 г. китайская научная литература, посвященная изучению *цзягувэнь* из Чжоуюаня, была представлена уже четырьмя монографиями и более чем 80 научными статьями. В 2002 г. в Пекине издан полный каталог *цзягувэнь* из Чжоуюаня, в котором представлены цветные фотографии всех найденных там надписей, их расшифровки, а также подробно освещена история их изучения.⁵⁰

Несколько десятилетий поверхностных обзоров и детальных раскопок показали, что участок Чжоуюаня простирается на 7,5 км в длину и в ширину от склона горы Цишань на севере до р. Вэй — притока Хуанхэ — на юге. Здесь было обнаружено более 300 захоронений, дворцовые сооружения, относящиеся к разным периодам додинастической и раннединастической истории Чжоу. Обнаруженные здесь надписи на гадательных костях и бронзовых сосудах стали документальным подтверждением истории основания и раннего этапа правления древней династии.⁵¹

Цзягувэнь из Чжоуюаня позволили приступить к палеографическому изучению истории воцарения Чжоу. Выявленные в них имена шан-иньских правителей, в том числе основателя шан-иньской династии Чэн-тана, включая его посмертное (храмовое) имя Да-цзя, указания на приношение сму жертв в местных родовых храмах, подтверждают существование ритуально-политических связей между династией Шан-Инь и поселением в Чжоуюане. В надписях встречаются также девять наименований государственных образований, изве-

стных из классических текстов. Упомянутого там же персонажа Чжоу фан-бо ("Правителя племени [стороны — страны?] Чжоу") ряд китайских ученых отождествляет с Си-бо Чаном.³² Более известный под посмертным именем Вэнь-вана, он стал одним из наиболее почитаемых исторических деятелей в Китае. Наследовавший ему сын Фа, получивший посмертное имя У-ван, сверг последнего иньского правителя Чжоу-синя.

Очередные знаменательные открытия *цзягувэнь* у подножия горы Цишань были сделаны в 2004 г. специалистами факультета археологии Пекинского университета и НИИ археологии пров. Шэньси. В ходе раскопок на месте расположения "Храма Чжоу-гуна", построенного во времена правления династии Тан (318-907), была обнаружена 1500-метровая глинобитная стена, достигающая 10 метров в основании. Стена огораживала участок, на котором располагалось шесть строений и 19 крупных захоронений, принадлежащих знатным лицам. В том числе девять гробниц с четырьмя пандусами, ведущими к центру, по четыре гробницы с тремя и двумя пандусами и две — с одним. Обустройство этих погребений аналогично захоронениям царственных особ, обнаруженным в Иньской, где гробницы с четырьмя пандусами, ведущими к центру, отмечали место упокоения правителей, а с тремя и двумя пандусами — чуть менее знатных особ. Такое единство в ритуале погребения правителей указывает на определенную культурную общность и преемствование чжоусцами иньских традиций. Рядом с усыпальницами найдены 760 фрагментов гадательных костей и панширей черепах, некоторые с иероглифическими надписями. В ходе их дешифровки обнаружены четыре надписи с именем Чжоу-гуна. Археологи высказали предположение, что здесь погребены члены рода Чжоу-гуна (Цзи Даня), брата чжоуского У-вана. После смерти У-вана он регентом при малолетнем наследнике трона Чэн-ване.³³ Деятельность Чжоу-гуна, к которому возводится целый ряд древнекитайских текстов, издревле рассматривается как важный рубеж в истории китайской культуры, письменной традиции и государственности.

Материалы палеографических исследований дают основания также для новых предположений о путях развития китайской письменной традиции. Во II в. до н.э., помимо надписей на костях и панцирях черепах, она включала знаки и тексты на керамических, бронзовых сосудах³⁴ и других изделиях. Уровень развития письменности в тот период, а также наличие в распоряжении историографов второй половины I тыс. до н.э. значительного числа источников, восходящих к значительно более древним временам, говорит о возможности существования в эпоху создания *цзягувэнь* текстов на более доступных, но менее долговечных материальных носителях. Например, на бамбуковых планках — основном материале для письма в эпоху Чжоу (XI-III в. до н.э.) и Ранней Хань. Как представляется, это предположение подтверждают некоторые знаки, встречающиеся в надписях *цзягувэнь*. Например, пиктограмма *цз*, в эпоху Чжоу понимавшаяся как "связки бамбуковых планок для письма", в период Шан-Инь вполне реалистично их и изображала³⁵. Стоит также отметить, что в Иньской были обнаружены изготовленные из спинного панциря черепах удлиненные овальные пластины с надписями. Проделанные в них отверстия предполагают, что для хранения пластины связывали вместе³⁶, подобно бамбуковым планкам. Таким образом, этот способ соединения надписей, дававший возможность создания пространных текстов, уже был известен.

Широко использовался в эпоху Шан-Инь и знак *дянь*, в более поздних текстах обозначавший канонические произведения на бамбуковых планках. Этот иероглиф имеет широкий круг значений: "[древняя] основополагающая книга; классический источник; основополагающий документ (акт, трактат, письменный памятник); исторический документ; скрижали; свод [основ]; основы, руководство; закон; правило; [классический] образец, эталон, норма; модель; критерий, мерило; [непреложный] порядок (обычай); устои; [твёрдый] принцип; догмат; завет древних; обряд, церемония, порядок, чин, ритуал; торжество, торжественный акт; церемониал"³⁷. Семантическое ядро всех значе-

ний — “записанный текст”. В период Шан-Инь было распространено написание *дянь* как знака *цэ*, дополненного снизу изображением двух рук. *Цзягувэнь* дают и иные формы иероглифа *дянь*. Например, в виде знака *цэ* с одной (правой или левой) рукой под ним.⁵⁸ Начертание *цэ* с изображением двух рук внизу в результате графической эволюции вылилось в современную форму иероглифа *дянь*. Данную идеограмму можно интерпретировать как “связку бамбуковых планок, которую держат двумя руками перед собой, читая запечатленный на ней текст”.

Существование писаний на бамбуковых планках в эпоху Шан-Инь легко допустить в связи с практичностью этого способа фиксации информации и доступностью материала для письма. Другое дело, что бамбуковые планки куда быстрее разрушаются, нежели кости, панцири черепах, керамические и бронзовые изделия. Древнейшие из известных образцов текстов на бамбуке и шелке датируются только I тыс. до н.э. Возможно, их сохранность связана с улучшением в ту эпоху технологии консервации гробниц. Так, в захоронениях эпохи Хань, обнаруженных в 1972-1974 гг. при раскопках в местечке Мавандуй вблизи г. Чанша (пров. Хунань), хорошо сохранились не только тексты на бамбуковых планках и шелке, но и погребенное там тело женщины, не разложившееся в течение более двух тысяч лет.⁵⁹

В *цзягувэнь* применялись также другие знаки, которые в дальнейшем стали обозначать тексты разного рода, атрибуты письменности и даже отдельные литературные жанры.⁶⁰ Примером может служить иероглиф *шу*, вошедший в название текста “Шу цзин”. Знак *шу* в *цзягувэнь* представляет собой изображение из трех графических элементов: “рука”, “кисть для письма”, “рот”⁶¹, что в целом может подразумевать “запись кистью произнесенных [слов]”. Круг лексических значений этого иероглифа так или иначе указывает на соответствующее действие: “писать; описывать; записывать; протоколировать; писать, чертить; книга; письмо; послание; известие; акт, документ, бумага; письменный приказ; отношение; записи, анналы; книги для записи; письмо, каллиграфия; письмена; почерк, стиль письма”⁶².

О вероятности создания в эпоху Шан-Инь разнообразных текстов разных жанров, помимо тех, что известны по надписям на костях и сосудах, говорит и весьма высокий уровень социального развития общества в ту эпоху, о чем позволяют судить результаты археологических изысканий в Иньсуй. “Руины Инь” простираются на 24 квадратных километра. Это всего на два квадратных километра меньше площади существовавшего тысячелетие спустя столичного города династии Западная Хань. В иньской столице было обнаружено более 50 руин храмов и дворцовых сооружений, вокруг которых располагались жилища простолюдинов и мастерские ремесленников. Неподалеку находилось крупное кладбище с богатыми гробницами правителей, окруженными захоронениями знати и простолюдинов. Свыше тысячи жертвенных ям, свидетельства многочисленных человеческих жертвоприношений, основания храмовых сооружений указывают на культовое значение городища Иньсуй. Первый руководитель раскопок в Иньсуй Ли Ци, комментируя результаты археологических изысканий, отмечал, что шан-иньское общество было гораздо более сложным и высокоразвитым, чем можно было думать ранее⁶³.

Палеографические изыскания и исследования, толчок которым дало обнаружение и изучение *цзягувэнь*, в Китае интенсивно развиваются и давно вышли за рамки интереса исключительно к надписям на костях. В 2004 г. на базе Музея Иньсуй вблизи Аньяна началось создание Музея китайской письменности. В нем собираются подлинники древних письмен, фотодокументы и пояснения к ним, образцы письменного наследия народов древнего и современного Китая. Необходимость создания специализированной музейной коллекции, тематика которой далеко не ограничивается текстами из Иньсуй, обусловлена множеством новых палеографических открытий. Древнейшие образцы обнаруженных в Китае знаков, вырезанных на панцирях черепах, на костях живот-

ных, на керамических и других изделиях, датируются уже VII тыс. до н.э. Они были найдены в 1987 г. при раскопках неолитического поселения на восточной окраине деревни Цзяху, в 22 километрах к северу от г. Уян, уездного центра пров. Хэнань⁶⁴. О существовании в V-II тыс. до н.э. знаково-символической традиции, особенно очевидно проявлявшейся в виде знаков на керамике, говорят многочисленные артефакты, обнаруживаемые при раскопках неолитических поселений на территории разных провинций Китая⁶⁵. Образцы последовательностей знаков на керамических сосудах, датируемые второй половиной III тыс. до н.э., дают веские доводы в пользу существования уже в то время практики составления надписей⁶⁶.

Количество таких образцов существенно увеличилось во II тыс. до н.э. В тот период географический ареал распространения письменности в виде надписей *цзягувэнь*, знаков и надписей на керамических и бронзовых сосудах, на других изделиях выходил далеко за пределы городища Иньшуй и охватывал обширные территории Китая. На это указывают соответствующие находки на участках к северу от Хуанхэ, к югу от Янцзы, вблизи Лессового плато на северо-западе и океанического побережья на востоке⁶⁷.

Длительность истории и широкий масштаб развития письма на территории Китая могут послужить объяснением высокого уровня развития письменной традиции, объективированной археологическими находками близ Аньяна. Научное осмысление новых находок, выявление генетических и иных связей между ними потенциально способны привести к открытиям не меньшего масштаба, чем те, что в XX в. позволили обосновать реальность династии Шан-Инь, подтвердить значительную достоверность исторических сведений, сообщаемых в классических древнекитайских текстах, и наличие у историографов древнего Китая достаточно надежных источников знания о героях и событиях прошедших эпох.

1. См.: Фицджеральд С. П. Китай. Краткая история культуры. СПб., 1998. С. 27.
2. Дебен-Франкфор К. Древний Китай. М., 2002. С. 14-15.
3. Цзя Шушэн, Чжан Хунбинь. Ханьцзы шуфа тунцзе цзягувэнь (Общее толкование начертаний китайских иероглифов. Письмена на панцирях и костях). Пекин, 2004. С. 1-2.
4. Чжан Шифан. Хуася шэньми вэньхуа чжи юань. Инь Шан цзягувэнь (Истоки загадочной культуры Хуася. Надписи на панцирях и костях эпохи Шан-Инь). Аньян, 2000. С. 9.
5. Ван Юсинь, Ян Шэннань, Не Юхай. Цзягувэнь цзинцуй ши (Избранные комментарии к исследованиям древних письмен и переводы надписей на панцирях и костях). Куньмин, 2004. С. 3.
6. Среди работ Ло Чжэньюя следует назвать такие как "Исследование гадательных надписей [из] Иньшуй" ("Иньшуй чжэнбу вэньцзы као", 1910), "Первый сборник письмен [из] Иньшуй" ("Иньшуй шуци цянъ бянъ", 1912), "Избранные письмена [из] Иньшуй" ("Иньшуй шуци цзинхуа", 1914), "Исследование и комментарий письмен [из] Иньшуй" ("Иньшуй шуци каоши", 1914), "Дополнение [к] скрытым [панцирям] черепах Теюня" ("Теюнь кангуй чжи юй", 1915), "Следующий сборник письмен [из] Иньшуй" ("Иньшуй шуци хоу бянъ", 1916). В 1927 г. Ло Чжэньюй опубликовал "Исправленное и дополненное исследование и комментарий письмен [из] Иньшуй" ("Цзэндин Иньшуй шуци каоши"), а в 1933 г. — каталог 2016 *цзягувэнь* "Продолжение сборника письмен [из] Иньшуй" ("Иньшуй шуци суй бянъ").
7. Цзя Шушэн, Чжан Хунбинь. Указ. соч. С. 2.
8. Труды Ван Говэя, посвященные *цзягувэнь*, см.: Ван Говэй. Гуаньтан цзилинь (Собрание из зала созерцания). Т. 2. Пекин, 1959.
9. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки) // Эршилю ши. Чжунхуа лиши вэньку. (Двадцать шесть [династических] историописаний. Собрание исторической китайской классики). Пекин, 2001. С. 61-79.
10. Сыма Цянь. Указ. соч. С. 78.
11. Шан шу (Книга истории). Указ. соч. С. 20-39.

12. Бань Гу. Хань шу (Летопись династии Хань) // Эршилю ши. Чжунхуа лиши вэньку. Пекин, 2001. С. 826.
13. Другие названия: "Цзо-ши Чунь цю" ("Весны и осени господина Цзо"), "Чунь цю Цзо-ши чжуань" ("Комментарий господина Цзо на Весны и осени"). Согласно "Хань шу", этот текст был составлен Цзо Цюмином, учеником Конфуция и историографом царства Лу, жившим в конце VI — V в. до н.э. Впоследствии возобладало мнение о том, что текст был скорректирован Лю Синем в I в.
14. Исторический трактат, содержащий высказывания видных древнекитайских деятелей восьми царств (домена правящей династии — Чжоу, а также Ци, Лу, Цзинь, Чжэн, Чу, У, Юэ) и относится к периоду X-V вв. до н.э. Составителем считается Цзо Цюмин.
15. Этот текст, представлявший собой перечисление генеалогических линий правящих династий, в основной части был утерян и затем реконструирован.
16. Текст составлен в I в. историографом и библиографом Лю Синем на основании текстов, хранившихся в императорской библиотеке династии Западная Хань. Повествует о видных деятелях и событиях эпохи Воюющих царств (Чжаньго, 403-221 до н.э.).
17. Giles L. Six Centuries at Tunhuang (A Lecture Delivered before the China Society, 14 October 1941). L., 1944.
18. В Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН хранится коллекция рукописей из Дуньхуана, собранная во время Русско-туркестанской экспедиции 1914-1915 гг. под руководством акад. С. Ф. Ольденбурга. См.: Меньшиков Л.Н., Чугуевский Л.И. Китаеведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение института Востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 85.
19. Чжан Шифан. Указ. соч. С. 5.
20. Li Ji. Anyang: A Chronicle of the Discovery, Excavation and Reconstruction of the Ancient Capital of the Shang Dynasty. Seattle, 1977.
21. Цзя Шушэн, Чжан Хунбинь. Указ. соч. С. 19-22; Chang Kwang-chih. Shang Civilization. New Haven — L., 1980. P. 105.
22. Цзя Шушэн, Чжан Хунбинь. Указ. соч. С. 3, 19-22\$ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и комм. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина под общ. ред. Р.В. Вяткина. Вступит. стат. М.В. Крюкова. Изд. 2-е. Т. 1. М., 2001. С. 369-370; Кучера С. Древнекитайские тексты: Цзягувэнь и Шан Шу — зеркало истории и культов Китая эпохи Шан-Инь // Восток (Oriens). 2003. № 1. С. 43.
23. См. напр.: Ху Хоусюань. Иньской фазис (Раскопки в руинах Инь). Шанхай, 1955.
24. См. напр.: Чэнь Мэньцзя. Иньской буцы цзуншу (Сводное исследование гадательных надписей из городища Инь). Пекин, 1956.
25. См. напр.: Го Можо. Инь ци цуйбянь (Собрание надписей на иньских сосудах). Пекин, 1965.
26. См. напр.: Ли Янун. Иньдай шэхуй шэнхо (Жизнь общества эпохи Инь). Шанхай, 1958.
27. Shih Chang-ju. My Second Century in Archaeology. Oracle Bone Pit, Yin Xu Expedition 13: Anyang, Henan // Antiquity. Camb. Dec., 2001.
28. Ли Сюэцин. Цзягувэнь ибай нянь дэ хуэйгусе цянъчжань (К столетию изучения надписей на панцирях и костях) // Вэньу. 1998. № 1. С. 33.
29. Например, в 1903 г. 1882 фрагмента цзягувэнь вывезены в США, 3359 — в Англию. После 1905 г. 7802 образца древней письменности оказались в Канаде, 715 — в Германии (1909 г.), 12448 — в Японии (1928 г.). См.: Чжан Шифан. Указ. соч. С. 5.
30. Лю Иман. Иньской хуаюань чжуан дун ди цзягу кэн фа цзюэ цзи (Отчет о панцирях и костях, обнаруженных при раскопках в Иньской в районе к востоку от деревенского сада) // Вэньу тяньди (Памятники культуры мирового значения). 1993. № 5.
31. Подробный обзор см.: Ван Юйцзин. Эрши ши шицзи цзягувэнь юйфа янцзюдэ хуэйгуци чэнван (Обзор и прогноз лингвистических исследований XX столетия по поводу надписей на панцирях черепах и костях животных) // Гуци чжэнли янцзю сюэкань (Свод научных исследований древней литературы). 2002. Вып. 1.
32. Сюй Ихуа. 2005 нянь цзягусюэ инь шан ли лунь чжу му (Библиография работ, посвященных изучению истории [династии] Шан-Инь [на основании надписей на] панцирях [черепах] и костях) // Интернет сайт Научно-исследовательского института Истории Отделения общественных наук Китая Академии наук Китая (http://www.xianqin.org/xr_html//articles). 04.12.2005.

33. Дун Цзобинь. Иньской вэньцзы цзя бянь. Иньской вэньцзы и бянь (Собрание писем из Иньской в двух томах). Пекин, 1948-1949.
34. Цзягувэнь хэци (Собрание писем цзягувэнь). Го Можо (гл. ред.); Ху Хоусюань (отв. ред). Т. 1-13. Пекин, 1978-1982.
35. Доступна в сети Интернет по адресу: <http://www.chant.org/>. Этот проект Института китайских исследований Гонконгского университета китайской культуры является разделом еще более масштабного проекта создания компьютеризированной базы данных древнекитайских текстов "CHANT" (Chinese Ancient Texts — Han da wen ku). Коллекция включает 6 компьютеризированных баз данных: 1) текстов цзягувэнь; 2) обнаруженных при археологических раскопках текстов на деревянных и бамбуковых планках, а также на шелке; 3) надписей на бронзе; 4) корпус традиционных китайских текстов, созданных в период до и после воцарения династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.); 5) тексты, созданные во времена правления династий Вэй, Цзинь, Северных и Южных Династий (220-589); 6) корпус текстов китайских энциклопедий.
36. Шэнь Цзяньхуа, Цао Цзиньянь. Синьбянь цзягувэнь цзысин цзунбяо (Новое собрание знаков и текстов цзягувэнь). Гонконг, 2001.
37. Цзя Шушэнь, Чжан Хунбинь. Указ. соч.; Ван Юсинь, Ян Шэннань, Не Юхай. Указ. соч.
38. Ван Юсинь, Ян Шэннань, Не Юхай. Указ. соч. С. 1.
39. Крюков М.В. Язык иньских надписей. М., 1973. С. 17.
40. Ван Юсинь, Ян Шэннань, Не Юхай. Указ. соч. С. 12-13, 1442.
41. Сыма Цянь. Ши цзи // Эршилю ши. Чжунхуа лиши вэньку. Пекин, 2001. С. 61, 63, 78.
42. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина. Т. 1. Изд. 2-е. М., 2001. С. 369-370.
43. Го юй (Речи царств). Сер.: Чжуцзы байцзя чжи лиши. Чжунхуа гудянь цзинхуа вэньку (Исторические [сочинения] всех школ философов. Собрание выдающихся памятников китайской классики). Пекин, 2001. С. 41. См. также: Го юй (Речи царств). Пер. В. С. Таскина М., 1987. С. 87.
44. Ван Говэй. Инь буцы чжун со цзянь сяньгун сяньван као (Исследование [имен] прежних правителей (гунов и ванов), обнаруженных в Иньских гадательных надписях) // Гуаньтан цилинь (Собрание из зала созерцания). Т. 9. Пекин, 1959.
45. Сыма Цянь. Ши цзи // Эршилю ши. Чжунхуа лиши вэньку. С. 68.
46. Чэнь Мэн-цзя. Иньской буцы цзин-шу (Сводное исследование гадательных надписей из Иньского городища). Пекин, 1956. С. 366.
47. См.: Сыма Цянь. Ши цзи // Эршилю ши. Чжунхуа лиши вэньку. С. 71-72; Шан шу (Книга истории). Сер.: Чжуцзы байцзя чжи Шисаньцин. Чжунхуа гудянь цзинхуа вэньку (Тринадцать канонов всех школ философов. Собрание выдающихся памятников китайской классики). Пекин, 2001. С. 28-29.
48. Harrington S. P.M. Shang City Uncovered // Archaeology Magazine (Archaeological Institute of America). Vol. 53. N 3. May/June, 2000.
49. Сыма Цянь. Ши цзи. // Эршилю ши. С. 74-76.
50. Чжоюань цзягувэнь (Тексты на панцирях черепах и костях из Чжоюань). Под ред. Цао Вэй. Пекин, 2002.
51. Chinese Archeology. Ed. Art exhibitions China. Chief ed. Yang Yang, Zhao Gushan. Beijing, 2002. P. 101-102; Liu J., Xu L., Sarris A., Topouzi S. CRM and Archaeological Research using Remote Sensing and GIS: Zhouyuan (China) and Lasithi (Greece) // CAA 2002 International Conference: Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology: The Digital Heritage of Archaeology. Herakleion (Crete), 2-6 April, 2002.
52. Чжоюань цзягувэнь (Тексты на панцирях черепах и костях из Чжоюань). Цао Вэй бяньчжэ (Под редакцией Цао Вэй). Указ. соч. С. 2-9.
53. 3000-year-old tortoise shells unearthed in Shaanxi // Xinhua News Agency. 27.05.2004; Greatest archeological discovery since new China // Xinhua News Agency. 7.06.2004.
54. Необходимо отметить, что с самого начала раскопок под Аньяном археологи регулярно обнаруживали знаки и краткие надписи на керамических черепках и целых сосудах. — См.: Гао Мин. Гу тао вэнь хуэй бянь (Сборник писем на древней керамике). Пекин, 2004. С. 2-5, 11-23. Прямым продолжением традиции нанесения знаков на керамическую утварь являются письма на бронзовых сосудах — отдельные знаки, надписи и короткие тексты, число которых увеличивалось к концу эпохи

- Шан-Инь. Технология создания инскрипций на бронзовых сосудах, по сути, сводилась к предварительному нанесению знаков на керамические формы для отливки. Гравироваться по бронзе на уже готовом изделии они стали только в период Воюющих царств.
55. Ван Хунлю. Ханьцзы цзылю жумэнь (Введение в историю происхождения китайской иероглифики). Пекин, 1997. С. 198.
56. Данные образцы представлены среди экспонатов Тайбэйского исторического музея (Тайвань).
57. Большой китайско-русский словарь (далее — БКРС). Под ред. И.М. Ошанина. Т. 4. М., 1984. С. 657.
58. Ван Хунлю. Указ.соч. С. 198-199.
59. Chinese Archeology. Ed. Art exhibitions China. Chief ed. Yang Yang & Zhao Gushan. Beijing, 2000. P. 64-71.
60. См. напр.: Ханьцзы юаньлю цзыдянь (Этимологический словарь китайских иероглифов). Пекин, 2003; Ван Хунлю. Указ.соч.; Се Гуаньхуэй. Чаньюн ханьцзы туцзе (Иллюстрированное пояснение часто используемых китайских иероглифов). Пекин, 1997.
61. Ван Хунлю. Указ. соч. С. 198.
62. БКРС. Т. 2. С. 552.
63. См.: Li Ji. Op. cit.
64. Уян Цзяху. Хэнань шэн вэньу каогу яньцзюсю бяньчжу ((Неолитический участок) Цзяху [в уезде] Уян. Исследование Института археологии провинции Хэнань). Пекин, 1999. С. 984-985; Li X., Harbottle G., Zhang J., Wang C. The Earliest Writing? Sign Use in the Seventh Millennium BC at Jiahu, Henan Province, China. // *Antiquity*. Cambridge. 2003. № 77. P. 31-44.
65. См. напр.: Го Можо. Гудай вэньцзы чжи бяньчжэн дэ фачжань (Диалектическое развитие древних писем) // Каогу сюэбао. 1972. № 1. С. 1; Гун Цымин. Яншао вэньхуа (Культура Яншао). Пекин, 2002. С. 201-202; Чжао Вэньи. Баньпо мусин шэхуэй. Сиань Баньпо боугуань (Матриархальное общество Баньпо. Музей Баньпо в г. Сиань). Сиань, 1994. С. 26; Чжан Чжихэн. Чжунго синьшици шидай каогу. Наньцзин, 2004. С. 133-134; Chang Kwang-Chin. *Shang Civilization*. N.Y., L., 1980. P. 268, fig. 67; Ван Чжицзюнь. Гуаньчжун дицюй вэньхуа фухао цзиншу (Избранные инскрипции культуры в районе центральных равнин) // Каогу сюэбао. 1980. № 3; Ян Цзиньфан. Ханьцзы цыюань эрьюаньшо (О двух началах происхождения китайской иероглифической письменности) // Сянган чжунвэнь дасюэ. Чжунго юйвэнь яньцзю. III. Сянган., 1981; Лю Сысянь. Указ. соч. Пекин, 1998; Се Дуаньцзю. Ганьцин дицюй шидянь каогу (Археология районов Ганьсу и Цинхай). Пекин, 2002. С. 92-93.
66. Шаньдун Цзоупин Дингун ичжи. Луншань таовэнь бяньвэй (Стоянка Дингун в районе Цзоупин пров. Шаньдун. Письмена на керамике культуры Луншань) // Чжуньюань вэньу. 1996. № 2. С. 32-38; Чжан Чжихэн. Чжунго синь шици шидай каогу (Археология китайского неолита). Нанкин, 2004. С. 124-125; Цао Тинъюнь. Ван Тао. Лунцю бэй. Гаою, Цзянсу (О находках на стоянке Гаою на севере пров. Цзянсу) // Чжунго вэньу бао. 14.11.1993; *Gems of Lianzhu Culture from the Shanghai Museum*. Hong Kong, 1992. P. 26, 31.
67. Юй Тяньцзы, Цинь Шэнминь, Лань Жиюн, Лян Сюйда, Цинь Цайлань. Гу Наньцю го ши (История государства Южных Юэ). Наньнин, 1988. С. 160; Cheung Kwong-yue. Recent Archaeological Evidence Relating to the Origin of Chinese Characters // Keightley D.N. (ed.). *The Origins of Chinese Civilization*. Berk., 1983; P. 323-393; Кучера С. Указ. соч. С. 21; Аньян Сяотунь ((Раскопки памятника культуры в) Сяотунь [вблизи] Аньяна). Чжунго шэхуэй кэсюэюань каогу яньцзюсю (Институт археологии Академия общественных наук Китая). Пекин, 2004; 3,000-year-old Tortoise Shells Unearthed in Shanxi. Xinhua News Agency. 27.05.2004; Greatest Archeological Discovery since New China. Xinhua News Agency. 7.06.2004; Цзи Юнь. Гаочэн тайси шандай ичжи фасянь дэ таоци вэньцзы (Надписи на керамике, обнаруженные в полосе Гаочэн-Тайси) // Вэньу. 1974, № 8. С. 50-53; Цао Вэй. Чжоуюань цзягувэнь (Надписи на панцирях и костях из Чжоуюаня). Пекин, 2002. Подробный обзор новейшей литературы и открытий в области изучения цзягувэнь см. в сети Интернет на сайте Института истории АОН Китая по адресу: <http://www.xianqin.org/>.

Проведение органами государственной безопасности активных мероприятий в 1922-1941 годах (на материалах Дальневосточного региона)

© 2006

О. Шинин

Одним из основных направлений деятельности органов ГПУ-ОГПУ-НКВД в предвоенный период являлось проведение активных операций на зарубежном Дальнем Востоке. Конкретные задачи на данном направлении оперативной деятельности определялись Политбюро ЦК РКП(б), поскольку такой порядок принятия решений, касающихся органов государственной безопасности, был установлен его постановлением от 15 февраля 1922 года¹.

25 октября 1922 года на завершающем этапе изгнания белогвардейских отрядов и частей японской армии с российского Дальнего Востока Дальневосточное бюро (Дальбюро) ЦК РКП(б) на закрытом заседании приняло директиву о тактике в полосе отчуждения КВЖД, в которой предлагалось начать организацию специального русско-китайского партизанского отряда из пограничного населения и бывших красных партизан. Отряд планировалось послать в Маньчжурию для борьбы с белогвардейцами. В случае крупного вооруженного столкновения частей Народно-революционной армии Дальневосточной республики с белыми в пограничных районах допускалось преследование белых на китайской территории до полного их уничтожения, однако без глубокого захода на территорию Китая и с возможно быстрым возвращением².

В соответствии с принятым решением на китайской территории конспиративно были заложены базы с оружием, продовольствием, медикаментами. Под руководством известного впоследствии советского разведчика Г.И. Мордвинова были сформированы партизанские отряды из числа бойцов регулярных частей Народно-революционной армии Дальневосточной республики, а также проживавших на российском Дальнем Востоке революционно настроенных корейцев и китайцев. Эти отряды переправились на китайскую территорию и, взаимодействуя с хунхузами, оперировали вдоль Уссури. В результате их деятельности практически ни одному боеспособному подразделению белогвардейских войск не удалось перейти из Маньчжурии на территорию Дальневосточной республики (ДВР). Также значительный урон был нанесен войскам маршала Чжан Цзолиня³.

С установлением в Дальневосточном регионе советской власти и включением ДВР в состав РСФСР необходимость использования предусмотренных директивой Дальбюро ЦК РКП(б) мер отпала. В Китай была направлена миссия под руководством А.А. Иоффе в ранге чрезвычайного и полномочного представителя РСФСР с задачей установить дипломатические отношения с Китаем, заключить торговый договор и соглашение о КВЖД. Исходя из необ-

ходимости строить нормальные политические и экономические отношения с Китаем, Политбюро ЦК РКП(б) 4 января 1923 года постановило отменить упомянутую выше директиву Дальбюро и поручило А.А. Иоффе в официальном выступлении отметить, что указанная директива являлась ошибочной⁴.

В начале февраля 1923 года партизанские отряды во главе с Г.И. Мордвиновым вернулись на советскую территорию⁵.

По данным Лиги Наций, всего Россию после революции покинуло около 1,6 млн беженцев, и около четверти из них являлись военнослужащими белых армий. И хотя наиболее крупными из этих вооруженных формирований были части генерала Врангеля (около 40 тыс. человек), наибольшую опасность для Москвы представляли не принявшие советскую власть боеспособные белые отряды, укрывшиеся в Северном Китае⁶.

Всего в Китай (главным образом в Маньчжурию, Синьцзян и Шанхай) в 1919-1920 гг. бежало около 70 тыс. человек, из них в составе вооруженных отрядов Б. Анненкова, А. Дутова, Г. Семенова, А. Кайгородова, Р. Унгерна и других — не более 10 тыс. человек. По целому ряду причин (географическое положение, значительная протяженность границ, относительно небольшая численность населения в приграничных с Китаем районах и непопулярность там советской власти, слабость местной китайской администрации и т.д.) белые командиры смогли не только сохранить свои подразделения, но и сразу же приступить к конкретным действиям против Советской России⁷.

В связи с этим органы государственной безопасности продолжили проведение активных операций в Китае. Так, например, в 1922 году группа сотрудников иностранного отделения Полпредства ОГПУ в Дальневосточной области совершила налет на штаб белоэмигрантского отряда полковника Куклина и изъяла документы. В конце того же года разгромила штаб белоэмигрантского отряда генерала Золотухина, в 1923 году на станции Даймагоу ликвидировала базу генерала Шильникова, готовившего бандитский рейд на советскую территорию. В результате операции были захвачены и вывезены в СССР значительное количество оружия, несколько бандитов и более 200 лошадей⁸.

С целью дестабилизации положения на российском Дальнем Востоке, сбора военной и политической информации в 1923 году в Китае был создан военный отдел Харбинского монархического центра, возглавляемый генералом Кузьминым и профессиональным контрразведчиком, бывшим представителем императорской ставки в международном разведбюро в Париже, а затем начальником особого отдела армии Верховного правителя России А.В. Колчака полковником Жадвойном, "спонсором" которого являлся резидент японской разведки Такаяма. Непосредственной организацией указанной деятельности, в том числе и подготовкой вооруженного восстания в Спасском, Никольск-Уссурийском, Яковлевском и Анучинском уездах Приморской губернии, занимался созданный данным военным отделом в труднодоступном районе Приморья так называемый "Таежный штаб".

Для пресечения деятельности "Таежного штаба" Приморским губернским отделом ОГПУ была создана оперативная группа из числа сотрудников погранохраны и бывших красных партизан в составе двенадцати человек под руководством сотрудника губотдела И.М. Афанасьева и при содействии агента харбинской резидентуры ИНО ОГПУ офицера-белоэмигранта была внедрена в "Таежный штаб".

В результате проведенной группой И.М. Афанасьева операции были уничтожены руководители штаба, взяты в плен его рядовые члены. Принятием срочных мер удалось предотвратить восстание и ликвидировать белоэмигрантские отряды, оперировавшие в Приморье. В 1925 году во Владивостоке состоялся судебный процесс над выявленными с помощью группы И.М. Афанасьева руководителями белогвардейского подполья⁹.

В 1925 году оперативные сотрудники Забайкальского губернского отдела ОГПУ провели две активные операции в г. Маньчжурия. В результате в гостиницах города в апреле и мае того года были захвачены и вывезены в СССР активный организатор и участник вооруженных набегов на советскую территорию З.И. Гордеев и группа фальшивомонетчиков, наладивших производство поддельных червонцев и планировавших их сбыт в Дальневосточном крае¹⁰.

Принципиальные установки о применении методов активной разведки были сформулированы в решении Политбюро ЦК РКП(б) в феврале 1925 года. В нем указывались факторы, которые определяли стратегию и тактику активной разведки на ряд последующих лет.

В указанном решении была сформулирована установка "ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство". Отмечалось, что боевая и повстанческая работа подчиняется национальным коммунистическим партиям и определяется исключительно интересами революционной работы этих стран. Вместе с тем признавалось целесообразным организовать на нашей территории строго законспирированные небольшие боевые группы с необходимым вооружением, которые планировалось использовать для дезорганизации вражеского тыла и партизанской войны в случае занятия нашей территории противником. В заключительной части решения указывалось, что "изменение указанных методов работы, вызываемое особенностями обстановки (например — Бессарабия), может иметь место только по особому постановлению Политбюро"¹¹.

В связи с ростом национально-революционного движения в Китае, увеличением военно-политической помощи Советского Союза Сунь Ятсену, Фэн Юйсяну и некоторым другим региональным лидерам с весны 1925 года руководство РКП(б) усилило внимание к происходящим в Китае процессам, в том числе, к роли военного фактора в национально-революционном движении. Политбюро считало необходимым иметь регулярную связь с Сунь Ятсеном и Фэн Юйсяном, достоверную информацию о состоянии их армий, оказывать им обоснованную и результативную военную помощь. 19 марта 1925 года Политбюро ЦК РКП(б) постановило создать комиссию в составе кандидата в члены ЦК РКП(б), председателя Реввоенсовета СССР, Народного комиссара по военным и морским делам СССР М.В. Фрунзе; члена ЦК РКП(б), Народного комиссара по иностранным делам СССР Г.В. Чичерина; кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова; заведующего Восточным отделом Исполкома Коминтерна Петрова (Ф.Ф. Раскольников) (с заменой его заместителем — Г.Н. Войтинским). Комиссия создавалась "для общего наблюдения за текущими мероприятиями по помощи Гоминьдану и сочувствующим ему группам". Этот орган известен как Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б)¹². Председателями комиссии в разное время были М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов, И.С. Уншлихт¹³. В ведении комиссии находились в том числе и вопросы организации разведывательной деятельности в Китае¹⁴.

Этот орган обладал широкими полномочиями и вскоре занял "практически второе после Политбюро ЦК РКП(б) место центра формирования и принятия решений по вопросам китайской политики РКП(б), Советского государства и Коминтерна". Комиссия готовила проекты решений Политбюро по всем основным китайским вопросам. Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 15 октября 1925 года утверждалось, что "в случае единогласия комиссии считать ее решение окончательным", что еще больше расширило и укрепило полномочия Китайской комиссии и ее политический авторитет.

На первом заседании Китайской комиссии 17 апреля 1925 года было принято решение создать в Пекине Центр для руководства всей военной работой в составе председателя — полномочного представителя СССР в Китае Л.М. Карахана, членов — военного атташе полпредства СССР в Китае

А.И. Геккера (военный руководитель) и начальника группы советских военных советников в Северном Китае К.Е. Воронина (руководитель военно-политической работой). Указанный Центр принимал участие в том числе и в организации борьбы с военными организациями белой эмиграции. Так, в 1925 году он определял методы разложения вооруженного отряда белоэмигранта Нечаева¹⁵.

28 июля 1925 года Китайская комиссия создала подкомиссию для рассмотрения общего проекта организации в Китае подпольных военных отрядов в составе заведующего Восточным отделом ИККИ Петрова (Ф.Ф. Раскольников), начальника ИНО ОГПУ М.А. Трилиссера, начальника Разведуправления Штаба РККА Я.К. Берзина и сотрудников военной разведки Р.В. Лонгва и Венова¹⁶.

В 1926 году Народно-революционная армия Гоминьдана под командованием Чан Кайши и при участии главного военного советника В.К. Блюхера предприняла так называемый северный поход на Пекин. В этом же году возник острый конфликт на КВЖД по вопросу об уплате за военные перевозки маршала Чжан Цзолиня, который наряду с другими милитаристскими группировками вел вооруженную борьбу за контроль над Пекином. Временный поверенный в делах Китая в Москве даже угрожал в беседе с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным опасностью вооруженного конфликта, так как, по его мнению, "Чжан Цзолинь может собрать 300 тысяч войск" и "за ним стоит какая-нибудь держава" (имелась в виду Япония). 22 января был арестован управляющий дорогой А.Н. Иванов. 21 августа Чжан Цзолинь предъявил Правлению КВЖД неприемлемые требования: о передаче мукденским властям всех судов КВЖД; о закрытии учебного отдела и передаче всех школ Управлению народного просвещения Особого района восточных провинций (Маньчжурия)¹⁷.

Не прекращались набеги на советские населенные пункты белоэмигрантских вооруженных отрядов. Так, Дальневосточный корпус русских добровольцев со второй половины 1920-х годов финансировал три регулярно действовавших отряда, каждый численностью от 15 до 30 человек. Один из них, под командованием П. Вершинина, оперировал в Забайкалье, второй, под началом С. Марилова, — в Приморье, а третий, которым руководил старообрядец Н. Худаков, — в Амурской области. Оружие эти отряды получали из Харбина через Н. Мартынова, который сам неоднократно участвовал в вооруженных нападениях на советскую территорию¹⁸.

26 августа 1926 года, оценив сложившееся положение, Политбюро ЦК ВКП(б) поручило Киткомиссии разработать вопрос об организации партизанского движения на территории Внутренней Монголии и северной части Маньчжурии, а также создания специальных групп на территории Внешней Монголии для диверсионных действий на случай наступления на Внешнюю Монголию Чжан Цзолиня¹⁹.

Кроме того, органами госбезопасности были спланированы и проведены спецоперации по ликвидации предводителей и организаторов белоэмигрантских вооруженных отрядов. Так, зимой 1926 года в городе Маньчжурия был захвачен и вывезен в СССР полковник Ктиторев. В районе Мулинских копей при помощи хунхузов были захвачены белоэмигранты Жилинский, Рудых, Овечкин-Петров, Понявкин и др. В том же районе через некоторое время были ликвидированы белоэмигранты Синева, Стрелков, Шошлов, Рудых-младший и др.²⁰.

1927 стал годом значительного ухудшения советско-китайских отношений. Так, 28 февраля войсками маршала Чжан Цзолиня был задержан советский пароход "Память Ленина", арестованы и заключены в тюрьму г. Цзинань команда парохода, три дискурьера и жена главного политического советника при Гоминьдане Ф.С. Бородин. 6 апреля более сотни китайских солдат по приказу маршала Чжан Цзолиня заняли часть территории полпредства СССР в Пекине. Были обысканы квартиры сотрудников, помещения военного городка, участка Управления КВЖД, Дальневосточного банка; разгромлены представительство ТАСС и клуб, арестованы 15 советских граждан и 60 китайцев (из

них 20 коммунистов). В тот же день советское консульство в Шанхае было окружено отрядом белых эмигрантов — служащих полиции международного селтльмента, которые обыскивали и фотографировали всех входивших и выходящих из здания. Такая осада консульства продолжалась две недели²¹.

12 апреля 1927 года Чан Кайши совершил правогоминьдановский переворот, создал национальное правительство Китая с центром в Нанкине. При поощрении западных держав подавил организованные Коммунистической партией Китая (КПК) и представителями Коммунистического Интернационала (Коминтерна) весной 1927 года восстание рабочих в Шанхае, а затем в декабре того же года — восстание в Гуанчжоу (Кантоне), известное в истории как “Кантонская коммуна”. Причем в подавлении прокоммунистического восстания в Кантоне наряду с гоминьдановскими войсками участвовали английские, американские и японские военные корабли, подвергшие артиллерийскому обстрелу Кантон под предлогом “защиты жизни и имущества своих граждан”. После этих событий Чан Кайши обрушил на коммунистов жесточайшие репрессии: по различным оценкам, было казнено от 300 до 330 тыс. человек²².

В условиях сложившейся реальной опасности советско-китайского вооруженного конфликта высшее партийное руководство, рассматривая активную разведку как один из способов давления на китайские власти, стремилось перенести центр организации активных операций на территорию собственно Китая. Так, 7 апреля 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение “категорически воспретить использование территории и организации КВЖД для организации партизанского движения или диверсионной работы в Северной Манчжурии”, а также не допускать формирование партизанских отрядов на территории СССР²³. 27 апреля 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) направило Дальневосточному краевому комитету ВКП(б) телеграмму, в которой распорядилось “никаких партизанских выступлений не организовывать, если имеются такие попытки ликвидировать их, в дальнейшем ждать наших распоряжений”²⁴. 13 мая 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) направило в Ханькоу главному политическому советнику при Гоминьдане М.М. Бородину и представителям Коминтерна М.Н. Рою и Чэнь Дусю телеграмму, в которой предписывало “усилить работу в тылу Чан-Кай-Ши для разложения и оказать помощь крестьянским повстанцам в Гуандуне”²⁵.

Весной 1927 года обострились отношения СССР с крупнейшими капиталистическими державами, в том числе и в связи с политикой Москвы в Китае, выходом Народно-революционной армии Гоминьдана к крупнейшим центрам и сферам влияния держав в восточно-приморских районах Китая. В конце мая правительство Великобритании приняло решение о разрыве отношений с СССР.

16 июня 1927 года Председатель Реввоенсовета К.Е. Ворошилов направил в Политбюро ЦК ВКП(б) записку, в которой отметил, что все обостряющееся международное положение и события последних дней вновь заставили РВС СССР поставить перед Политбюро вопрос о создании диверсионных организаций на территории наших противников. Он рекомендовал вспомнить опыт ИНО ВЧК-ГПУ и РУ РККА, когда удалось прекратить бандитские вылазки с территории Польши в 1921-1922 гг. 23 июня 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании приняло решение приступить к подготовке диверсионных отрядов и поручило комиссии в составе С.В. Косиора (ЦК ВКП(б), И.А. Пятницкого (ИККИ), Г.Г. Ягоды (ОГПУ) и Я.К. Берзина (РУ РККА) наметить общий план, методы и необходимые средства для дальнейшей работы на ближайший период²⁶.

В условиях сложной международной обстановки проведение активных разведывательных акций на Дальнем Востоке продолжалось. Так, 11 октября 1928 года по заданию Полномочного представительства ОГПУ в Дальневосточном крае (ПП ОГПУ ДВК) бывший офицер царской армии, сотрудничавший с органами госбезопасности, в 30 верстах от города Хайлар убил известного деятеля монархического движения кирилловской ориентации в Китае. Причем в

докладе о результатах операции в Центр отмечалось, что "ликвидация произошла настолько успешно, что сведений о его исчезновении до сих пор среди белых не имеется"²⁷.

Обострение в 1929 году ситуации на КВЖД вплоть до вооруженного столкновения явилось закономерным следствием проводимой нанкинским правительством Китая политики в отношении СССР²⁸.

С началом советско-китайского конфликта на КВЖД ОГПУ поставило перед Полпредством ОГПУ ДВК задачу проведения масштабных активных операций в Китае. В соответствии с директивой Центра предписывалось формировать специальные отряды из числа китайцев и корейцев, вооружать их, снабжать амуницией и провиантом несоветского производства²⁹.

В соответствии с поставленной задачей Полпредство, Владивостокский, Читинский и Амурский окружные отделы ОГПУ формировали смешанные русско-китайские отряды численностью от нескольких десятков до двухсот человек каждый, а также отдельные группы из бывших красных партизан русской национальности.

В отряды нередко включались хунхузы, отбывающие срок наказания по приговору суда, освобождение которых органы государственной безопасности практиковали по договоренности с окружными прокурорами. Как правило, для руководства отрядами отдельно назначались командиры для "русской" и "китайской" частей отряда. Для решения оперативных вопросов создавался штаб, в который входили командиры и комиссары³⁰.

В июле-ноябре 1929 года отряды совершали вылазки в Маньчжурию и провели ряд операций. Особенно успешно действовала группа бывших красных партизан Владивостокского окротдела ОГПУ, которая за указанный период времени пустила под откос три поезда.

К осуществлению активных разведок на китайской территории были привлечены также сотрудники резидентур Контрразведывательного отдела (КРО) ПП ОГПУ ДВК, оперативные сотрудники органов государственной безопасности и погранохраны. Ими были затоплены шахты Чжалайнорских копей³¹, 28 августа в районе г. Сахалина взорван паровой катер "Юнцин", 26 октября группой оперативников Амурского окротдела была взорвана электростанция в г. Сахалине³².

Пограничными отрядами на советско-китайской границе организовывались оперативные группы для диверсионной работы на китайской территории "с целью создания среди населения китайской пограничной полосы недовольства против китайского правительства в связи с русско-китайским конфликтом и ускорения ликвидации последнего, а также с целью ликвидации одиночек-беляков, проживающих в китайской погранполосе"³³.

Во время конфликта на КВЖД использовались и так называемые "экспедиционные отряды", которые формировались из курсантов военных и пограничных училищ, личного состава органов погранохраны, частей Особой дальневосточной армии и бывших красных партизан. Численность таких отрядов была от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Основным предназначением подобных отрядов являлась ликвидация оперировавших в китайской пограничной полосе белоэмигрантских вооруженных формирований и банд хунхузов.

Так, например, получив сведения о создании белоэмигрантами, проживавшими в китайском городке Восемь балаганов (так в документе. — О.Ш.), диверсионного отряда для действий на нашей территории, туда был направлен пароход "Кубяк" с двумя орудиями и ротой красноармейцев, а также катер "Ленин" для перехвата отряда во время переправы через Амур. Успешными действиями переправа была сорвана, отряд отступил под прикрытием орудийного огня китайского гарнизона. Командованием советского отряда китайским властям было предложено выдать белоэмигрантов. Вместо ответа гарнизон вновь обстрелял катер и десант. После этого ответным огнем город был очищен

от белоэмигрантов и китайского гарнизона и занят десантом. Жителям была разъяснена цель занятия города, после чего экспедиция вернулась на советскую территорию³⁴.

Как правило, зачисление конкретных лиц в отряды осуществлялось добровольно, исходя из их идейных позиций. Вместе с тем имели место случаи, когда участники отрядов по пути следования к месту проведения операции дезертировали. Подобные случаи расследовались органами государственной безопасности и жестко пресекались. Так, сбежавшие из организованного Владивостокским окротделом ОГПУ отряда китайцы были арестованы и заключены в концлагерь³⁵.

5 февраля 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос "О работе ИНО ОГПУ", подготовленный комиссией в составе секретаря ЦК Л.М. Кагановича, председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды и начальника ИНО ОГПУ С.А. Мессинга. По результатам его рассмотрения Политбюро определило основные районы разведывательной деятельности ИНО ОГПУ, направления совершенствования кадрового и финансового обеспечения, а также утвердило задачи внешней разведки, в числе которых была определена "организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций"³⁶.

Органы государственной безопасности на Дальнем Востоке реализовывали эту задачу на основе опыта, приобретенного в период советско-китайского конфликта на КВЖД. Например, в ночь с 17 на 18 ноября 1930 года была проведена операция по захвату и доставлению на советскую территорию резидента японской военной миссии на станции Пограничная. Добыв информацию о его исключительной жадности, резидент органов государственной безопасности под предлогом проведения ряда сделок с контрабандным опиумом установил с ним приятельские отношения. Ночью 17 ноября он вывел его за город для обнаружения и присвоения крупной партии опиума, спрятанной контрабандистами, где их ожидала группа корейских партизан в составе четырех человек, которая осуществила его захват. Захваченный японский резидент был передан прибывшей на китайскую территорию оперативной группе КРО ПП ОГПУ ДВК и доставлен ею в Хабаровск. В ходе следствия была получена важная информация об агентуре и кадровом составе японской разведки в Китае на станциях Пограничная, Хайлин, в городах Мишань и Санчаогу, в Дальневосточном крае, данные о методах ведения японцами разведывательной и диверсионной деятельности, о характере взаимодействия органов японской разведки с китайскими спецслужбами и другие данные³⁷.

При осуществлении активной разведки случались и провалы, которые имели весьма серьезные негативные последствия для международного престижа Советского Союза. Так, летом 1932 года в Корее провалилась диверсионная группа Владивостокского оперсектора ОГПУ из числа агентов корейской национальности, направленная для подрыва железнодорожных мостов. И.В. Сталин, узнав об этом факте, предложил в письме Л.М. Кагановичу наказать виновников: "т. Каганович! Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти? Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие! Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников. Привет! И. Сталин"³⁸.

Вместе с тем, Политбюро ЦК ВКП(б) на заседании 16 июня 1932 года ограничилось указанием полномочному представителю ОГПУ в Дальневосточном крае Т.Д. Дерibasу на то, что он не уделил должного внимания этому важнейшему делу, в особенности подбору и проверке людей, и объявлением строго выговора начальнику Владивостокского оперсектора ОГПУ Н.А. Загвоздину, непосредственно отвечавшему за плохую организацию дела, поручив ОГПУ укрепить кадрами военно-оперативный сектор³⁹.

Указанный провал поставил СССР в весьма затруднительное положение, потребовавшее принятия изощренных дипломатических шагов для того, чтобы сгладить произведенный в международных отношениях негативный эффект. Так, в рамках разбирательства по факту провала диверсионной операции заместитель начальника ИНО ОГПУ А.А. Слуцкий в служебном письме полпреду ОГПУ в ДВК Т.Д. Дерibasу писал: "Препровождая при сем копию ноты, полученной от японского посольства по поводу покушения группы корейцев на взрыв моста в Корее, организованного якобы Владивостокским оперсектором, ИНО ОГПУ просит срочно прислать нам для ответа НКВД данные, доказывающие, что это дело создано с провокационными целями самой японской полицией в Корее. Учитывая, что японское посольство просит НКВД о "тщательном расследовании", необходимо чтобы наш ответ был подтвержден хорошо обоснованными данными"⁴⁰.

Однако, несмотря на имевшиеся неудачи подобного рода, практика осуществления дальневосточными органами государственной безопасности активных операций не прекратилась и в последующие годы.

Особая актуальность проведения подобных операций возникла с оккупацией Японией Маньчжурии и созданием на ее территории марионеточного государства Маньчжоу-го⁴¹, что позволило японским спецслужбам перенести подготовку разведывательной и диверсионной деятельности против СССР непосредственно к его границам.

В январе-феврале 1932 года по заданию ОГПУ силами резидентур иностранного отдела (ИНО) ПП ОГПУ ДВК было переброшено на советскую территорию через станции Маньчжурия и Пограничная 36 и 27 паровозов соответственно. Также было переброшено значительное количество товарных и пассажирских вагонов и 93 вагона железа, баббита и других стратегических грузов⁴².

В августе 1932 года опергруппой 56 погранотряда при содействии резидентуры ИНО ПП в китайском поселке Манжетун был захвачен и доставлен на советскую территорию представитель одной из белоэмигрантских организаций, организовавших диверсионные акты в Дальневосточном крае⁴³.

В 1932 году Полномочное представительство ОГПУ в Дальневосточном крае имело 19 партизанских отрядов и 21 группу, сформированных уже на штатной основе⁴⁴.

Отряды насчитывали по 40 человек, а группы — по 5-10 человек, как правило, имевших боевой опыт и прошедших специальное обучение. Командиры и личный состав отрядов и групп были зачислены в запас войск ОГПУ, являлись гражданскими лицами и работали в различных организациях и ведомствах, на предприятиях края.

Каждый отряд и группа имели свою зону ответственности на советской и маньчжурской территории. Так, отряд № 8 обеспечивал территорию на восток от г. Владивостока, т.е. целиком Сучанский и частично Шкотовский районы. В сферу ответственности отряда входили Сучанская железная дорога на участке с. Шкотово — с. Сучан протяженностью 80 км, тракт, пригодный для прохода всех родов войск от с. Шкотово до с. Владимиро-Александровское протяженностью 120 км⁴⁵. Группа № 4, дислоцированная в с. Гродеково, состояла из десяти человек и имела зону деятельности на маньчжурской территории от ст. Тайпинлин до ст. Мулин восточной ветки КВЖД.

Отряды и группы комплектовались стрелковым оружием российского и иностранного производства, а также взрывчатыми материалами. В состав всех формирований включались радисты, прошедшие подготовку в специальных школах в Хабаровске или Иркутске. Ежегодно командный и личный состав формирований призывался на полевые сборы.

Организацией проведения активных разведывательных акций за рубежом до 1933 года занималось Пятое отделение Особого отдела ПП и ОКДВА ОГПУ ДВК. В первой половине 1933 года отделение было реорганизовано в специальное бюро ОО ПП и ОКДВА, руководителем которого был назначен начальник отделения А.А. Лиман-Митрофанов⁶⁶.

В 1932 году ОО ПП и ОКДВА ОГПУ ДВК начал создавать школы подготовки кадров для партизанской и диверсионной деятельности. Так, например, перед школой в г. Владивостоке ставилась задача переподготовки командного состава партизанских отрядов и оперативных групп, формируемых на территории Владивостокского оперативного сектора, и других органов⁶⁷. 7 марта 1933 года заместитель начальника ОО ПП и ОКДВА С.А. Барминский в служебном письме начальнику Благовещенского оперсектора ОГПУ С.В. Полину определил задачи школы следующим образом: "Подготовка оперативных групп, действующих в тылу противника"⁶⁸.

Обучение в школах ежегодно проходили несколько десятков курсантов по следующим основным дисциплинам: общая тактика, тактика партизанских действий и уличного боя, подрывное дело, военная топография, стрелковое дело, математика, организация РККА и японской армии, политическая работа, организация тыла, связь и радиодело, агентурная разведка и контрразведка, шифры и тайнопись. Преподавали в школе руководящие сотрудники органов государственной безопасности и погранохраны, военнослужащие воинских частей, расквартированных в Дальневосточном регионе, руководители и сотрудники подразделений военной разведки.

Указанные школы являлись совершенно секретными объектами и подлежали зашифровке не только от населения, но и от сотрудников органов государственной безопасности, не имевших к их деятельности непосредственного отношения.

Подразделения центрального аппарата органов государственной безопасности также принимали участие в организации активных мероприятий на зарубежном Дальнем Востоке. В середине 1930-х годов сначала в ИНО ОГПУ, затем при наркомне НКВД Г.Г. Ягоде, а с 1937 года при Секретариате Наркомата была создана специальная группа "Яша" под руководством Я.И. Серебрянского.

Основной задачей группы являлось осуществление диверсионных актов в глубоком тылу противника. Конкретные задачи, поставленные перед спецгруппой, заключались в следующем: отработка методики проведения диверсий; конструирование приборов подрывного, отравляющего и зажигательного действия; создание руководства по методам диверсии в тылу противника; подготовка кадров исполнителей; технико-экономическая разработка диверсий и конкретных объектов диверсии.

В Пекине, Шанхае и ряде других городов были созданы глубоко законспирированные нелегальные резидентуры Спецгруппы, которые организовывали диверсионные группы, действовавшие в тылу японских оккупационных войск.

В 1938 году высшие партийные органы задачу проведения активных разведывательных акций сформулировали следующим образом: "Организация, руководство и проведение разведывательных и контрразведывательных мероприятий по специальным заданиям".

Во второй половине 1930-х годов организацией и проведением активных операций на Дальнем Востоке в основном занимались пограничные органы при содействии разведывательных подразделений территориальных органов государственной безопасности.

В ведении пограничных отрядов были созданы постоянные группы специального назначения. Анализ архивных документов показал, что указанные группы создавались на границе с Маньчжурией для решения следующих задач: выполнения особых заданий по ограничению деятельности японской разведки; вывода из-за кордона, либо ликвидации там изменников Родины; вывода из-за кордона (освобождения) граждан СССР, в том числе бойцов пограничных войск и Красной Армии, захваченных японцами; разведки районов конфликтов на границе (подготавливаемых японцами, происходящих или происшедших ранее); разведки операционных маршрутов и направлений⁴⁹.

Выполнение группами особых заданий по ограничению деятельности японской разведки осуществлялось только с санкции начальника пограничных войск НКВД СССР, по представлению начальника пограничных войск округа, согласованному с начальником УНКВД Дальневосточного края.

Решение всех остальных задач осуществлялось с санкции начальника пограничных войск НКВД округа по согласованию каждой в отдельности операции с начальником УНКВД края. В случаях, не терпящих отлагательства, выход групп производился с санкции начальника и военного комиссара пограничного отряда, под персональную ответственность последних. О таких выходах групп за кордон начальники отрядов доносили начальнику пограничных войск округа немедленно с началом операции.

Группы создавались пограничными отрядами из числа преданных и проверенных бывших китайских партизан, возвращение которых в Китай на жительство было невозможно.

В каждом пограничном отряде создавалась только одна группа, численностью не более 10 человек. Подбор и комплектование групп осуществляли начальники разведывательных отделений штабов пограничных отрядов. Окончательный состав групп утверждался начальником пограничных войск округа или его заместителем.

Работа по отбору среди интернированных китайских партизан пополнения для действовавших групп специального назначения велась систематически. Комплектование групп из советских граждан было категорически запрещено.

Международная обстановка на Дальнем Востоке в середине и конце 1930-х годов определялась, прежде всего, агрессией Японии в Китае и ухудшением советско-японских отношений. 7 августа 1936 года в Токио были приняты "основные принципы национальной политики" — программа действий японского кабинета во внешней и внутренней политике. Внешняя политика должна была обеспечить позиции Японии на азиатском материке и продвижение в район Южных морей. Это был стратегический план японской агрессии, приведший, в конце концов, к началу Японией войны на Тихом океане. В Маньчжурии предусматривалось "завершение строительства государства" и "укрепление маньчжуро-японской обороны", а также увеличение расположенных в Маньчжурии и Корее контингентов войск, чтобы в случае военных действий нанести первый удар по вооруженным силам СССР на Дальнем Востоке. При этом японские спецслужбы активно содействовали реализации указанных "принципов национальной политики".

Так, в течение 1938 года только японская военная миссия (ЯВМ) в Драгоценке (район Трехречья, Маьчжоу-диго) на участках 53 и 54 пограничных отрядов организовала несколько нарушений государственной границы, сопровождавшихся диверсионными и террористическими актами.

В апреле группа белоэмигрантов в количестве 8 человек под руководством сотрудника японской военной миссии в Драгоценке японца Кикучинас (так в документе. — О.Ш.) совершила налет на колхоз в п. Кочья Нерчинско-Заводского района (территория 54 погранотряда). В результате нападения был сожжен дом, в котором находилась канцелярия колхоза, и похищены документы.

В июне той же группой на участке 54 погранотряда был произведен налет на советский пограничный сторожевой наряд, в результате которого был убит один пограничник, захвачены его снаряжение и боеприпасы.

В августе на участке 54 погранотряда японской военной миссией была выброшена группа из трех человек. Перейдя на советскую территорию, группа разбросала в районе п. Олочи антисоветские листовки и выкрала из колхозного табуна шесть лошадей⁵⁰.

В октябре на участке Олочинской заставы 54 погранотряда была выброшена группа в составе семи человек. Переправившись на советскую территорию и организовав засаду, группа пыталась захватить пограничный наряд.

8 декабря на участке 54 погранотряда пограничный наряд в составе начальника заставы и младшего командира следовал вдоль линии государственной границы с целью проверки контрольной полосы. Проходя против японского кордона, наряд был обстрелян из винтовок двумя японскими солдатами и офицером. Вечером того же дня на том же участке японцами была выброшена группа в количестве 10 человек. Заметив нарушителей, пограничный наряд пытался преследовать их, но последние скрылись на территории Маньчжоу-диго. Во время преследования на вызов наряда было направлено подкрепление под руководством начальника заставы. Во время осмотра местности пограничники были обстреляны с японской стороны⁵¹.

В ответ на указанные акции японских спецслужб УНКВД по Читинской области обратилось к нарккому внутренних дел Л.П. Берия за санкцией на проведение в Маньчжоу-диго ряда активных разведывательных акций.

Так, например, предлагалось захватить белогвардейский кордон, несущий сторожевую охрану границы в районе г. Шивей напротив советского поселка Онохой Нерчинско-Заводского района; захватить одного из членов диверсионных групп, проживавшего в г. Джурганхэ напротив советского поселка Усть-Уров⁵²; осуществить налет на конспиративную квартиру японской военной миссии в приискском поселке Ума на берегу реки Аргунь, где резидент ЯВМ японец по национальности формировал диверсионные группы для засылки в СССР. В частности им были сформированы группы, участвовавшие в налете на колхоз в селе Кочья в апреле и убийстве бойца пограничного наряда в июне 1938 года⁵³.

29 января 1939 года НКВД санкционировало проведение вышеуказанных мероприятий⁵⁴.

В начале 1940-х годов в распоряжении Управления пограничных войск (УПВ) НКВД Приморского и Хабаровского округов находилось около десятка штатных групп специального назначения, которые активно использовались для проведения активных операций. Так, на декабрь 1940 года на участке Приморского округа имелось четыре группы общей численностью 35 человек: группа из 6 человек при 57 Уссурийском погранотряде; группа из 6 человек при 69 Ханкайском погранотряде; группа из 12 человек при 59 Хасанском погранотряде и группа из 11 человек при 58 Гродековском погранотряде.

В основном личный состав групп имел боевой опыт и был подобран в период 1938-1940 годов, главным образом из числа проверенных партизан 6-й и 7-й Народно-революционных армий КПК⁵⁵.

Группы дислоцировались в пограничной зоне вне населенных пунктов и управлений пограничных отрядов и были расквартированы в специально оборудованных, в том числе собственными силами, зданиях. Они также содержали подсобное хозяйство, возделывали огороды.

УПВ НКВД Приморского округа организовывало воспитание и обучение личного состава групп в соответствии со специально разработанными планами. Воспитание осуществлялось в духе марксистской идеологии, подробно разъяснялось международное положение в регионе, цели агрессивной политики Японии и другие вопросы. Обучение осуществлялось по следующим дисциплинам:

тактическая подготовка, огневая подготовка, физическая подготовка, топография, подрывное дело, фотодело, а также китайский, корейский и русский языки. Регулярно проводились стрельбы из оружия, находящегося на вооружении групп (пулемет, винтовка, пистолет). Занятия по общеобразовательным дисциплинам позволили повысить уровень грамотности участников групп, что способствовало тому, что со временем они могли удовлетворительно объясняться на китайском, корейском и русском языках.

В 1939 году на участке Приморского округа группами специального назначения было проведено 33 операции, в 1940 году — 69. В основном группы использовались для разведки маршрутов на основных операционных направлениях, а также изучения политической и оперативной обстановки в приграничных районах Маньчжоу-Го в результате чего в 1939 году было вновь изучено 13 маршрутов, в 1940 году — 28^а, для вывода из-за кордона активных членов белоэмигрантских организаций, агентов и разведчиков японских спецслужб, бежавших из СССР изменников Родины (в 1940 году — 3 случая) и для связи с агентурой. Все операции проводились под видом оперировавших в Маньчжоу-Го китайских партизан, тем самым были устранены предпосылки к расшифровке групп.

Так, 28 мая 1940 года одна из групп произвела разведку ранее неизвестного маршрута по пади Ташлычиха заставы Кордонка 58 погранотряда до китайского поселка Хонцунхэ, южнее станции Пограничная. Наряду с изучением данного маршрута группе удалось точно установить и представить полные данные о расположении проволочных заграждений против японской погранзаставы Лулинтой³⁷. На участке 58 Гродековского погранотряда в период со 2 по 4 сентября и с 8 по 12 сентября 1940 года было изучено два новых маршрута: погранзастава Подколонная — китайский поселок Маинза и погранзастава Сарбокван — китайский поселок Лаохэйшань³⁸.

На участке 59 погранотряда 15 сентября 1940 года на участке погранзаставы Сопочная одной из групп во время маршрутной разведки была обнаружена в тайге волчья яма для лова зверя. Старший группы заключил, что по близости от этой ямы проживают охотники. Его вывод вскоре подтвердился допросом нарушителей границы — китайских партизан, которые в этом месте обнаружили японских агентов, проживавших в тайге под видом охотников. В результате землянки были взяты на учет как использовавшиеся японскими спецслужбами³⁹.

29 апреля 1940 года на участке заставы Красная Речка 57 погранотряда был захвачен японский агент, китаец по национальности. Впоследствии он был привлечен к уголовной ответственности по ст. 58-6 УК СССР. 31 августа 1940 года на участке погранзаставы Краснореченская 57 Уссурийского погранотряда был захвачен и доставлен на советскую территорию другой японский агент, китаец по национальности. Впоследствии он также был привлечен к уголовной ответственности по ст. 58-6 УК СССР⁴⁰.

Таким образом, подводя итог вышеизложенного, можно констатировать, что органы государственной безопасности на всем протяжении 1922 — 1941 гг. организовывали и проводили активные разведывательные мероприятия (операции) в Маньчжурии и Северной Корее. Задачи на данном направлении оперативной деятельности ставились непосредственно Политбюро ЦК РКП-ВКП(б) в зависимости от внешнеполитической обстановки на границах СССР и представлений руководства страны о способах реагирования на ее изменения.

Проведение активных мероприятий в тактическом отношении позволяло ограничивать и пресекать подрывную деятельность наиболее активных врагов советского государства, но, вместе с тем, в стратегическом плане ставило СССР в весьма затруднительное положение, требовавшее принятия изоциренных дипломатических шагов для того, чтобы сглаживать производимый негативный эффект в международных отношениях.

1. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С. 14.
2. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Том 1. 1920-1925 гг. М.: АО "Букет", 1994. С.171.
3. См.: Курчаткин А. Победитель: истинная жизнь легендарного разведчика. М.: Молодая гвардия, 2005. С.172, 182-183.
4. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920-1925 гг. М.: АО "Букет", 1994. С.170.
5. См.: Курчаткин А. Указ. соч. С.184.
6. См.: Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Приказано ликвидировать. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С.61.
7. Там же. С.61.
8. Архив УФСБ России по Омской области, ф.65, д.877, л.7.
9. См.: Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т.2.: 1917-1933 годы. М.: Международные отношения, 1997. С.74-75, 78-80.
10. См.: Соловьев А.В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: Русь, 2002. С.37, 46-47.
11. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.2, л.79-81.
12. Состав комиссии время от времени пополнялся новыми членами. Первым по просьбе М.В. Фрунзе в Комиссию был включен И.С. Уншлихт — кандидат в члены ЦК РКП(б), заместитель председателя РВС СССР, заместитель наркома по военным и морским делам СССР. Решением Политбюро от 7 мая 1925 года в ее состав был включен А.С. Бубнов — секретарь ЦК ВКП(б), начальник Политуправления РККА. Позже в состав Комиссии были также включены: Я.К. Берзин — начальник Разведывательного управления Штаба РККА, Г.Я. Сокольников — нарком финансов СССР, Г.Г. Ягода — заместитель председателя ОГПУ СССР, Б.Н. Мельников — заведующий Дальневосточным отделом НКВД СССР, И.А. Пятницкий — член ЦКК, секретарь ИККИ, а также по ходу развития событий руководители некоторых других ведомств и наркоматов (см.: Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М., Институт Дальнего Востока РАН, 2001. С.53).
13. См.: Картунова А.И. Указ. соч. С.53-54.
14. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Том 1. 1920-1925 гг. М.: АО "Букет", 1994. С.566, 589, 646.
15. Там же. С.546-548.
16. Там же. С.582.
17. См.: Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД "Русская панорама", 2004. С.164-167.
18. См.: Колпакиди А., Прохоров Д. Указ. соч. С.184.
19. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.3, л.108.
20. См.: Колпакиди А., Прохоров Д. Указ. соч. С.185.
21. См.: Аблова Н.Е. Указ. соч. С.170-171.
22. См.: Горохов В.Н. История международных отношений. 1918-1939. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С.164-165.
23. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.4, л.98.
24. Там же, л.108.
25. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.5, л.8.
26. Там же, л.47.
27. Центральный архив (ЦА) ФСБ России, ф.2, оп.11, д.1624, л.242.
28. См.: Аблова Н.Е. Указ. соч. С.198.
29. Архив УФСБ России по Омской области, ф.65, д.2488, л.108.
30. Там же, ф.65, д.2738, л.37, 274.
31. Там же, ф.65, д.2488, л.111.
32. Там же, л.113.
33. Архив УФСБ России по Омской области, ф.65, д.2736, л.57.

34. Там же, ф.65, д.2488, л.113-114.
35. Там же, ф.65, д.2738, л.64.
36. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С.219-220.
37. ЦА ФСБ России, ф.2, оп.8, д.406, л.138, 207-214.
38. Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. /Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2001. С.208.
39. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.13, л.33.
40. Архив УФСБ России по Омской области, ф.65, д.2863, л.77.
41. Японское правительство, стремясь к "правовому" оформлению своей оккупации Маньчжурии, инспирировало создание там нового государственного объединения. 1 марта 1932 года сформированное японцами коллаборационистское правительство Северо-Восточного Китая издало "Декларацию о независимости нового Монголо-Маньчжурского государства", в которой оно объявлялось окончательно отделенным от Китая. Накануне, 29 февраля 1932 года Всеманьчжурское совещание провозгласило Верховным правителем этого государства последнего императора династии Цин — Пу И, незадолго до этого тайно перевезенного японцами из его резиденции в Тяньцзинь. Столицей Маньчжоу-го был объявлен город Чанчунь, переименованный в Синьцзин (Новая столица). Позже, 1 марта 1934 года, Маньчжоу-го было провозглашено "Маньчжурской империей" — Маньчжоу-диго, а с 1 марта 1937 года — наследственной монархией с императором Пу И во главе. См.: Аблова Н.Е. Указ соч. С.245.
42. Архив УФСБ России по Омской области, ф.65, д.871, л.45.
43. Там же, ф.65, д.1343, л.13.
44. Там же, ф.65, д.2767, л.1.
45. Там же, л.20.
46. Там же, ф.65, д.2763, л.190.
47. Там же, л.6-9.
48. Там же, ф.65, д.2729, л.5-6.
49. ЦА ФСБ России, ф.3, оп.7, д.1468а, л.184-190.
50. Архив УФСБ России по Омской области, ф.65, д.5523, л.44.
51. Там же, л.45.
52. Там же, л.46-47.
53. Там же, л.48.
54. Там же, л.44.
55. Там же, ф.72, оп.8 "б", д.9, л.70.
56. Там же, л.72.
57. Там же, л.153-154.
58. Там же, л.24-25.
59. Там же, л.25.
60. Там же, л.24, 153.

Документы, архивы

Нейман-Никольский — участник I съезда КПК

© 2006

А. Картунова

В июле 2006 года исполняется 85 лет со времени создания Коммунистической партии Китая — дата, которая широко отмечается в КНР. Историкам, изучающим новейшую историю Китая и китайскую революцию, известно, что на I съезде КПК присутствовало два представителя Коминтерна — Г. Маринг и Никольский. И если о личности и деятельности голландского коммуниста Г. Маринга известно практически все, то точных данных о том, кто скрывался под именем Никольского, каков был путь его деятельности, не появлялось до сих пор в литературе.

В 1987 г. один из секретарей ЦК КПСС, возвратившись из Китая, где находился по приглашению ЦК КПК, дал задание дирекции Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где я тогда работала, найти биографические данные и фотографию Никольского — участника I съезда КПК. Выполнить это задание было поручено мне. К тому времени я уже располагала некоторыми данными о Никольском¹, так как эта личность давно привлекала мой интерес как историка. Получив задание дирекции Института, я провела соответствующую поисковую работу осенью 1987 г. в ЦПА ИМЛ (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ныне РГАСПИ), исследуя все возможные архивные документы и материалы, так или иначе касающиеся личности Никольского. Результаты проведенной работы были опубликованы в 1989 г.²

В той статье приводились данные о Никольском, связанные главным образом с его пребыванием в Шанхае летом 1921 г., присутствием на I съезде КПК и выступлением на нем. В заключении статьи содержалось обращение к родственникам, если они живы, а также к лицам, знавшим Никольского по работе, откликнуться и сообщить интересующие нас сведения о нем. К сожалению, никакой реакции не последовало.

Теперь, благодаря помощи Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ), появилась возможность представить более полные данные о Никольском, как до его поездки в Китай, так и после его возвращения в Советскую Россию. В результате мы имеем теперь довольно полную картину: кто же такой Нейман-Никольский.

Владимир Абрамович Нейман-Никольский, он же Виктор Алексеевич Шберг родился 10 февраля 1889 г. в деревне Читкан Баргузинского района Забайкальской губернии. Он происходил из мещан, окончил три класса Читинского коммерческого училища. С 1912 по 1916 гг. работал приказчиком в частных магазинах г. Читы и станции Сберга Амурской железной дороги. В 1916—1917 гг. — рядовой 16-го Сибирского стрелкового запасного полка и 516-й пешей Уфимской дружины государственного ополчения. В 1917—1918 гг. после демобилизации — служащий в частных торговых предприятиях в Чите и Владивостоке. В 1918—1920 гг. — рядовой 31-го Читинского стрелкового полка белых, затем рядовой отдельной еврейской дисциплинарной роты в белых частях атамана Семенова.

В апреле 1920 г. (по другим данным — в конце 1919 г.) вместе с ротой перешел на сторону красных. В 1920 — 1921 гг. — рядовой боец красного партизанского отряда Якобсона (4-й партизанский отряд, 24-го (по другим данным 15-го) Амурского повстанческого полка Народно-революционной армии Дальневосточной Республики). В 1921—1923 гг. — служил в разведывательном отделе Народно-революционной армии ДВР, затем в разведывательном отделе штаба 5-й армии.³ Член РКП(б) с 1921 г.

Теперь ясно, что до поездки в Китай Нейман-Никольский имел уже некоторый опыт разведывательной деятельности.

В 1957 г. Циу Лаожэнь опубликовал известные воспоминания “До и после образования Компартии Китая”, в которых сообщил, что “в июне 1921 г. в Китай прибыл представитель III Интернационала Маринг, с которым приехал и представитель Профинтерна Никольский”.⁴ С тех пор эта версия стала основной во всех публикациях, посвященных I съезду КПК и участию в нем Никольского.

Автору еще в 1972 и 1983 гг.⁵ удалось уточнить, что Никольский был направлен в Китай Дальневосточным секретариатом Коминтерна (ДВСК) и что в переписке работников ДВСК он фигурировал под псевдонимом Василий или Васильев.

По материалам и документам, хранящимся в РГАСПИ, удалось также выявить задачи, которые возлагались на Никольского при командировании его в Китай. Ему надлежало вместе с Г. Марингом помочь китайским марксистам провести работу по подготовке и проведению I съезда КПК. На него также были возложены обязанности представителя Профинтерна, а точнее — Международного совета профсоюзов (Межсовпроф), отделение которого находилось в Чите. Никольский располагал определенными средствами для финансирования работников Коминтерна в Китае, а также других советских коммунистов, работавших в то время в этой стране.

Г. Маринг в своем докладе в Исполком Коминтерна сообщал: “Пока товарищ Никольский был со мной в Шанхае, я ограничивался лишь выполнением поручений Секретариата (ДВСК. — А.К.), которые он получал, и отказался от какой бы то ни было самостоятельной работы во избежание дезорганизации”.⁶ И далее Г. Маринг писал, что в инструкциях⁷, которые Никольский получал из Иркутска (из ДВСК—А.К.), указывалось, что “на всех партийных конференциях должен присутствовать тов. Никольский”. Впоследствии нам удалось выяснить, что Никольский должен был присутствовать не только на I съезде КПК, но и на конференции корейских революционеров-марксистов, находившихся в то время в Шанхае.

В записке “Конгресс коммунистической партии в Китае” по поводу участия Г. Маринга и Никольского в работе съезда говорится: “Шивлет (г. Маринг) и Никольский посетили этот первый конгресс и дали нам ценные указания. Товарищ Шивлет в своей речи остановился на своей деятельности на Яве

и советовал нам обратить особое внимание на создание особой организации. Тов. Никольский сообщил нам об организации Дальневосточного Бюро (ДВСК. — А.К.) и рассказал нам о своих впечатлениях о России. После этого доклада по предложению тов. Никольского было решено послать телеграмму¹⁰ в Иркутск и сообщить о ходе конгресса".¹¹ Циу Лаожэнь пишет в своих воспоминаниях, что Никольский выступил на съезде "с сообщением о работе и задачах Профинтерна".¹² И, наконец, есть еще одна версия об участии Маринга и Никольского в работе I съезда КПК. Чжан Готао (исключен из КПК в 1938 г.) в своих мемуарах пишет, что по настоянию Маринга они с Никольским были приглашены на съезд. Маринг хотел обратиться к съезду с речью. Но именно в тот вечер, во время заседания (по расчетам Чжан Готао, это был 8-й день работы съезда), в дом Ли Ханьцзюня, где проходил съезд, ворвался неизвестный. Пришлось прервать работу съезда и разойтись. В результате, по воспоминаниям Чжан Готао, Марингу так и не удалось обратиться к съезду с речью.¹³ При этом Чжан Готао сообщает, что Г. Маринг встречался с представителями марксистских групп, съехавшихся на I съезд КПК, еще до съезда в июне 1921 г., в частности с Ли Да, Ли Ханьцзюнем, Чжан Готао и др.¹⁴ В своих отчетах в Коминтерн из Шанхая после I съезда КПК Маринг не упоминает о своем докладе на I съезде КПК. Вообще-то, воспоминания, как правило, грешат неточностями. Однако не исключено, что Г. Маринг и В.Никольский выступали перед съезжавшимися на съезд делегатами в течении июня-июля 1921 г., до съезда, а на съезде, видимо, выступил только Нейман-Никольским.

По завершении I съезда КПК Маринг написал отчет о нем. Что же касается Никольского, то никаких писем, отчетов или телеграмм за его подписью в архивах обнаружить не удалось. Имеется лишь упоминание о двух его финансовых отчетах.

В РГАСПИ был обнаружен единственный документ за подписью Никольского — это удостоверение, выданное им Чжан Готао при отъезде последнего в Советскую Россию на 1-й съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока.¹⁵ В своих воспоминаниях в связи с этим Чжан Готао писал: "Он (Никольский. — А.К., Чжан Готао называет его Николаевским) описал район (станции) Маньчжурия и китайско-советской границы. Затем спросил, достаточно ли тепло я одет. Когда я сказал, что я в полной готовности и могу ехать немедленно, он взял деловой бланк какого-то торгового дома из выдвижного ящика своего письменного стола. Этот бланк выглядел ordinarily. Показав его мне, он сказал: "Эта карточка является Вашим паспортом (удостоверением). На нем все выдавлено булавкой. Это секретный знак".¹⁶ Он рассказал мне подробно, как тайно передать эту карточку владельцу определенной парикмахерской (на станции) Маньчжурия. Этот человек переправит меня через границу".¹⁷

С этим удостоверением, переданным Никольским Чжан Готао, тот прибыл в Иркутск, а затем в Москву на указанный съезд.

Что касается Неймана-Никольского, то имеется ряд свидетельств¹⁸, что, выполнив возложенные на него функции, связанные с подготовкой I съезда КПК, а затем дополнительные — по организации поездки представителей КПК на 1 съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока, он должен был сам вернуться в Иркутск для участия в съезде. Однако на этом съезде Никольского не было.

Осенью 1987 г. автор вместе со старшим научным сотрудником ЦПА ИМП Р.И.Парадизовой провели кропотливую работу с привлечением других архивов (в том числе запрашивали архивы Владивостока и Читы), чтобы установить, куда уехал Никольский из Шанхая. Мы высказали в то время предположение, что с 1921 по 1925 г. Никольский работал в Маньчжурии, а летом

1926 г. прибыл в Читу из Хабаровска. Однако новые данные, которыми мы теперь располагаем, не подтвердили эту версию.

В действительности Нейман-Никольский в 1921-1923 гг. служил в разведывательном отделе штаба Народно-революционной армии ДВР, затем — в разведывательном отделе штаба 5-й армии. С тех пор и до конца своей карьеры он связал свою жизнь с органами разведки и контрразведки на советском Дальнем Востоке. В 1922-1925 гг. он служил в разведывательном отделении Полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного края (ПП ОГПУ ДВК). Затем в 1925-1926 гг. являлся уполномоченным контрразведывательного отделения того же представительства (КРО ПП ОГПУ ДВК). В 1926-1927 гг. Нейман — уполномоченный КРО Читинского окружного отдела ОГПУ. В 1927-1929 гг. был уполномоченным, старшим уполномоченным КРО Владивостокского окружного отдела ОГПУ. В 1929-1930 гг. — участковый уполномоченный Владивостокского окружного отдела ОГПУ по станции Гродеково. В 1930-1932 гг. он работал начальником отделения контрразведывательного отдела полномочного представительства ОГПУ ДВК. В 1932-1933 гг. — начальник Иностранного отделения полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного края (ИНО ПП ОГПУ ДВК). В 1933-1935 гг. он служил в УНКВД Дальневосточного края. В 1935-1937 гг. — сотрудник 7-го отдела Государственного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД.

23 февраля 1938 г. Нейман-Никольский В.А. был арестован в г. Хабаровске органами НКВД “как активный участник шпионско-диверсионной террористической право-троцкистской организации”. 21 сентября 1938 г. постановлением выездной комиссии Военной коллегии Верховного суда СССР он был признан виновным в том, что с 1931 г. активно участвовал “в антисоветской право-троцкистской террористической организации, действовавшей в органах НКВД Дальневосточного края”, а также в шпионаже в пользу японской разведки. Приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день в г. Хабаровске.³ Ко времени своего ареста Нейман-Никольский был капитаном государственной безопасности.

8 ноября 1956 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР Нейман-Никольский В.А. был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Наши попытки обнаружить в архивах фотографию Неймана-Никольского не увенчались успехом. В воспоминаниях встречавшихся с ним в Китае китайских коммунистов имеется очень приблизительное словесное описание его внешности. Так, упоминавшийся уже Циу Лаожэнь вспоминает: “Никольский имел внешность типичного рабочего, говорил медленно, густым басом”.¹⁸ Чжан Готао пишет, что Никольский был “человеком, который изъяснялся лаконично, выглядел просто (возможен перевод: выглядел невзрачно)”, что он говорил с ним на плохом английском языке. И далее Чжан Готао пишет о Никольском: “я должен сказать, что он был способным, осторожным и опытным функционером”.²⁰

В заключение обращаюсь к архивистам и исследователям Дальнего Востока и Сибири: в случае выявления фотографии Неймана-Никольского, просьба направить ее нам или в музей I-го съезда КПК в Шанхае.

Автор благодарит Управление регистрации и хранения фондов ФСБ РФ за предоставленный дирекции Института Дальнего Востока РАН послужной список Неймана-Никольского.

1. См.: Народы Азии и Африки. 1972. № 6. С. 158; Картунова А.И. Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925 — 1927 гг., М., 1983. С. 153.

2. См.: Картунова А.И. Забытый участник I съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 2. С. 154—156.
3. Данные Управления регистрации архивных фондов ФСБ РФ.
4. Циу Лаожэнь. До и после образования КПК // Синь гуаньча. 1957. № 13. С. 16 — 18. (Пер. на русск. яз. Ю. Гаруцянца см.: Рабочий класс и современный мир. 1971. № 2. С. 118 — 124 (воспоминания Циу Лаожэня во многих деталях неточны. — А.К.)
5. РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, л. 133. С. 37.
6. См.: Картунова А.И. Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925-1927 гг. С. 153.
7. РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 133, л. 37.
8. Инструкции не обнаружены.
9. РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 133, с. 39.
10. Телеграмма не обнаружена.
11. См.: Ковалев Е.Ф. Новые материалы о I съезде Коммунистической партии Китая // Народы Азии и Африки. 1972. № 6. С. 151-152.
12. См.: Циу Лаожэнь. Указ. соч. // Рабочий класс и современный мир. 1971. № 2. С. 122.
13. См.: Chang Kuotao. The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. I. 1921-1927. Cansass, 1971. P. 147-148.
14. Op. cit. P. 137.
15. Первый съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока проходил в Москве 21-30 января, а заключительное его заседание состоялось в Петрограде 2 февраля 1922 г.
16. Интересующийся исследователь может при наличии желания и времени провести поиск этого документа в РГАСПИ.
17. Chang Kuotao. Op. cit. P. 178.
18. См., например, РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, л. 20. С. 35.
19. Циу Лаожэнь. До и после образования КПК // Рабочий класс и современный мир, 1971. № 2. С. 122.
20. Chang Kuotao. Op. cit. P. 177, 178.

Общество

Защита интересов социально уязвимых групп населения в мегаполисе: опыт Гонконга

© 2006

О. Почагина

Обеспечение максимально эффективной защиты социально уязвимых групп населения, так как они по объективным причинам не обладают возможностями для самостоятельного решения собственных проблем — основная цель властных структур любого уровня.

В богатом наследии Конфуция есть идея о том, что "если ты сам хочешь, чтобы твои дела шли хорошо, то сделай, чтобы и у другого они шли хорошо". Богатеешь, поделись с государством, иначе — ты не бизнесмен. Эти идеи стали основой конфуцианского капитализма и менеджмента¹ и не только... В этой связи представляет интерес опыт благотворительной организации Po Leung Kuk, занимающейся уже более ста лет проблемами помощи социально незащищенным слоям населения в Гонконге.

В 1878 г. группа горожан-китайцев обратилась к губернатору Гонконга сэру Д.П. Хеннеси с просьбой создать на основе благотворительности приют для детей и молодых женщин—жертв торговцев людьми. Прощение было поддержано. 8 ноября 1878 г. считается днем основания фонда. Дальнейшее развитие и структурное оформление эта благотворительная организация получила в 1893 г. Основными целями фонда были провозглашены забота о несовершеннолетних и защита слабых. На первых порах своего существования Po Leung Kuk обеспечивал защиту и крышу над головой женщинам и детям, которым удалось бежать от работоторговцев. Кроме того, в стенах приюта они имели возможность получить образование.

В период Второй мировой войны, организация оказала помощь шести японским женщинам, оказавшимся в сложных жизненных обстоятельствах. Этот факт милосердия сослужил добрую службу Гонконгу: здание и район, в котором находился приют, практически не пострадали во время японской оккупации.

После окончания войны фонд продолжил расширять и совершенствовать свою деятельность. На рубеже XX и XXI веков с резким ростом населения и обострением социальных проблем в Гонконге благотворительная организация Kuk превратилась в один из наиболее влиятельных и крупных социальных институтов, занимающихся проблемами и защитой интересов и прав наиболее уязвимых социальных групп Гонконга. В настоящее время фонд помога-

ет сиротам, детям, с ограниченными возможностями, испытавшим насилие в семье, подросткам из неблагополучных семей, матерям-одиночкам, женщинам с детьми, не имеющим работы, женщинам, подвергшимся насилию, пожилым людям, инвалидам с отклонениями в физическом и умственном развитии различной степени. По Leung Kuk проводит в жизнь разнообразные социальные программы в жизнь посредством более чем 200 организаций, работающих в сфере социальных, образовательных и рекреационных услуг.

По Leung Kuk работает на четырех основных направлениях услуг в области социального обеспечения: семейная служба; образовательные услуги детям и молодежи; рекреационные услуги различным группам населения; услуги пожилым людям. По данным на март 2005 г., в учреждениях фонда работало 1470 человек обслуживающего персонала. Фонд пользуется среди жителей и бизнес-сообщества города уважением и авторитетом, которые он заслужил десятилетиями безупречной работы. Основной особенностью работы По Leung Kuk является комплексный подход к разработке программ, охват значительного количества проблем наиболее социально уязвимых групп населения. Фонд По Leung Kuk стал "мостом, соединяющим правительство Гонконга и жителей города". В настоящее время услугами фонда пользуются более 400 тыс. горожан, а в образовательных программах участвует более 50 тыс. студентов, подчеркнул в своем выступлении председатель Совета директоров По Leung Kuk Винсент То².

Чрезвычайно важным, с нашей точки зрения, является тот факт, что программы фонда примерно на 90% финансируются правительством Гонконга, а остальные 10% расходов покрываются за счет членских взносов благотворителей — в большинстве случаев крупных гонконгских бизнесменов, как правило, входящих в Совет директоров фонда. Так, бюджет фонда на 2005-2006 гг. составляет 327 млн долларов. Основные ценности фонда формулируются следующим образом: традиции, качественные и разнообразные услуги (семейные, образовательные, культурные и рекреационные), любовь и забота, эффективное использование всех ресурсов и эффективное управление денежными средствами и материальными ресурсами. В XXI веке руководством По Leung Kuk помимо провозглашенных целей при учреждении фонда была сформулирована еще одна — служение обществу.

Работа с несовершеннолетними.

В работе с детьми фонд По Leung Kuk взял на себя обязательства уделять первостепенное внимание их правам, выживанию, защите и развитию. Фонд имеет следующие образовательные учреждения: ясли, детские сады, начальные и средние школы, колледжи, школы для детей с ограниченными возможностями, вечерние школы, центр, занимающийся изучением проблем, возникающих в ходе процесса обучения. Работа проводится не только в интересах нынешнего, но и всех грядущих поколений. По Leung Kuk решает благородную задачу — обеспечение лучшего будущего для каждого ребенка, особенно обездоленных детей, что бесспорно способствует созданию благоприятных условий развития детей, а также вносит вклад в формирование стабильной социальной обстановки в мегаполисе.

Традиционно большое внимание фонд уделяет предоставлению крыши над головой и уходу за детьми в возрасте от 0 до 18 лет. Основная цель — обеспечение воспитания детей в благоприятных условиях до тех пор, пока они не смогут вернуться в родные семьи или стать усыновленными. Заявления на размещение в учреждениях фонда подаются Департаментом социального обеспечения, который собирает информацию о несовершеннолетних, нуждающихся в помощи. Они делятся на несколько категорий и направляются в различные учреждения фонда в зависимости от возраста и проблем, с которыми столкну-

лись: имеются ясли для новорожденных и детей до двух лет, детские сады для детей от двух до шести лет. В учреждениях, финансируемых фондом, дети обеспечиваются всем необходимым, включая медицинское обслуживание, получают хорошее образование, имеют возможность интересного досуга и отдыха. Более того, интересы и права несовершеннолетних, находящихся в детских заведениях фонда, защищают профессиональные юристы, помогая решить проблемы детей. Успешно функционирует также служба ухода за детьми, сориентированная на оказание услуг на временной основе: ребенка можно оставить на полдня, на несколько часов или на весь рабочий день. Детские сады фонда, работающие на благотворительной основе (их насчитывается 23), посещают около 8 тыс. детей.

Приют находится в корпусе штаб-квартиры Po Leung Kuk, его двери открыты 24 часа в сутки. В него попадают дети по представлению информации и документов Департамента социального обеспечения правительства Гонконга, гонконгской полиции и неправительственных организаций. В экстренных ситуациях дети могут получить помощь в любое время. Попадающих под опеку фонда не обязательно являются сиротами. Большинство детей не имеют физических и психических отклонений и нуждаются в заботе и уходе по разным причинам: внезапная смерть или исчезновение родителей, госпитализация или тюремное заключение родителей, прохождение родителями курса избавления от наркотической зависимости, плохое обращение родителей с детьми, применение в отношении детей физического насилия, оставление детей на произвол судьбы. Существуют и определенные уставом ограничения: в этот приют не принимают детей с серьезными эмоциональными и поведенческими проблемами, страдающих опасными инфекционными заболеваниями, имеющих наркотическую зависимость, детей с агрессивной формой поведения, детей нелегальных эмигрантов, живущих в Гонконге.

В фонде существует Спонсорская программа, которая предусматривает покрытие финансовых расходов по содержанию детей, находящихся в приютах и под опекой, за счет средств отдельных граждан и расширение их социальных контактов. Спонсор после получения разрешения сотрудников фонда может проводить время с выбранным им ребенком в учреждении или вне его. Спонсорство отличается от законного усыновления, участие в программе является исключительно благотворительным актом. В связи с этим благотворитель не имеет никаких особых привилегий в случае, если впоследствии он примет решение об усыновлении ребенка, уход и воспитание которого финансировал. Спонсор может финансировать более одного ребенка, однако в год он должен внести на счет фонда на каждого ребенка 1200 долларов.

С 70-х годов XX в. фонд начал предоставлять реабилитационные услуги инвалидам детства с отклонениями в умственном развитии незначительной, средней и значительной степеней, реализуя в жизнь Декларацию Генеральной Ассамблеи ООН о правах инвалидов, в которой закреплено право последних на медицинское, психическое или функциональное лечение, на восстановление здоровья и положения в обществе, на образование, профессиональную подготовку и восстановление трудоспособности, на помощь, консультации, на услуги по трудоустройству и другие виды обслуживания, которые позволят им максимально проявить свои возможности и способности и ускорят процесс их социальной интеграции или реинтеграции³.

Фонд Po Leung Kuk предоставляет инвалидам крышу над головой и персональный уход. Их обучают не только навыкам самообслуживания, но и учат пользоваться техникой для уборки помещений, мойки машин, простейшей сборки, т.е. помогают получить специальности, которыми они могут овладеть. Таким образом, эта программа дает реальные возможности инвалидам с откло-

нениями в умственном развитии, включая детей с синдромом Дауна, перестать быть тяжким бременем для общества и родителей, быть полезными и вести в будущем относительно независимый образ жизни. Учреждения фонда предоставляют также услуги по уходу за инвалидами старше шести лет на краткосрочной основе или на полный рабочий день, а также на время длительных школьных каникул, в праздничные и выходные дни. Такие услуги значительно облегчают жизнь родителей инвалидов, вносят разнообразие в жизнь детей-инвалидов, обеспечивая им общение вне семьи и между собой.

В рамках фонда функционируют специальные школы для детей с отклонениями в умственном развитии в возрасте от шести до шестнадцати лет, где их обучают навыкам общения, самообслуживания, арифметике, сенсорному движению, а также знакомят с основными социальными нормами в зависимости от индивидуальных возможностей каждого ребенка.

Кроме того, при фонде существуют школы с особой программой обучения для так называемых "трудных подростков" 12-14 лет, которые испытывают сложности в освоении общеобразовательной программы средней школы. Образовательная программа таких школ включает практические навыки и академические знания в соотношении 40% и 60% соответственно.

В 1979 г. По Leung Kuk открыл лагерь для отдыха в городской парковой зоне на площади в 10 гектаров. Лагерь оборудован различными досуговыми и спортивными площадками: созданы условия для занятий стрельбой из лука, греблей на каноэ, катанием на роликах, плаванием, фитнесом, ориентированием на местности и другими видами спорта, с детьми работают опытные инструкторы.

Фонд финансирует работу четырех образовательных центров, предлагающих для детей и взрослых разнообразные программы обучения языкам, музыке, танцам, живописи, профессиональным навыкам и др.

В сентябре 2000 г. при поддержке фонда в Гонконге открылась школа, работающая в соответствии со специально разработанной программой, в которой особое внимание уделяется адаптации детей, прибывших в мегаполис из других районов КНР.

Работа с женщинами

В рамках фонда существует центр помощи и поддержки женщин, подвергшихся насилию в семье или в обществе. В этом центре они могут найти не только приют на время решения конкретной проблемы каждой, но получить профессиональную поддержку психологов, помогающих женщинам преодолеть стресс и вернуться к активной жизни. В центре имеются также группы взаимной психологической поддержки и групповой терапии. Кроме того, женщины, имеющие детей, и попавшие в сложные жизненные ситуации (потеря работы, отсутствие жилья), могут обратиться в Департамент социального обеспечения и временно поместить своего ребенка в детские учреждения фонда.

Работа с пожилыми людьми

Старение населения ставит перед правительствами, неправительственными организациями и частными группами многих государств мира беспрецедентную, но требующую незамедлительного решения практическую и программную задачу, заключающуюся в обеспечении надлежащего удовлетворения потребностей пожилых людей и реализации их потенциала как трудовых ресурсов⁴.

В последние годы в Гонконге значительно возрос спрос на социальные услуги, сориентированные на удовлетворение запросов пожилых граждан. Это, прежде всего, связано с устойчивой тенденцией количественного роста группы

граждан старше 60 лет. Правительство Гонконга не оставляет указанную тенденцию без внимания, разработана стратегия оказания услуг пожилым по месту их жительства, проводятся информационные кампании, призванные сформировать общественное мнение и рассматривать лиц старшего возраста как членов общества, вносящих вклад в его развитие, а не как неизбежное бремя социума, что чрезвычайно важно в условиях китайской культуры. Стратегия развития фонда Po Leung Kuk предусматривает учет интересов пожилых людей. Более того, она рассматривается, как часть общей стратегии развития города, местные органы власти сотрудничают с пожилыми людьми, предпринимателями, различными ассоциациями и другими группами в поиске новых путей сохранения возрастной интеграции в семье и обществе. Po Leung Kuk сотрудничает с правительственными и неправительственными организациями в деле развития первичного медико-санитарного обслуживания, пропаганды здорового образа жизни и осуществления программ самопомощи, добровольных групп и частного сектора в интересах пожилых людей.

В рамках фонда работают 18 центров для пожилых: районные, центры ухода за пожилыми в дневное время, дома для престарелых, центры трудоустройства пожилых людей, желающих работать (что обеспечивает ими получение доходов и развитие новых форм занятости), центры для пожилых, страдающих слабоумием, центры, занимающиеся профилактикой различных заболеваний, характерных для старших возрастных групп и предлагающих программы долгой и активной жизни.

В 2005 г. открыты два новых районных Центра для пожилых людей, где они могут получать различные услуги в зависимости от их состояния здоровья и материальной обеспеченности, включая патронажные. При центрах работают группы взаимной психологической поддержки, оказываются консультационные услуги в различных сферах.

* * *

Опыт сотрудничества правительства Гонконга с неправительственным благотворительным фондом Po Leung Kuk, как и эффективная деятельность последнего в сфере социальных услуг, бесспорно, заслуживают изучения и применения в крупных российских городах. В настоящее время в Москве, например, функционирует (успешнее, чем в других городах России) единая государственная система социальной защиты населения, которая включает окружные и районные управления социальной защиты. В нее входят стационарные учреждения, центры социального обслуживания, учреждения государственной службы реабилитации инвалидов, центр автоматизированного начисления социальных выплат и подготовки аналитической информации, центры помощи семье и детям и другие государственные учреждения, осуществляющие деятельность в области социальной защиты населения.

Меры, принимаемые Правительством Москвы в области социальной защиты населения, также, как и в Гонконге, своей целью имеют сохранение социальной стабильности в городе. Однако они, в основном, сконцентрированы на сохранении натуральных льгот, информировании населения о механизмах предоставления мер социальной поддержки ветеранам Великой Отечественной войны, гражданам старшего поколения, инвалидам и семьям с несовершеннолетними детьми, другим малообеспеченным категориям москвичей, определенным городским и федеральным законодательством¹.

По всей видимости, наступает время пересмотра основного принципа работы государственной системы защиты социально уязвимых групп населения, в своей основе имеющей, главным образом, распределение пособий. На-

зрела необходимость изучать мировой опыт и совершенствовать с учетом российской специфики формы поддержки престарелых, детей-сирот, инвалидов, малообеспеченных семей. Активнее (посредством льготного налогообложения и др.) поощрять предпринимателей к благотворительности: финансированию образовательных программ для инвалидов детства (в Москве насчитывается 27,8 тыс. детей-инвалидов⁶), созданию дополнительных мест в домах для престарелых, в приютах для сирот и бездомных детей, которых в России только по официальным данным насчитывается более 715 тысяч⁷, около 700 тысяч находятся в детских домах⁸.

Задача создания при префектурах городских административных округов общественных советов для координации оказания нуждающимся гражданам благотворительной помощи со стороны коммерческих организаций, развития шефства над социальными учреждениями и наиболее полного использования потенциала социально-ориентированного бизнеса только лишь ставится в плане на 2006 г. С нашей точки зрения, наибольший интерес представляют программы фонда Po Leung Kuk, сориентированные на помощь людям с ограниченными возможностями, семьям с детьми-инвалидами и пожилым горожанам.

1. Китай делает бизнес по Конфуцию // Мы и мир. Психологическая газета. М., 2006. № 3. С. 1-2.
2. Inauguration of Po Leung Kuk Board of Directors 2005-2006. Hong Kong, 2005. P. 21.
3. Декларация о правах инвалидов, принята 30 сессией Генеральной Ассамблеи ООН, 1975 г.
4. Декларация по проблемам старения, принята 47 сессией Генеральной Ассамблеи ООН, 1992 г.
5. Правительство Москвы. Постановление от 14 февраля 2006 г. N 95-ПП "Об итогах реализации мероприятий по социальной защите москвичей в 2005 году и о Комплексной программе мер социальной защиты жителей города Москвы на 2006 год" // <http://www.mos.ru>
6. Всего в России насчитывается 642 тыс. детей-инвалидов // <http://www.hro.org/editions/soc/2006/03/03.php>
7. По неофициальным — до 2 млн человек // <http://www.sedmoykanal.com>
8. Беспризорное будущее // <http://www.radiorus.ru/news.html?rid=3368id=162926>

Культура

Национально-культурная специфика русской фразеологии с позиции носителя китайского языка

© 2006

Гао Синь (КНР)

В лингвострановедческой методике преподавания русского языка иностранцам можно обозначить две основные цели: обучение языку как практической форме выражения мыслей, как средству коммуникации, а также как возможности ознакомления учащихся с культурой носителей изучаемого языка. Преподавать русский язык иностранцам — значит одновременно знакомить их с русской литературой, с национальной культурой. "Язык также является одним из страноведческих источников, хотя он и занимает особое место." (3).

Действительно, по справедливому замечанию академика Л.В.Щербы, разделяемому большинством современных ученых, "Каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит." (7,63).

Процесс обучения русскому языку в китайской аудитории находится в неразрывной связи с русской культурой. Учащиеся, получая языковые знания, одновременно знакомятся с русской культурой. Ознакомление с культурой России укрепляет интерес китайских студентов к изучению русского языка, развивает понимание его национально-культурной специфики.

Своеобразие российской культуры проявляется, в частности, в использовании в русском языке таких слов и устойчивых выражений, которые в семантическом плане своеобразны, типичны только для русской действительности. Стало быть, нужны пособия, направленные в первую очередь на семантизацию своеобразных культурных компонентов русских слов и таких единиц, как фразеологизмы.

Термин фразеология восходит к греческому *phrosis* — "выражение" и *logos* — "учение". В современной науке о языке этот термин употребляется в двух значениях: как научная дисциплина, изучающая фразеологизмы или фразеологические единицы языка (далее — ФЕ), и как сам состав или совокупность таких единиц в языке.

В процессе изучения учет культурологической базы устойчивых оборотов языка дает возможность увидеть национальное мировосприятие, показать общечеловеческие и национально-специфические особенности языка, а в конечном счете — духовную общность разных народов мира. Благодаря фразеологическим единицам можно проникнуть в далекое прошлое не только языка, но и истории и культуры его носителей. Справедливо утверждение А.М.Бабкина о

том, что фразеология — это “святая святых национального языка”, в которой с особой колоритностью демонстрируются дух и своеобразие нации (1, 7).

“Фразеология — одна из образных и “консервативных” языковых подсистем. В отличие от обычной лексики она менее подвержена языковым изменениям, сохраняет в себе устаревшие слова, архаические формы и синтаксические конструкции. Эта способность к “исторической аккумуляции” особенно ярко проявляется в содержательном спектре. Значительная часть устойчивых сочетаний связана с различными реалиями русского быта, фактами истории, древними народными верованиями и обрядами” (2, 5).

Именно поэтому фразеологический материал всегда вызывает большой интерес при изучении иностранных языков, несмотря на все те трудности, которые в связи с этим возникают. ФЕ любого языка, будучи его специфическим пластом и обладая целым комплексом характерных черт, представляют особый интерес для исследования, под каким бы углом зрения не проводился анализ.

Изучение русской фразеологии требует не только семантического толкования и лингвострановедческого комментария единиц, но и сопоставления их с родным языком (или языком-посредником) учащегося. В связи с этим особенно важной является идея Д.Девидсона и О.Д.Митрофановой о взаимодействии, диалоге двух культур: “Приобретенное языковое знание в нынешних условиях должно выполнять роль не только средства приобщения к культуре страны изучаемого языка, но и средства осуществления взаимодействия диалога культуры” (4).

В данной работе мы рассмотрим те ФЕ, которые определяют чисто национальное лицо и отражают различные элементы культуры и быта русского народа на фоне соответствующих ФЕ китайского языка. Чтобы выявить национально-культурную специфику компонентов русских фразеологизмов при сопоставлении, мы берем за основу выделения тематических групп фразеологизмов на основании их прототипов, свободных словосочетаний.

1. Группа фразеологизмов, содержащих названия кушаний

Обратимся к русским и китайским ФЕ, происхождение которых связано с бытовой сферой. Часто они содержат в своем составе названия традиционных народных кушаний. *Блин* — национальное русское кушанье в виде тонкой мягкой лепешки из жидкого, чаще дрожжевого теста, испеченной на сковороде. Блин имеет круглую форму и в древности символизировал Солнце. Блин едят с маслом, сметаной, икрой, вареньем и т.д. Особенно много блинов пекут на традиционный праздник проводов русской зимы — масленицу. С этим кушаньем связано много фразеологизмов, например, *первый блин комом*; *печь как блины* и т.п.

Каша — тоже традиционное русское блюдо. С этим кушаньем в русском языке также связано много фразеологизмов, например: *каша у кого-то в голове* (во рту), *с кем-то каши не сварить*, *расхлебывать кашу*, *мало каши ел*, *сапоги просят каши*, *заварить кашу*, *каша заварилась* (каша — свадебный пир). *Щи* — горячее первое блюдо-похлебка, мясная или постная, из рубленой свежей и квашеной капусты, иногда капусту заменяет щавель, свекольник и пр.: *щи да каша* — (щи, каша — старинные названия русских горячих блюд, издавна распространенных в народе и ставших своеобразным символом простой пищи).

Кроме того, в русском языке существует еще много фразеологизмов с другими кушаньями, например: *седьмая вода на киселе*, *за семь верст киселя хлебать* (кисель — мучнистый напиток); *проще пареной репы* (пареная репа — типичная пища крестьянина в старой России); *тертый калач*; (*поднаторевший в каких-то делах человек*), *калачом не заманишь* (калач — белый пшеничный хлеб), *ни за какие коврижки* (коврижка — кондитерское из-

делие, род пряника, обычно на меду); *выделявать кренделя ногами* (крендель — сдобная булочка, испеченная в форме буквы “В” или цифры “8”) — идти нетвердым шагом, зигзагами; *как по маслу, как сыр в масле кататься, лизать пенки, снимать сливки.*

Семантизация таких ФЕ должна включать ознакомление учащихся с реалиями, которые обозначаются национально-специфическими компонентами — *блины, калач, крендель, коврижки* и прочие. Сведения о способе приготовления, вкусовых качествах, форме этих изделий помогут понять механизм формирования переносного фразеологического значения. Например, *тертый калач* — калач, приготовленный из особого теста, которое долго трут и мнут, чтобы при выпечке получился пористый мякиш. Отсюда метафорическое употребление о человеке, которого “терла” и “мяла” жизнь (6, 61).

В выражении *за семь верст киселя хлебать* (напрасно стремиться куда-нибудь, имея возможность достичь желаемого на месте), *кисель* — национальное русское кушанье, изготовлявшееся из ржаной, овсяной, пшеничной муки на ягодном соке или молоке с добавлением крахмала и сахара. Он был легким, но сытным повседневным блюдом в старой России. Поскольку кисель никогда не считался необычным, редким и дорогим кушаньем, то ехать за ним далеко нет смысла: его и дома много. Выражение *как сыр в масле кататься* означает “жить в полном довольстве, достатке, благополучии”. Народное сравнение с сыром, катающимся в масле, отражает виды переработки молока, известные издавна в русской деревне. *Сыр и коровье масло* — крестьянские символы жизненного благополучия, сытости и довольства, ставшие своеобразными символами русской кухни.

Многие ФЕ связаны с символикой *хлеба и соли* как важнейших продуктов питания. Например, *водить хлеб-соль* (находиться в приятельских, дружеских отношениях), *делить хлеб-соль* (о тесной дружбе), *хлеб да соль* (приятного, хорошего аппетита). Во фразеологической единице *хлебом не корми* (о сильном пристрастии, увлеченности кого-либо чем-либо), *хлеб* является символом самого необходимого для жизни, от которого человек готов отказаться ради любимого занятия. Фразеологизм *перебиваться с хлеба на квас (на воду)* означает жить в крайней бедности (квас — национальный русский напиток, приготовляемый на воде из хлеба или сухарей с солодом). Образ фразеологизма *посадить на хлеб и на воду* (наказывать ограничением пищи, голодом; лишать пищи в наказание за что-либо) связан с наказанием, принятым в учебных заведениях, военных учреждениях и тюрьмах царской России. Провинившего запирали в отдельную комнату и кормили только хлебом и водой. Во фразеологизме подчеркнута “самодостаточность” хлеба как минимума питания.

Хлеб и соль у русских имели символическое, ритуальное значение. Например, ФЕ *подносить хлеб-соль* (о доброжелательном приеме, встрече дорогих, желанных гостей) связан со старинным русским обычаем встречать почетных гостей или молодых на свадьбе с хлебом и солью. Этот обычай сохранился до нашей дней. При торжественных встречах в знак уважения почетным гостям и молодым подносят каравай хлеба и соли на красочно расшитом полотенце. В выражении *хлеб-соль* (угощение, предлагаемое гостю) *хлеб и соль* — традиционные символы гостеприимства и радушия на Руси. Хлебосолом или хлебосольным человеком называют сердечного, гостеприимного хозяина (2, 603).

Названия китайских национальных блюд, кушаний, продуктов также отразились в китайской фразеологии. Известно, что для китайцев жизненно важным продуктом является рис. Рис для китайцев имеет такое же значение, как хлеб для русского. Не случайно поэтому китайскому фразеологизму *mǐ zhī xīn guì* (букв. рис — жемчуг, топливо — лавр) в словаре (5) дается толкование “рис и топливо расценивались на вес золота, дороговизна жизни”. Во ФЕ *cái*

mi you yan (букв. топливо, рис, соевое масло, соль) называются продукты первой жизненной необходимости. Фразеологизм jiu zu fan bao (букв. напиться водки и наесться риса) означает "наесться всласть", can geng sheng fan (букв. остатки похлебки и риса) свидетельствует об остатках еды. ФЕ Qiao fu pan wei wu mi zhi chui (букв. без риса даже искусной хозяйке каши не сварить), wu mi zhi chui (букв. подобно тому, что без риса готовить рисовую кашу) также говорят о том, что рис является наиболее важным продуктом в Китае.

Китайцы очень любят чай, гостей, как правило, угощают чаем. Это выражается в ФЕ san cha liu fan — (букв. три раза - чай, шесть раз - еда). Если стол накрыт предельно скромно, китайцы могут сказать cu cha dan fan — (букв. простой чай и упрощенная еда), выражение cha yu fan hou (букв. после чая и еды) обозначает "на досуге, в свободное время".

В китайских ФЕ встречаются названия таких продуктов, как тыква, фасоль, дыня: zhong gua de gua, zhong dou de dou — (букв. посеешь тыкву — и пожнешь тыкву, посеешь фасоль — пожнешь фасоль), Wang po mai gua zi mai zi kua — (букв. бабка Ван сама продает дыню и сама нахваливает ее). ФЕ zao kang zhi qi- (букв. жена, поевшая много лет с мужем грубой пищи) характеризует жену, делящую невзгоды с мужем (zao kang — бурда и отруби).

В китайской кухне продукты принято нарезать на мелкие кусочки, что также находит отражение в ФЕ: kuai zhi wen kou — (букв. всем нравятся мелко нарезанные мясо или рыба: kuai — мелко нарезанные рыба или мясо, zhi — жареное мясо). Фразеологизм используется в ситуации, когда выражают восхищение чем-либо (стихотворением, текстом и т.п.). ФЕ chang ding yi luan (букв. попробовать один кусочек мяса в котле, Luan — мясо нарезанное на маленькие кусочки) означает "сами частности уже говорят о целом, в малом можно увидеть и большое", zao ji tu yan (букв. утром на завтрак мелко нарезанное овощи, вечером на ужин соль) означает "скудно питаться".

2. Группа фразеологизмов, содержащая название денежных единиц

Интересные сведения можно почерпнуть из фразеологизмов, связанных с денежными единицами: *ни гроша за душой* (очень бедный), *гроша медного (ломаного) не стоит* (ничего не стоит), *ни в грош не ставить* (совсем не считаться с чем-либо), *грош цена* (нисколько, ничуть, ни на самую малость). *Грош* — название старинной мелкой монеты, полкопейки в России.

Название русской старинной монеты *алтын* также вошло во многие фразеологизмы: *ни на алтын, ни алтына*, поговорки и пословицы (*не стоит алтына, а тянется за полтиной; пить бы на полтину, да нет и алтыну*) и др. Другие денежные единицы также вошли в русские ФЕ: *копейка* (круглая мелкая монета, сотая часть рубля) входит в ФЕ: *копейка в копейку* (совершенно точно при подсчете денег); *до последней копейки* (все целиком, полностью, без остатка израсходовать, заплатить, получить и т.д.).

В выражении *ехать, направляться, отправляться за длинным рублем* (ехать за большим и легким заработком) сохраняется след древнего значения слова. С XIII в. *рубль* представлял собой кусок, отрубленный от серебряной гривны, которая была денежной и весовой единицей Древней Руси и весила около 200г. Она обычно рубилась на 4 части — "руба", или рубля. Большой, особенно увесистый обрубок такого слитка называли длинным рублем. Фразеологизм *бить рублем* (о финансовых взысканиях за какие-либо упущения) возник на основе старинной поговорки: *не бей мужика дубьем, а бей его рублем*.

Китайские денежные единицы также часто встречаются в ФЕ. Раньше в Китае существовали деньги с квадратным отверстием, обычно их соединяли

веревочкой, каждую тысячу таких денег называли один *guan* (гуань). Так и возникла ФЕ: *yaо chan wan guan* (букв. в мешке десять тысяч гуаней) — означает, что “человек очень богатый”.

Современная китайская денежная система состоит из следующих единиц: *уан*, *jiao*, *fen* (1 *уан* = 10 *jiao* = 100 *fen*). Эти единицы тоже встречаются в составе фразеологизмов, например:

- *yi wen gu ming* (букв. один “*wen*” как жизнь, “*wen*” — счетная единица, обозначающая мелкую монету) употребляется, когда речь идет об очень скупом человеке (ср.: русский фразеологизм: *дрожать над каждой копейкой*);

- *yi wen bu zhi* (букв. одного “*wen*” не стоит) означает “ничего не стоит” (ср.: русский фразеологизм: *гроша медного (ломаного) не стоит* и т.д.).

3. Группа фразеологизмов, содержащих название одежды

Среди специфических названий обуви и одежды, вошедших в состав ФЕ соответствующей группы, отмечаются *лапоть — лаптем щи хлебать*, *плести лапти*; *кафтан — тришкин кафтан*; *спустя рукава, засучив рукава* (одежда с длинными рукавами); *ходить козырем* (знак боярского величия — высокий стоячий воротник, украшенный золотом, драгоценными камнями).

Во многих русских выражениях, связанных с одеждой, встречается слово *шапка* (название головного убора): *по Сеньке и шапка* (знатность боярского рода определяла высоту меховых шапок, в которых простой народ не имел права ходить); *к шапочному разбору* (появляться к шапочному разбору, т.е. когда дело уже завершено); *на воре шапка горит* (из старинного анекдота о воре, невольно выдавшем себя); *шапочное знакомство* и т.п. Выражение *дать (давать) по шапке* (наказывать за проступок, выгонять откуда-либо, уволить с должности), как и оборот *снять шапку*, восходит к символике головного убора на Руси, где шапка была не только предметом одежды, но и символом добропорядочности. Поэтому в средневековой Москве, например, на Красной площади несостоятельные должники обычно наказывались тем, что с мужчин публично снималась шапка, а с женщин — платок. Это означает, что данный фразеологизм, по-видимому, является прототипом фразеологизма *дать по шапке*. В разговорной речи оборот *дать по шапке* контаминировался с сочетанием *дать по шее* в значении “наказать, избить”, отчего смысл его несколько изменился (2, 635). Выражение *ломать шапку* (заискивать, угодничать перед кем-либо) первоначально значило “приветствовать с поклоном и снятием головного убора”.

В китайских фразеологических единицах тоже встречается слово *шапка*:

- *yi guan chu chu* (букв. нарядная одежда и шапка) означает: иметь презентабельный вид, быть изящно одетым, одеваться с лоском;

- *zhang guan li dai* (букв. надевать шапку Чжана на Ли) — не по адресу сделать, перепутать что-либо с чем-либо;

- *yi guan qin shou* (букв. зверь в человеческой одежде и шапке) — о человеке, который своим поведением, поступками уподобляется зверю, животному.

Шелк, парча, нефрит — используются в китайских ФЕ как символы богатства, благополучия и т.п.

- *jin yi yu shi* (букв. одежда из парчи, посуда из нефрита);

- *yu shi bu fen* (букв. не отличать нефрита от простого камня) — о неразборчивости;

- *yi jin huan xiang* (букв. вернуться на родину в одежде из парчи) — вернуться богатым;

- *wan ku zi di* (букв. молодые люди в брюках из тонкого шелка) — пижоны, франты.

В последнее время обучению фразеологии в целях повышения страноведческой компетенции учащихся уделяется довольно большое внимание. Фра-

зоология обогащает знания, пополняет лексический запас студентов, служит иллюстративным материалом к ранее изученному грамматическому материалу. Она также обогащает речь студента, делает ее более полной и выразительной. Особая значимость фразеологизмов заключается в том, что они являются бесценным страноведческим источником, поскольку фразеологический фонд любого языка содержит в своей семантике национальные компоненты, отражающие особенности культуры и быта народа — носителя этого языка и подчеркивающие самобытность исторического развития той или иной страны.

Русский язык, подобно любому другому языку, неразрывно связан с историей народа, и, будучи одним из признаков нации, выражает национальную культуру. Поэтому преподавать русский язык иностранцам можно и нужно не только как новый информационный код, новый способ выражения мыслей, но и как источник сведений о национальной культуре народа-носителя изучаемого языка. Для современного преподавателя русского языка иностранцам (в данном случае в китайской аудитории) характерны настойчивые и последовательные попытки переносить собственно страноведческие сведения непосредственно на уроки русского языка.

-
1. Бабкин А.М. Идиоматика (Фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикология. Л., 1979.
 2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологии: Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург, 1998.
 3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990
 4. Девидсон Д., Митрофанова О.Д. Функционирование русского языка: методический аспект. М., 1990.
 5. КРС — Китайско-русский словарь. Пекин, 1992.
 6. Филицина В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь (под ред. Е.М. Верещагина и В.Г.Костомарова). М., 1990.
 7. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе // Общие вопросы методики. М., 1977.

Рецензии

Русско-китайские отношения в XX веке.

Документы и материалы. Т. V. Советско-китайские отношения. 1946—1950. Кн. 1: 1946—1948 гг.; Кн. 2: 1949 — февраль 1950 г.

М.: Памятники исторической мысли, 2005.

Ответственный редактор С.Л. Тихвинский.

Составители: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников

Еще в 60-х годах прошлого века ученые-китаеведы Института Дальнего Востока РАН поставили перед собой широкомасштабную задачу — воссоздать на основе подлинных документов и фактов реальную картину почти 400-летней истории отношений двух крупнейших государств мира — России и Китая. Этому начинанию во многом способствовал открывшийся в 90-х годах доступ исследователей к ранее закрытым архивам СССР. Руководствуясь принципами научной объективности и исторической достоверности, коллектив ученых ИДВ в 1969–1995 гг. подготовил и опубликовал семь объемных томов документов и материалов, в том числе много ранее неизвестных, по истории российско-китайских отношений в XVII—XX веках¹. Знакомство с этими бесценными материалами и новыми документальными свидетельствами позволяет глубже понять и по достоинству оценить долгий процесс познания, взаимопонимания и сближения народов России и Китая.

Серийная публикация документов по истории русско-китайских отношений в XX в. открылась изданием в 2000 г. Т. IV "Советско-китайские отношения. 1937—1945 гг." в двух книгах общим объемом 1754 стр. Этот фундаментальный труд был высоко оценен в научных и дипломатических кругах². Выход в свет в 2005 г. пятого тома (также в двух книгах) совпал с 60-летним юбилеем сразу трех исторических событий: Победы советского народа в Великой Отечественной войне, победоносного разгрома Советской армией японских захватчиков на Востоке и капитуляции Японии и, наконец, окончание Второй мировой войны.

Содержание пятого тома охватывает два этапа: книга 1 посвящена отношениям

между СССР и Китайской Республикой в годы гражданской войны в Китае (1946—1949) и книга 2 — отношениям СССР с провозглашенной 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республикой (включая подписание 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР).

Известно, что на рубеже 1945—1946 гг. военно-политическая обстановка в Китае быстро менялась и исход гражданской войны был тогда еще непредсказуемым. Как свидетельствуют многочисленные документы, советское руководство внимательно отслеживало и чутко реагировало на происходившие в Китае процессы, будучи заинтересованным прежде всего в существовании по соседству с СССР дружественного ему государства. СССР еще продолжал официально поддерживать дипломатические отношения с Китайской Республикой, с которой 14 августа 1945 г. был заключен Договор о дружбе и союзе. В то же время советское руководство все заметнее стало оказывать активное содействие КПК в укреплении ее позиций в Маньчжурии и наращивании военных сил для борьбы со своим непримиримым противником — Чан Кайши.

В опубликованных в хорошем оформлении издательством "Памятники исторической мысли" документах и материалах пятого тома исследователи-историки, дипломаты и студенты, все заинтересованные читатели могут найти ответы и разъяснения по многим вопросам сложных взаимоотношений СССР с Китаем в решающий период борьбы китайского народа за объединение страны и становление КНР. В двух больших книгах этого тома содержится 583 документа, хранящихся в Архиве внешней политики РФ и Архиве Президента РФ. Многие из пуб-

ликуемых документов вводятся в РФ в научный оборот впервые. Здесь можно найти тексты договоров и соглашений, записи бесед и шифропереписку И.В. Сталина, А.И. Микояна, советских представителей разного ранга с Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем и другими руководителями и членами Политбюро ЦК КПК, доклады и информационные сообщения дипломатов и т.п. Множество фактов и деталей, зафиксированных в этих документах, помогают читателю осмыслить суть политики СССР, направленной на всестороннюю поддержку китайского народа в его борьбе за свое освобождение от внешних и внутренних врагов. В решающий, судьбоносный для Китая период 1946—1950 г. стратегия и тактика Москвы были направлены на то, чтобы, оказывая всемерную военную, экономическую и другую помощь Компартии Китая и ее вооруженным силам в борьбе с армиями Чан Кайши, не допустить того, чтобы гражданская война в Китае стала продолжением Второй мировой войны с участием великих держав.

Впервые опубликованные документы в книге 1 проливают дополнительный свет на характер отношений между Советским Союзом и Китайской Республикой в последние годы гражданской войны в Китае (1946—1949), завершившейся образованием 1 октября 1949 г. нового государства — Китайской Народной Республики. Поистине историческими стали и первые шаги по сближению СССР и КНР на новой основе, приведшие к заключению Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного сторонами 14 февраля 1950 г., о чем свидетельствуют материалы книги 2 тома V.

В 1946—1949 г. советско-китайские отношения подвергались серьезному испытанию под воздействием внешних и внутренних сил. С одной стороны, разгром Советской армией мощной японской военной группировки в Маньчжурии, капитуляция Японии и вывод советских войск из Китая свидетельствовали об окончании Второй мировой войны. С другой — многолетняя борьба за власть в стране между правящей партией Гоминьдан и находившейся в активной оппозиции Компартией Китая с участием крупных вооруженных сил с обеих сторон, напротив, резко усилилась, а гражданская война приобрела широкие масштабы и охватила всю страну. В это же время обострилась и вся международная обстановка из-за возникших противоречий между СССР и США, в том числе по вопросу о судьбах Китая. Для правящих кругов США, получивших в конце войны оружие массового уничтоже-

ния — атомную бомбу и стремившихся к установлению своего мирового господства, СССР был главной преградой на этом пути. Китай стал основным театром разворачивавшейся “холодной войны” на азиатском фронте, где СССР выступал на стороне Компартии Китая, а США всячески поддерживали гоминьдановское правительство во главе с Чан Кайши.

После разгрома Советской армией мощной японской военной группировки в Маньчжурии и капитуляции Японии США решили воспользоваться плодами этой победы в своих интересах, осуществив в сентябре—октябре 1945 г. крупномасштабную переброску своих войск в Китай под предлогом оказания помощи гоминьдановскому правительству в разоружении и выводе японских войск из Китая. Стало очевидным намерение правительства США помочь Чан Кайши разгромить вооруженные силы КПК и установить свое господство во всем Китае. Стремясь не допустить такого развития событий, СССР предпринял ответные шаги, направленные на компромиссное решение вопроса. На состоявшемся в декабре 1945 г. Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании по предложению Советского правительства была рассмотрена обстановка в Китае и связанные с нею вопросы советско-американских отношений, в том числе вопрос о присутствии на территории Китая советских и американских войск. По предложению советской делегации было принято решение “о необходимости объединения и демократизации Китая” и о прекращении гражданской войны. Министры СССР и США пришли к согласию относительно “желательности вывода с территории Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок”. В соответствии с этой договоренностью советские войска к маю 1946 г. были выведены из Китая. Лишь небольшая воинская часть по просьбе правительства КР осталась на военно-морской базе Порт-Артур для охраны Китая от внешних агрессоров.

На рубеже 1945—1946 г. Москва оказывала содействие КПК в создании Объединенной демократической армии (ОДА). Войскам ОДА было передано трофейное оружие и военно-техническое имущество разоруженной японской армии. С помощью СССР было создано северо-восточное региональное бюро ЦК КПК, а позднее — Народное правительство Северо-Восточного Китая во главе с Гао Ганом. Для оказания помощи в налаживании функционирования в этом регионе воен-

ных, экономических и политических структур по просьбе руководства ЦК КПК из Яньани в Маньчжурию заранее была переброшена на советском самолете большая группа партийных, военных и хозяйственных работников. Благодаря активной поддержке СССР на северо-востоке страны была создана опорная база китайской революции и руководящий центр борьбы КПК против сил Гоминьдана во главе с Чан Кайши, которых поддерживали Соединенные Штаты Америки. Как отмечают составители сборника документов, возросшая советская помощь позволила КПК оправиться от серьезных поражений, понесенных на первом этапе гражданской войны, и перейти в контрнаступление. К концу 1947 г. НОАК стала контролировать территорию, на которой проживало 32% населения Китая, а ее численность превысила 2 млн 200 тыс. бойцов. В то же время армия ГМД сократилась до 2 млн 560 тыс. человек.

Летом и осенью 1948 г. силами НОАК армиям Чан Кайши был нанесен ряд сокрушительных ударов. В результате проведения трех крупнейших военных операций была освобождена вся территория Северо-Востока, большая часть Восточного и Центрального Китая, в том числе города Тяньцзинь и Пекин. Войска КПК в начале 1949 г. широким фронтом вышли на северный берег реки Янцзы, создав непосредственную угрозу Нанкину и Шанхаю. В январе 1949 г. Чан Кайши в очередной раз обратился к КПК с призывом о прекращении гражданской войны и переговорах о мире. Тогда же гоминьдановское правительство Китайской Республики обратилось к правительствам СССР, США, Великобритании и Франции с просьбой о посредничестве в мирном урегулировании в Китае. Это было не первое обращение правительства КР с таким предложением. Еще в январе 1946 г. в Москве побывал в качестве личного представителя Чан Кайши его сын Цзян Цзинго с целью убедить И.В. Сталина выступить посредником в урегулировании отношений между руководителями Гоминьдана и КПК и побудить руководство КПК отказаться от вооруженной борьбы против ГМД. Тогда И.В. Сталин уклонился от каких-либо обещаний, заявив, что этот вопрос должны решить сами противоборствующие стороны и Москва не может повлиять на позицию КПК. Новое обращение Чан Кайши с предложением о перемирии И.В. Сталин обсуждал с Мао Цзэдуну в ходе интенсивного обмена шифрованными телеграммами в январе 1949 г., высказывая свои соображения по поводу возможных ва-

риантов решения этого вопроса.

Приведенные в пятом томе тексты этих телеграмм свидетельствуют, что появившиеся впоследствии в Китае домыслы и вымыслы о якобы скептическом и безучастном отношении советского руководства к КПК и его руководителям и даже о том, что СССР, якобы был против форсирования р. Янцзы войсками НОАК и освобождения всего Китая, не имеют никаких оснований. В телеграмме от 14 января 1949 г. Сталин предлагал Мао Цзэдуну с учетом обстановки тщательно обдумать и обсудить возможные варианты ответов на предложение Чан Кайши, исходя из интересов КПК. "Мы просим Вас, — писал И.В. Сталин, — рассматривать наши советы именно как советы, которые ни к чему Вас не обязывают и которые можете принять или отклонить. Можете быть уверены, что отклонение наших советов не повлияет на наши отношения и мы останемся такими же вашими друзьями, какими были всегда". И далее: "Что касается нашего ответа на предложение нанкинцев о посредничестве, наш ответ будет составлен в духе ваших пожеланий"³. Согласовав свою позицию с Мао Цзэдуну, советское правительство отказало правительству Гоминьдана в посредничестве на переговорах ГМД с КПК, которые хотя и состоялись в Пекине, но не привели к какому-либо согласию сторон, так как условия, выдвинутые КПК, означали по существу капитуляцию ГМД и были отвергнуты Чан Кайши.

В результате 21 января 1949 г. Чан Кайши ушел в отставку с поста Президента КР, а гоминьдановское правительство приняло решение переехать в Кантон (Гуанчжоу), куда с дипкорпусом, соблюдая дипломатический протокол, последовал и советский посол. Прибывший в ставку ЦК КПК по просьбе Мао Цзэдуну и по согласованию с И.В. Сталиным представитель советского руководства А.И. Микоян дал разъяснения по этому вопросу, отметив, что поездка посла Н.В. Рошина вместе с китайским правительством в Кантон "не нанесет ущерба нашему общему делу, а, наоборот, поможет ему". В томе опубликован полный пакет документов и записей бесед А.И. Микояна в январе-феврале 1949 г. с китайскими руководителями по всем важным для КПК проблемам.

24 апреля 1949 г. китайский "рубеж" был перейден. Войска 3-й полевой армии НОАК под командованием Лю Бочэна и Дэн Сяопина форсировали Янцзы и вошли в тогдашнюю столицу Китая Нанкин. Однако гражданская война еще

продолжалась. Отступившие на Тайвань гоминьдановцы готовились взять реванш, подвергая бомбардировкам с самолетов и военных кораблей крупные города континентального Китая и угрожая военной интервенцией при поддержке США. В этой тяжелой для Китая обстановке в Москву с просьбой о помощи летом 1949 г. была направлена делегация ЦК КПК во главе с членом Политбюро Лю Шаоци. В состав делегации входили член Политбюро и председатель правительства Северо-Восточного Китая Гао Ган и член ЦК Ван Цзясян. Более месяца, с 26 июня по 2 августа делегация вела переговоры с И.В. Сталиным и другими советскими руководителями по важнейшим вопросам, связанным с завершением гражданской войны, закреплением победы и переходом к решению сложных задач по хозяйственному восстановлению страны.

Содержащиеся в сборнике документы и материалы, многие из которых опубликованы впервые, поражают широтой круга вопросов, обсуждавшихся и решавшихся в ходе советско-китайских переговоров и активной переписки между руководителями двух стран. Так, например, во время своего визита в Москву летом 1950 г. делегация Лю Шаоци обратилась с просьбой к советскому руководству о срочной присылке в Китай зенитных орудий и военного персонала, специалистов войск ПВО, о помощи в разминировании портов и китайского побережья, о поставке нефтепродуктов и др. Советское правительство дало согласие удовлетворить все эти просьбы. Кроме того, были достигнуты соглашения о направлении в Китай большой группы советских специалистов для оказания помощи в восстановлении народного хозяйства, а также о поставке в Кигай оборудования и подготовке кадров технических и военных специалистов. Было заключено и секретное соглашение о предоставлении еще официально не пришедшей к власти КПК советского кредита в размере 300 млн ам. долларов, что вызвало протест со стороны гоминьдановского правительства, с которым у СССР еще сохранялись официальные отношения. Следует заметить, что подобные постановления Совета Министров СССР об оказании различной помощи КПК без согласия правительства КР принимались в Советском Союзе и ранее.

В рецензируемом V томе публикуются полные записи бесед А.И. Микояна с Мао Цзэдуном и другими руководителями КПК в начале 1949 г. в Китае, содержание переговоров с делегацией Лю Шаоци в Москве в июле-августе 1949 г., бесед

И.В. Сталина и других советских руководителей с Мао Цзэдуном в декабре 1949 — феврале 1959 г. Все эти документы наглядно свидетельствуют о широких масштабах доверительного товарищеского обмена мнениями по поводу возникавших в Китае проблем и высоком уровне представителей обеих сторон на переговорах. Разносторонняя и конкретная помощь СССР — политическая, военная, экономическая и финансовая — была своевременна и неординарна. "Если бы не было помощи со стороны Советского Союза, — говорил Мао Цзэдун в беседе с А.И. Микояном 4 февраля 1949 г., — мы едва ли могли бы одержать нынешние победы. Это, однако, не значит, что мы не должны опираться и на свои собственные силы. Но нельзя и не считаться с тем фактом, что военная помощь Советского Союза в Маньчжурии, составляющая ? всей Вашей помощи нам, играет весьма существенную роль"⁴.

В книге 2 пятого тома опубликовано много документов и материалов, связанных с подготовкой и подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, заключенного в Москве 14 февраля 1950 г. Помимо этого главного политического договора в книге обнародованы полные тексты ранее не публиковавшегося дополнительного секретного соглашения, а также отдельных соглашений о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении кредита КНР и ряда других важных документов, связанных с заключением Договора 1950 г.

Значительный интерес у читателя вызывают и приложения к V тому, в которых систематизированы документы по 10 темам, в том числе : советско-китайские контакты на высшем уровне, советское государство и Российская духовная миссия в Китае, экономика Северо-Восточных провинций Китая, помощь СССР в ее восстановлении и развитии и др. В приложениях публикуются и записи последних бесед И.В. Сталина с Чжоу Эньляем в Москве в августе—сентябре 1952 г., завершивших встречи и контакты советского вождя с высшими руководителями КНР и КПК. В ходе этих бесед обсуждались и анализировались результаты советской помощи Китаю в решении его исторических проблем. В дальнейшем 50-ые годы стали периодом расцвета дружбы и сотрудничества советского и китайского народов.

Подводя итоги своей большой аналитической работы, составители V тома А.М. Ледовский и Р.А. Миrowsкая приходят к заключению, что документы и материалы о советско-китайских отношениях в 1946—1950 гг. отражают неизменно

дружеское отношение руководства и народа Советского Союза к китайскому народу, реальную поддержку в его освободительной борьбе, увенчавшейся провозглашением Китайской Народной Республики. Заключенный 14 февраля 1950 г. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР на определенный период стал прочным фундаментом деловых дружественных отношений между двумя великими странами-соседами. Затянувшийся же почти на 30 лет драматический раскол в советско-китайских отношениях с 1960 по 1989 г. явился противоестественной аномалией в их развитии и нанес не только значительный ущерб народам обеих стран, но и серьезно подорвал мировую социалистическую систему.

И все же Россия и Китай сумели извлечь уроки из этой трагедии, действуя в интересах воссоздания добрососедства, дружбы и сотрудничества обеих стран. Исследуя историю отношений СССР и КНР по вновь открывающимся доку-

ментам и материалам, мы все больше убеждаемся в непреложности и закономерности стремления народов двух стран к миру и развитию, дружбе и сотрудничеству с учетом взаимных интересов. Такая позитивная тенденция развития двусторонних отношений не раз отмечалась в трудах известных российских ученых-китаеведов¹.

Заключив в 2001 году Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, Россия и Китай уверенно шагают в будущее по пути мира и развития под девизом стратегического партнерства. Выход в свет подготовленного учеными-китаеводами ИДВ очередного сборника документов и материалов о советско-китайских отношениях в 1946—1950 гг. в канун 2006 года — Года России в Китае — стал весомым вкладом китаеведов ИДВ в укрепление взаимопонимания, традиционной дружбы и делового взаимовыгодного сотрудничества двух великих народов России и Китая.

© 2006

Ю. Песков,
старший научный сотрудник ИДВ РАН

1. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в 2-х томах. Т. 1. 1608—1683. М., 1969; Т. 2. 1686—1692. М., 1972. Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1700—1725. М., 1978. Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Т. 2. 1725—1727. М., 1990. Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова; Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы. Т. 1. 1803—1807. М., 1995. Сост. М.Б. Давыдова, И.Т. Мороз, В.С. Мясников, Н.Ю. Новгородская; Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы: советско-китайские отношения. Т. IV. 1937—1945. Кн. 1. 1937—1944. Кн. 2. 1945. М., 2000. Сост. А.М. Ледовский, Р.А. Миrowsкая, В.С. Мясников.
2. См., напр., ПДВ № 1. 2001.
3. Русско-китайские отношения. Т. V. Кн. 2. С. 22.
4. Там же. С. 69.
5. Ледовский А.М. СССР, США и Китайская революция глазами очевидца, 1946—1949: РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2005. 192 с. Это научное исследование видного дипломата и ученого было подготовлено на базе документов и материалов, хранящихся в крупнейших архивах России и включенных в две книги пятого тома рецензируемого издания, а также дневниковых записей автора — свидетеля исторических событий и тех политических процессов, которые происходили на китайской земле после окончания Второй мировой войны. Анализ и характеристика советско-китайских отношений этого периода содержатся и в других ранее опубликованных трудах известных советских китаеведов. См., напр.: Тихвинский С. Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1889—1949. М., 1996; Тихвинский С. Л. Век стремительных перемен. М., 2005; Борисов О. Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945—1949). М., 1985; Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937—1952 гг. М., 1999. Галенович Ю.М. Россия—Китай: шесть договоров. М., 2003 и др.

**Н. А. Спешнев. Пекин — страна моего детства.
Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика.
СПб: Бельведер, 2004. 315 с.**

Отечественное китаеведение обогатилось в полном смысле слова уникальной книгой профессора СПбГУ Н.А.Спешнева. Чтобы такую книгу написать, надо было прожить жизнь в уникальных обстоятельствах при редкостном счастливом благоволении судеб. Среди российских китаеведов всегда встречались баловни судьбы, учившиеся в Китае, но такое счастье как Н.А.Спешневу — родиться в Пекине и учиться в пекинской школе — пока еще никому не выпадало. Нормативный китайский пекинский говор — для него родной. Для нас, китаеведов, это недостижимая мечта, а для него — реальная действительность, с которой прожита полная бурных событий жизнь.

Книгу украшает старинный дагерротип предка-петрашевца, Николая Александровича, о котором недавно написана монография под выразительным заглавием: "Несбывшаяся судьба" (с. 9). А вот у его потомка судьба сбылась, и на страницах книги фото группы мальчиков пекинской школы "Минмин" 1944 года сопровождается фотографией 2004 года, когда бывшие выпускники пекинской школы через 60 лет встретились вновь.

В Пекин родителей автора привела нелегкая доля изгнанных. Жить было трудно среди превратностей войн и революции, но зато теперь профессор просто не может вспомнить, как он учился китайскому языку, потому что с раннего детства понимал китайский разговорный нормативный язык и говорил на нем (с. 63). Четыре года тесного общения с няней Чжан — и для ребенка китайский стал родным.

Канун Нового 1943 года запомнился первой встречей с советскими людьми, а первый тост был произнесен за победу. Новогодним подарком от советского консульства стала книга В.Каверина "Два капитана."

Сотрудникам ИДВ РАН будет интересно встретить упоминания в книге Н.А.Спешнева о советском консуле в Бэйпине С.Л.Тихвинском, о сотруднике консульства А.М.Ледовском. В день отдыха они участвовали в охоте на зайцев в пред-

местьях города. Фотография добытых охотничьих трофеев тоже украшает книгу.

Первые 16 лет своей жизни Н.А.Спешнев провел в Китае, в августе 1947 года семья вернулась на родину. Режим встретил вернувшихся сурово: "половина из первой партии возвращенцев вскоре оказалась в лагерях. Не прошла беда и мимо нашей семьи. Так, дед был арестован в возрасте 79 лет, и больше мы его не видели. Муж сестры получил 10 лет ссылки. Отца такая участь, к счастью, миновала" (с. 237).

По сравнению с жизнью в Китае это был явный контраст. Профессор вспоминает: "Надо признаться, что никогда в жизни — ни в годы детства и юности, ни в трудные годы "культурной революции", ни позже — я не испытывал со стороны китайцев, детей и взрослых, официальных лиц и простолюдинов недоброжелательного к себе отношения" (с. 238).

В 1954 году на Всемирном конгрессе студентов-медиков Н.А.Спешнев начал работать синхронным переводчиком, а темы были — хирургия сердца и условные рефлексы.

Всякий переводчик с иностранного языка знает, что синхронный перевод — это вершина профессии. В этой книге находится бесценный опыт многолетней переводческой работы. Скромность не позволила автору подчеркнуть, что синхронный перевод с русского на китайский и обратно представляет очевидные особые трудности, которые не всякому по плечу. Возникают непременно неожиданные ситуации, когда, кроме знания языка, нужны такие психологические качества, как "выдержка, самообладание и хладнокровие" (с. 275).

Большие диалектные различия в китайской устной речи — подлинный бич и головная боль для переводчиков с китайского. Справедливо мнение профессора Н.А.Спешнева, что "китаец, говорящий на нормативном китайском языке, но с сильным диалектным акцентом, вызывает у переводчика тихий ужас" (с. 291) Отсюда весьма жесткие требования в личном качестве синхрониста.

Многолетний опыт такой работы вынуждает автора сказать: " У синхронного переводчика должна быть крепкая нервная система, он должен уметь предельно концентрировать свое внимание, обладать хорошей памятью, быстрой реакцией, смелостью, находчивостью, широким кругозором, артистизмом, чувством юмора и, на всякий случай... хорошим знанием языка, в том числе и русского — всего-то ничего"(с. 295)

Последнее замечание выдающегося нашего синхрониста особо ценно. Ведь чаще всего так называемые переводческие

"проколы" возникают из-за трудностей не с иностранным, а с русским языком, владеть которым, как рабочим инструментом, очень нелегко.

Молодые китаисты, обучающиеся на восточном факультете СПбГУ, благодаря трудам своего любимого профессора, после годичной стажировки в Китае готовы работать гидами и переводчиками с китайским языком. Им по плечу этот тяжелый труд, потому что они получают в университете прекрасную базу для своей дальнейшей профессиональной деятельности.

© 2006

А. Желозовцев

М.В. Шарко. Философия японской дипломатии. М.: Научная книга, 2005. 315 с.

"Философия японской дипломатии" — оригинальное исследование, полагаю, представляющее немалый интерес для тех, кто стремится понять то многоликое чудо, каким по сей день видится для многих Японии. Всякий, прочитавший книгу М. Шарко, сможет убедиться, что философия японской дипломатии имеет прямую связь с чудесами, чудесами общественного сознания японцев, в формировании которого мифам принадлежит огромная роль.

Разрабатывая заявленную тему, исследователь сосредоточил свое внимание на анализе исторических, философологических и деонтологических предпосылок возникновения и развития японской дипломатии. Ставя целью понять ее методы, стиль и приемы, дать оценку практической деятельности в этой области, автор обращается к древней истории страны, к ее мифологии. Именно там он находит те истоки, те принципы, на которые как на основу опирается японская дипломатия.

Через скрупулезный анализ мифологии с применением различных методов исследования (исторический, диалектический, феноменологический, структуральный, лингвистический, семантический, сравнительный и др.) М. Шарко раскрывает метафизический аспект зарождения и развития содержания бытия и мышления японского этноса в различные периоды его истории. При этом выявляется

сложная взаимосвязь исторического, религиозного, нравственного, политического, дипломатического и художественно-эстетического опыта, его воздействия на формирование и функционирование японского общества, а также на сознание и поведение людей.

Итак, автор в своем исследовании идет от логики мифа к логике политики и дипломатии.

В монографической работе — четыре главы. В главе 1 — "Дипломатические эпохи Японии и их актуализация в современности" — содержатся наиболее важные суждения, к которым пришел автор в результате своего исследования. "Японская дипломатия имеет более чем 2000-летнюю традицию". Эпоху мифологической Японии М. Шарко называет "генезисом японской дипломатии". "Происхождение японской дипломатии политически амбициозно, поскольку ее рождение связывается с деятельностью японских богов и мира людей" (с. 33-34), особо отмечает автор.

Основным источником мифологических сведений для исследователя является единый свод японских мифов "Кодзики" ("Записи о деяниях древности". 712 с.). Этот документ М. Шарко рассматривает как "вид политической доктрины, имеющей доминирующую политическую идею и политические принципы" (с. 57). Существенно, что документом подтверждается

“право императора на обладание естественной и законной политической властью” (с. 57).

Характеризуя “дипломатическую эпоху мифологической Японии”, автор указывает на следующие положения, сохраняющие свое значение по сегодняшний день: 1. Дипломатическая миссия осуществляется мирными средствами. 2. Та эпоха — время зарождения первых представлений о деонтологических принципах дипломатии, касающихся вопросов служебного долга, дисциплины, профессиональной ответственности. 3. Эпоха связана с современностью через культ предков, сохранение роли императора как основы японской государственности, внешней политики и официальной дипломатии, а также как символа единства нации. 4. В политике и дипломатии эпохи мифологической Японии утверждается важная роль женщины (с. 46).

Автор исследования считает, что под влиянием традиции, заложенной в давние времена, в современном японском обществе сохраняются такие черты, как “подчинение интересов личности интересам коллектива, приверженность коллективным и иерархическим нормам и ценностям, идущим от мифов, — специфические гарантии законопослушания японской нации, а, следовательно, в определенной мере, японской дипломатии на международной арене” (с. 50). Развивая свою мысль, М. Шарко подчеркивает: “С глубокой древности Япония ощущает себя страной, призванной следовать мировому порядку, описанному в мифах как сбалансированное соотношение политических, военных, экономических и других сил, существующих в мире. Японская дипломатия призвана осуществлять гармонию, приводить все в соответствующий вид, поддерживать изначальную связь Неба-Земли, человека с японскими богами” (с. 51).

Автор монографии на основании своего исследования, утверждает, что “закрепленные многовековой традицией многочисленные нормы, правила и даже ритуалы” играют по-прежнему существенную роль в японском обществе. И добавляет: “... дипломатия, оторванная от своей традиционной корневой основы, внеисторична, в глубочайшем смысле слова, так как отчуждена от своего народа” (с. 62). Относительно того, что в истории японской дипломатии примеры такого отрыва существовали, автор высказывается, хотя, на мой взгляд, недостаточно ясно и

конкретно. И, вообще, он лишь вскользь касается, в основном, периода 30-х гг. в японской политике. А ведь отход от традиций японской дипломатии в стране носил отнюдь не эпизодический характер. Он начинался уже вскоре после реставрации Мэйдзи. На долгие годы тогда Япония вступала на путь военной экспансии, отбросив главный принцип своей дипломатии — ограничиваться мирными средствами.

Вспомним 1874 г. — вторжение на китайский о.Тайвань, 1875 — на корейский о.Канхва, 1884 — организация дворцового переворота в Сеуле, 1884 — высадка японских войск в Корею, 1884 — на китайском полуострове Ляодун, 1895 — убийство японцами корейской королевы Мин, 1904 — нападение японского флота на русский флот в Порт-Артуре и Чемульпо, начало войны против России, 1910 — аннексия Японией Кореи, 1915 — японский ультиматум Китаю, 1918 — 1922 — интервенция Японии на советском Дальнем Востоке, 1931 — японское вторжение в Маньчжурию... Напоминание необходимо, чтобы признать, что отказ от дипломатических традиций в японской внешней политике в XIX — XX вв. носил системный, отнюдь не кратковременный, характер. Следовательно, требуется более основательное исследование того, когда и почему это происходило в прошлом, чтобы предвидеть, может ли при определенных обстоятельствах это возникнуть в будущем.

Автор в первой главе предлагает свою периодизацию дипломатических эпох Японии: первый — с 8000 по 300 г. до н.э., второй — с 300 г. до н.э. по 1868 г. н.э. и третий — с 1868 г. по настоящее время. М. Шарко дает характеристику каждой из эпох, однако, как представляется, при этом неполно раскрываются особенности японской дипломатии применительно к наиболее важным дипломатическим событиям. Это, прежде всего, относится к третьему периоду, в течение которого реальная внешняя политика неоднократно вступала в конфликт с традиционными установками японской дипломатии.

В главе 2 (“Философское измерение японской дипломатии”) автор исследует современное поведение Японии в сфере мировой политики, некоторые оценки отличаются яркостью и точностью. А порою, и чрезмерным, на мой взгляд, идеализмом. Так, М. Шарко рассуждает: “Япония никогда не отбрасывала старый опыт, как бы ни была привлекательна и относительно нова вновь появившаяся

идея... Для японской дипломатии важны не столько новейшие технологии управления политическим процессом, сколько ее собственный опыт и сохранение национальной идентичности" (с. 134). Лишь из-за недостатка места удерживаюсь от развернутого возражения на столь категоричное суждение, в котором содержится слово "никогда". Не приводит автор порой и убедительных аргументов в пользу своих весьма оптимистических прогнозов по поводу будущей внешней политики Японии, он, в частности, считает: "Устремление большинства японцев к миру и многолетние усилия прогрессивных лидеров и японской дипломатии не должны пропасть даром" (с. 151). Сегодняшние тревожные тенденции в политике японской правящей элиты, уверенно идущей по пути пересмотра "мирной конституции", вряд ли можно не замечать. Во всяком случае, это, как и широкая программа мероприятий в военной области, вызывает обоснованную озабоченность в ряде соседних Японии стран, прежде всего в Китае и Южной Корее, которые в прошлом понесли огромные жертвы в результате японской экспансии 30- 40 — х гг. XX столетия.

В главе 3 — "Стратегическое изменение японской дипломатии: традиционность и современность" — подробно излагаются принципиальные положения, касающиеся стратегии японской дипломатии. Отмечается то глубокое влияние, которое оказало на нее военно-теоретическое уче-

ние китайского философа Сунь-Цзы. Условно прежде, оно остается актуальным для всех тех сфер деятельности японского государства, в которых принимаются ответственные решения, дипломатическая сфера — одна из них.

Глава 4 посвящена "Деонтологическим принципам японской дипломатии". Здесь три раздела: 1. Деонтологические принципы в дипломатии — императив времени. 2. Концепция служебного долга в японской дипломатии. 3. Японская вежливость и национальные стилизованные контакты в дипломатии.

Наименования разделов весьма точно отвечают их содержанию. Я не стану его передавать подробно. Хочу лишь подчеркнуть, что автор собрал в этой главе много интересных фактов и наблюдений, с прекрасным знанием предмета, с теплотой и доброжелательностью, пишет об особенностях практики японской дипломатии.

Монография М. В. Шарко "Философия японской дипломатии" — безусловно, хороший вклад в изучение одного из близких и весьма значимых для России соседних государств, каким является Япония. Я уверен, что авторские идеи, оценки имеют не только теоретическое значение, они могут оказаться весьма полезными в практической области — на дипломатическом поприще, в первую очередь. Книга, думаю, будет интересна историкам, политологам, философам, практическим работникам, особенно сотрудникам российского МИДа. Всем интересующимся Японией.

ШОС: становление и перспективы развития. Материалы международной конференции/Под ред. М.Ашимбаева и Г.Чуфрина. Алматы: Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, 2005. 196 с.

1 июня 2005 года в Москве прошла международная конференция "ШОС: становление и перспективы развития", организованная Институтом мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН и Институтом мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан, с участием экспертов ведущих научно-исследовательских центров России и Казахстана. Несмотря на то, что в конференции приняли участие представители лишь двух стран, она была достаточно содержательной и охватила широкий круг вопросов. Об этом можно судить по изданному в конце прошлого года в г.Алматы сборнику материалов международного форума.

Сегодня, когда ШОС отметила пятую годовщину своего существования, интерес к этой организации постоянно растет. И не только потому, что зона ее ответственности охватывает полтора миллиарда человек и около 3/5 Евразийского континента. ШОС уверенно проходит этап своей институционализации и в ближайшем будущем может стать одним из ключевых центров силы. При этом можно отметить, что наблюдателями в ШОС уже являются представители таких крупных стран как Индия, Пакистан, Иран. Поэтому стратегические цели, безусловно, перспективного объединения могут быть разными и со временем серьезно корректироваться. Тенденция к этому имеется. Именно с этих позиций следует рассматривать сборник материалов упомянутой международной конференции.

Открывает сборник вступительное слово директора Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан М.Ашимбаева. Основным тезисом материала, как и многих других статей сборника, является призыв о необходимости "позиционировать регион как самостоятельный субъект международной политики, а не как пассивный объект политики внешних сил" (с. 5). При этом каждая из сторон, участвующая в ШОС, имеет свои кон-

кретные цели и задачи. А.Ашимбаев вкратце рассказал о значении организации для ряда ее стран-членов.

Во вступительном слове заместителя директора ИМЭМО члена-корреспондента РАН Г.Чуфрина основное внимание концентрируется на прагматичных целях конференции, а именно на необходимости разработки конкретных путей и методов решения задач, стоящих в настоящее время перед странами ШОС. И материалы, включенные в сборник, говорят о том, что многие из них нацелены именно на такой подход, в чем и заключается особая ценность рецензируемой работы.

Собственно сборник открывает статья Г.Чуфрина "ШОС как фактор нового регионального порядка". Автор статьи достаточно скептически оценивает деятельность организации и не разделяет "оптимистического мнения, в том числе бытующего и на официальном уровне, относительно того, что организационное строительство ШОС было осуществлено "в беспрецедентно короткие сроки" и "с высоким коэффициентом полезного действия"... Фактически участники ШОС все еще не вышли за пределы политических деклараций"(с. 10). Тональность всего изложения Г.Чуфрина сводится к тому, что участникам ШОС еще необходимо проделать огромную работу, чтобы соответствовать тем современным вызовам, которые сегодня существуют в мире. А для этого необходимо научиться сотрудничать, а не соперничать в рамках организации, гармонизировать нормативно-законодательную базу, выработать консолидированную позицию по актуальным вопросам повестки дня и многому другому. И самое главное, "перейти от декларации своих намерений к наполнению заявленных планов конкретным содержанием" (с. 15). Трудно не согласиться с мнением уважаемого ученого, но при этом нельзя не отметить, что в рамках ШОС существует политическая воля и, как подчеркивает сам автор, присутствует "шанхайский дух", который расширяется как взаимное

доверие, взаимная выгода, равенство, уважение к интересам и мнениям друг друга, взаимные консультации, достижение взаимопонимания через консенсус, добровольное согласие выполнять достигнутые договоренности. А этого уже не мало. Конечно, хотелось бы, чтобы отношения как внутри, так и за пределами организации развивались более интенсивно и с большей пользой, но в этом случае странам придется сужать некоторые свои национальные интересы, а пока делать этого никто не намерен. Имеются серьезные противоречия между Россией и Китаем и преодолеть их за небольшой исторический промежуток времени сложно, если вообще возможно. Да и страны центральноазиатского региона не очень стремятся быть в сфере интересов лишь одного центра притяжения, каким бы сильным он ни был.

Со статьей Г.Чуфрина несколько polemизирует представитель МИД России И.Гавричев. В материале "Современное состояние ШОС" он, напротив, отмечает, что в рамках организации достигнуты заметные успехи, хотя существуют и проблемы, для преодоления которых "необходимо повысить уровень взаимодействия" (с. 26). При этом автор особо отмечает роль Китая в создании организации. Действительно, Китай играет заметную роль в организации и в силу своих геополитических и геоэкономических целей и задач связывает с ШОС свои надежды. Но ведь в организации есть и другие страны, например, Россия. Разве у нее или у стран региона нет своих интересов в ШОС? Об этом, к сожалению, практически ничего не сказано.

Так, в материале Б.Султанова "Республика Казахстан и ШОС: формирование механизмов безопасности и сотрудничества" основной упор почему-то сделан на двусторонних казахстанско-китайских отношениях.

Рецензируемый сборник содержит целый ряд статей, в которых излагается глубокий исследовательский взгляд на события, связанные с ШОС.

Интересной и содержательной является, в частности, статья члена-корреспондента Российской Академии наук В.Михеева "Китай и ШОС: проблемы взаимодействия "великих держав" и перспективы организации". Она состоит из нескольких частей, каждая из которых представляет отдельное исследование по весьма актуальной для ШОС проблеме.

Вначале автор рассматривает дина-

мику китайского похода к ключевым позициям организации. На этом пути Пекин прошел несколько этапов, причем каждый из них не только не отрицал предыдущий, но и дополнял его новым содержанием. Автор подводит нас к многоуровневому пониманию китайской стратегии, для которой наиболее оптимальным вариантом было бы трехстороннее — Россия, Китай и США — сотрудничество по широкому спектру проблем Центральной Азии. При этом В.Михеев высказывает несколько спорных, на наш взгляд, тезисов, в том числе, что "ШОС — это элемент сдерживания Китая в ЦА, на который делает ставку российское руководство" (с. 32). Это не совсем так, ибо зачем Москве еще один рычаг давления со стороны Пекина на центральноазиатские страны, особенно учитывая экономическую составляющую организации. Второй посыл — это якобы "активизация экстремистских сил внутри 50-тысячной уйгурской диаспоры, проживающей в Киргизии" (с. 32) после известных событий в стране и вакуума власти в настоящее время. Зная реальную ситуацию в республике, вряд ли можно всерьез говорить об этом как об одном из факторов региональной дестабилизации.

Наиболее интересная, по нашему мнению, часть статьи имеет подзаголовок "Центральная Азия — как регион "столкновения-и-совпадения" интересов трех великих держав". Материал четко структурирован и изложен по определенной схеме. При этом автор пытается "разделить" интересы великих держав, выделив преобладающий подход к региону. Сделать это, на наш взгляд, чрезвычайно сложно, ибо на данном этапе развития страны еще четко не сформулировали свою стратегию. Есть определенные декларативные намерения, которые не наполнены практическим содержанием. Отмеченные В.Михеевым приоритеты (с. 35) в борьбе с угрозами являются по большому счету ширмой, за которой кроются геополитические и, в большей мере, геоэкономические интересы. Борьба с терроризмом и т.д. — это лишь повод для проникновения в регион.

Ремарка касательно ШОС, что организация "находится не столько на "этапе становления", сколько в концептуальном тупике" (с. 36), достаточно емко, но несколько упрощенно, характеризует нынешнюю ситуацию. Много, если не все, в этой связи зависит именно от Москвы. Пекин пытается

наполнить ШОС конкретным содержанием, но без понимания российской стороны добиться чего-либо будет сложно, если вообще возможно. Именно поэтому Китай считает, что у России пока нет концептуальных идей и конкретных планов дальнейшего развития ШОС (с. 38).

Безусловно, у России больше возможностей по приданию нового импульса организации, нежели у Китая. Выводы, которые делает автор, прагматичны. Однако, учитывая то место, которое отводится ШОС политикой Поднебесной, можно предположить, что в ближайшее время Пекин выступит с новыми инициативами и в формате трехстороннего «сотрудничества-соперничества», устраивающего «центральноазиатский угол», и, самое главное — в продвижении своих целей.

Один из соавторов монографического исследования о ШОС, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований А. Куртов в материале «Россия и Китай в ШОС: проблемы несимметричного партнерства» подробно освещает механизм функционирования различных структур организации с некоторым упором на сотрудничество России с Китаем. Весьма интересны суждения автора о трубопроводе Западный Казахстан — Западный Китай, который, естественно, не отвечает интересам Москвы. Однако с учетом ситуации, сложившейся вокруг нефтепровода Ангарск—Находка, России придется считаться с новыми реалиями. Материал достаточно критически оценивает сотрудничество России с Китаем в ущерб Европе. Такое мнение в России существует, и часто оно превалирует. При этом А. Куртов отмечает, что «ряд российских экспертов вообще ставят под сомнение стратегическую целесообразность увеличения контактов России с Китаем, в том числе и в рамках ШОС» (с. 63).

Взгляд на ШОС с несколько неожиданного ракурса представила в своей статье «Шанхайская организация сотрудничества и ее мусульманское окружение» доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО Д. Малышева.

Взяв за основу понятие «Большая Центральная Азия», включающую в себя, кроме стран собственно Центральной Азии, Китай, Индию, Пакистан, Иран, Афганистан и Монголию, автор делает акцент на исламском компоненте в политике, в том числе и в рамках ШОС.

Д. Малышева рассматривает несколько альтернативных сценариев развития организации и подробно рассматривает взаимодействие ШОС с соседними государствами — Афганистаном, Пакистаном, Индией и Ираном, в которых исламский фактор играет исключительно важную роль. В результате своего анализа автор приходит к выводу, что организация «остаётся привлекательной для тех мусульманских государств, которые надеются занять собственную нишу в формирующемся миропорядке» (с. 91). Поэтому, по ее мнению, не исключено расширение ШОС, что, правда, таит в себе ряд сложностей.

Пolemический характер носит статья Г. Кунадзе «Шанхайская организация сотрудничества — мистификация или реальность?». Автор настроен довольно критически, и уже в самом начале категорически утверждает, что «чем конкретно будет заниматься ШОС — не вполне понятно. Весьма характерно, кстати, что оценить успехи и неудачи практической деятельности ШОС не представляется возможным по причине отсутствия таковой» (с. 137). Далее автор довольно пространно рассуждает о различных политических аспектах, не имеющих прямого отношения к ШОС. Лишь в последней части своего материала он вновь обращается к ШОС и вновь в очень критической форме.

Рецензировать сборник, содержащий материалы научной конференции, сложно и интересно. У каждого из его авторов есть свое видение деятельности организации, и соглашаться с ним или опровергать — дело неблагодарное, да и бессмысленное. Радует лишь то, что небольшая библиотека о бурно развивающейся молодой организации пополнилась содержательным и полезным сборником.

Юбилей ученого

Вячеславу Петровичу Зимонину — 60 лет

30 сентября с.г. исполняется 60 лет известному российскому японисту, специалисту по проблемам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, педагогу и общественному деятелю Вячеславу Петровичу Зимонину.

В. П. Зимонин родился в с. Дубенки Дубенского района в Мордовии в семье офицера запаса. Следуя семейной традиции, он решил избрать военное дело своей профессией. В 1968 г. он окончил Омское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военный институт иностранных языков, в 1982 г. — заочную адъюнктуру Военно-политической академии. В годы учебы и службы на Тихоокеанском флоте у молодого офицера появился интерес к глубокому изучению истории Великой Отечественной войны и, в частности, боевых действий наших войск на Тихом океане в 1945 г.

Активной научной деятельностью В.П. Зимонин занялся после поступления в 1982 г. в Институт военной истории Министерства обороны (ИВИ МО), где работает по настоящее время. В 1998-2003 гг. был главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН. Он — кандидат исторических наук (1982), доктор исторических наук (1991).

В.П. Зимонин — автор и соавтор около 120 книг (в т.ч. 12 авторских, 9 из которых изданы за рубежом), 400 статей, научных докладов и лекций по широкому кругу проблем, связанных с военной историей и современностью стран Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона, вопросами геополитики и безопасности. Известность получили его монографии "Эволюция военной доктрины Страны Восходящего Солнца" (М.: АВИАР, 1993. 508 с.), "Регион в огне: Узловые проблемы войны на Тихом океане" (М.: ИВИ МО, 1993. 364 с.), "Новая Россия в новой Евразии: проблемы комплексного обеспечения безопасности" (М.: Клуб "Реалисты", 1997. 88 с.), "Верность традициям: Вооруженные Силы СССР в войне против Японии, 1945 г." (М.: ИВИ МО, 1998. 152 с.), "Последний очаг Второй мировой" (М.: ИДВ РАН; ИПБРЕА, 2002. 544 с.), "Победная точка во Второй мировой войне" (М.: ИДВ РАН, 2005. 112 с.).

Ряд работ В.П. Зимонина посвящены анализу приоритетов военной политики ведущих стран Азиатско-Тихоокеанского региона (США, Китая, Япо-

нии, корейских государств) и выработке рекомендаций по их учету в политике обеспечения безопасности Российского Федерации.

Он внес вклад в разоблачение агрессивной сущности политики императорской Японии, выявление причин краха японского милитаризма, показ вклада Советского Союза в разгром японской военщины, решающей роли СССР в ускорении окончания Второй мировой войны. Видное место в его работах занимают исследования содержания военной доктрины современного японского государства, основных направлений его военного строительства и подготовки вооруженных сил, а также изучение проблем "холодной войны", идеологической и психологической борьбы в новейшее время.

Научную работу В.П. Зимонин совмещает с деятельностью по подготовке научных кадров высшей квалификации. Он — заместитель председателя докторского диссертационного совета ИВИ МО, член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Много внимания В.П.Зимонин уделяет научно-организационной работе, в том числе и на общественных началах. В течение нескольких лет он — заместитель начальника Института военной истории, первый вице-председатель Комиссии по военной истории народов Востока Общества востоковедов Российской академии наук, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны Национального комитета историков России.

Научную и научно-организационную деятельность В.П. Зимонин совмещает с активной работой в системе высшего образования. Он — профессор Военного университета, директор независимого Института проблем безопасности и развития Евразии (ИПБРЕА), проректор по научной работе Московского института международных экономических отношений.

В.П. Зимонин — кавалер Ордена Почета, награжден многими медалями, удостоен наград ряда общественных организаций.

Мы поздравляем В.П. Зимонина с юбилеем и желаем ему доброго здоровья, счастья, неиссякаемой энергии и новых творческих успехов.

*Дирекция Института Дальнего Востока РАН,
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

Дубровский Андрей Денисович
24 января 1923 г. — 3 июля 2006 г.

Дирекция и профсоюзная организация Института Дальнего Востока РАН с прискорбием извещают, что 3 июля 2006 г. скоропостижно скончался бывший сотрудник ИДВ РАН, специалист по Китаю, дипломат Дубровский Андрей Денисович.

Андрей Денисович родился 24 января 1923 г. в крестьянской семье в селе Ивановке Житомирской области.

В 1940 г. окончил среднюю школу. По состоянию здоровья был освобождён от военной службы.

В сентябре 1942 г. стал студентом китайского отделения Московского института востоковедения.

В 1946 г. после окончания 4-го курса института был командирован по линии МИД СССР в Посольство СССР в Китае, где в дальнейшем с перерывами работал около 18 лет (последняя командировка — в 1975-1979 гг. на должность советника-посланника).

В Центральном аппарате МИД работал в 1-ом Дальневосточном отделе, а в 1980-1986 гг. — в Управлении по планированию внешнеполитических мероприятий.

Службу в МИДе окончил в ранге Чрезвычайного и Полномочного посланника 2-го класса.

За добросовестный труд награждён 2-мя орденами “Знак Почёта”, медалями “За трудовую доблесть” и “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”.

В ИДВ РАН Андрей Денисович работал старшим переводчиком—консультантом в Центре научной информации и документации в 1987-1988 гг. и в 1992-1998 гг. Он всегда отличался высоким профессионализмом, исполнительностью и трудолюбием. Таким он запомнился всем, кто работал с ним.

Отличное знание китайского языка и реалий жизни Китая, практический опыт дипломатической работы позволяли ему оперативно и с высоким качеством выполнять многочисленные обзоры китайских периодических изданий, выполнять переводы и реферирование статей на актуальную внутреннюю и международную тематику.

Андрея Денисовича отличали такие прекрасные качества, как скромность, доброжелательность к людям, готовность оказать помощь ближним, отзывчивость.

Коллектив Института Дальнего Востока понес невосполнимую утрату. Светлая память об Андрее Денисовиче навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, профсоюзная организация ИДВ РАН.
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Москалев Алексей Алексеевич
29 сентября 1930 г. — 21 июня 2006 г.

Дирекция и профсоюзная организация Института Дальнего Востока РАН с прискорбием извещают, что 21 июня 2006 г. скоропостижно скончался доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН Москалев Алексей Алексеевич.

Алексей Алексеевич Москалёв родился 29 сентября 1930 г. в Москве. В 1950 — 1954 гг. он обучался на китайском отделении Московского института востоковедения (МИВ), а 1954 — 1955 учебном году, в связи с ликвидацией МИВа, продолжил обучение в МГИМО, который закончил в 1955 году, получив квалификацию “страновед по Китаю со знанием китайского и английского языков”.

С 1957 г. Алексей Алексеевич работал в системе Академии наук СССР (РАН): 1957 — 1960 — в Институте китаеведения; затем — в Институте народов Азии и в Институте востоковедения, где занимался составлением Большого китайско-русского словаря, а также изучением чжуанского и китайского языков. В 1958 — 1960 гг. Алексей Алексеевич находился в длительной научной командировке в Гуанси-Чжуанском автономном районе КНР, где продолжал изучать чжуанский язык.

В 1968 г. в Институте народов Азии Алексей Алексеевич успешно защитил кандидатскую диссертацию “Фонология языка чжуан” (присуждена учёная степень кандидата филологических наук).

С 1971 г. Алексей Алексеевич работал в Институте Дальнего Востока РАН, где сформировался как признанный в России и за рубежом специалист в области изучения национального вопроса и национальной политики КНР. В 1994 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: “Национальный вопрос в Китае: теоретические аспекты национальной политики (1912 — 1992 гг.)”. Алексей Алексеевич — автор свыше 300 научных работ, в том числе 5 монографий.

А.А.Москалев представлен администрацией и коллективом ИДВ РАН к присвоению звания “Заслуженный деятель науки Российской Федерации”.

Алексея Алексеевича любили все, кому посчастливилось быть с ним знакомым. Общеизвестна его скрупулезность в научном поиске, искренность в отношениях с людьми, готовность прийти на помощь товарищу.

Друзья и коллеги Алексея Алексеевича Москалева скорбят по поводу его безвременной кончины и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память об Алексее Алексеевиче Москалеве навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, коллектив ИДВ РАН,
Профсоюзный комитет ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Якубовский Владимир Борисович
3 сентября 1934 г. — 26 мая 2006 г.

Дирекция и профсоюзная организация Института Дальнего Востока РАН с прискорбием извещают, что 26 мая 2006 г. скоропостижно скончался кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН Владимир Борисович Якубовский.

Всю свою жизнь Владимир Борисович отдал служению отечественному востоковедению. В 1958 г. он окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. В 1971 г. в Институте востоковедения АН СССР защитил кандидатскую диссертацию и получил ученую степень кандидата экономических наук. С 1970 по 1989 гг. работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР в качестве ученого секретаря по международным научным связям, заведующим сектором, ведущим научным сотрудником.

В 1989 г. Владимир Борисович поступил на работу в Институт Дальнего Востока и всю последующую жизнь посвятил исследованию проблем международных экономических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе и научному сопровождению политики России в отношении многостороннего экономического сотрудничества в этом регионе. Неоднократно принимал активное участие в конференциях по вопросам участия России в АТЭС, организованных ИДВ РАН совместно с МИД России, являлся членом редколлегии сборников материалов данных научно-практических встреч.

Наряду с этим Владимир Борисович принимал участие в подготовке кадров ученых-востоковедов. В качестве приглашенного преподавателя вел курс лекций по вопросам внешней политики России в АТР в университетах Энсей и Кунгхи (Южная Корея), в качестве приглашенного ученого занимался исследованием возможностей взаимодействия между Россией и Японией в университете Кейо и Центре экономических исследований Японии. Научные труды Владимира Борисовича отличали глубина исследования, забота об интересах Отечества.

Трудолюбие, творческая энергия, принципиальность и доброжелательность в отношении коллег неизменно вызывали глубокое уважение к Владимиру Борисовичу у всех, кто знал его лично или знакомился с его научными трудами.

Коллектив Института Дальнего Востока понес невосполнимую утрату. Светлая память о Владимире Борисовиче навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, профсоюзная организация ИДВ РАН.
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru. Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 15.06.2006 г. Подписано к печати 17.07.2006 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 14,4 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 844 экз. Зак. 1508

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2006 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.